

Веснік

Брэсцкага ўніверсітэта

Галоўны рэдактар:
М.Э. Часноўскі

Намеснік галоўнага рэдактара:
У.В. Здановіч

Міжнародны савет
М.М. Громаў (Расія)
А.М. Круглашоў (Украіна)
Эдвард Ярмох (Польшча)

Рэдакцыйная калегія:

Г.І. Займіст
(адказны рэдактар)
П.А. Вадап'янаў
В.М. Ватыль
А.М. Грыгаровіч
Ч.С. Кірвель
П.П. Крусь
А.І. Лысюк
Б.М. Ляпешка
С.В. Рашэтнікаў
Д.Г. Ротман
Я.У. Скакун
В.А. Сцепановіч
Т.І. Якавук
Я.С. Яскевіч

Пасведчанне аб рэгістрацыі
ў Міністэрстве інфармацыі
Рэспублікі Беларусь
№ 1335 ад 28 красавіка 2010 г.

Адрас рэдакцыі:
224665, г. Брэст,
бульвар Касманаўтаў, 21
тэл.: 23-34-29
e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Часопіс «Веснік Брэсцкага
ўніверсітэта» выдаецца
з снежня 1997 года

Серыя 1

ФІЛАСОФІЯ

ПАЛІТАЛОГІЯ

САЦЫЯЛОГІЯ

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выходзіць два разы ў год

Заснавальнік – установа адукацыі
«Брэсцкі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.С.Пушкіна»

№ 1 / 2013

У адпаведнасці з Загадам Старшыні Вышэйшай атэстацыйнай камісіі Рэспублікі Беларусь № 21 ад 01.02.2012 г. часопіс «Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 1. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія» ўключаны ў Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў па філасофскіх, палітычных і сацыялагічных навук

Vesnik

of Brest University

Editor-in-chief:
M.E. Chasnovski

Deputy Editor-in-chief:
V.V. Zdanovich

International Board:
M.M. Gromov (Russia)
A.N. Kryglashov (Ukraine)
Edvard Yarmokch (Poland)

Editorial Board:
G.I. Zaimist
(managing editor)
P.A. Vadapyanav
V.M. Vatył
A.N. Grigorovich
C.S. Kirvel
P.P. Krus
A.I. Lysyuk
B.M. Lyapeshka
S.V. Reshetnikov
D.G. Rotman
E.Y. Skakun
V.A. Stepanovich
T.I. Yakavuk
Y.S. Yaskevich

Registration Certificate
by Ministry of Information
of the Republic of Belarus
№ 1335 from April 28, 2010

Editorial Office:
224665, Brest,
Boulevard Cosmonauts, 21
tel.: 23-34-29
e-mail: vesnik@brsu.brest.by

Published since December 1997

Series 1

PHILOSOPHY

POLITOLOGY

SOCIOLOGY

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

Issued two times a year

Founder – Educational institution
«Brest state university named after A.S. Pushkin»

№ 1 / 2013

According to the order of Chairman of Supreme Certification Commission of the Republic of Belarus № 21 from February 01, 2012, the journal «Vesnik of Brest University. Series 1. Philosophy. Politology. Sociology» was included to the List of scientific editions of the Republic of Belarus for publication of the results of scientific research in philosophical political and social sciences

ЗМЕСТ

ФІЛАСОФІЯ

Онуприенко С.П. Доминирующие факторы социально-экологической деятельности в контексте современных проблем белорусского общества	5
Даренский В.Ю. Современная техника как испытание человека в диалоге с природой.....	12
Наливайко И.М. «Онтология повседневности» (способы тематизации повседневности в современной западной философии).....	18

ПАЛІТАЛОГІЯ

Макаренко Е.А. Аналитические разработки исследовательских центров США в сфере обеспечения национальных интересов государства.....	24
Лысюк А.И., Соколовская М.Г. Гражданское общество: структурно-функциональные характеристики (часть 1)	36
Авраменко О.А. Политические аспекты принятия и реализации норм и принципов Киотского протокола.....	45
Ватъль Н.В. Модель сильного и эффективного государства в политическом учении И.А. Ильина.....	51
Волина Л.Г. Комплексный гендерный подход в исследовании политических процессов	56
Пушкін І.А. Парламенцкая дзейнасць у Рэспубліцы Беларусь па рэгуляванні міжнацыянальных адносін	62
Осмоналиева А.Т. Роль пропорциональной избирательной системы в распределении мандатов Жогорку Кенеша	70
Пипченко Н.А. Осуществление политической коммуникации в условиях цифрового неравенства.....	77
Колос А.В. Становление внешнеэкономических связей Республики Беларусь: политологический аспект исследования.....	82
Северин Э.Н. Права человека как предмет политической науки	88

САЦЫЯЛОГІЯ

Бабосов Е.М. Системность в творческой деятельности российских и белорусских философов и социологов XX–XXI веков	97
Русецкая В.И. Формирование социокультурной идентичности личности в современном обществе	105
Яковук Т.И. Конструирование новых туристических пространств.....	110
Бабосова Е.С. Общественно-политическая активность современной белорусской молодежи.....	116
Фаблинова О.Н. Студенческая молодежь г. Минска: портрет интернет-пользователя.....	122
Ненчук О.М. Особенности построения жизненной перспективы личности в условиях современного общества.....	129
Балич Н.Л. Религиозный фактор в социально-политической жизни современной Беларуси	136

НАВУКОВАЕ ЖЫЦЦЁ: РЭЦЭНЗІІ, АНАТАЦЫІ, ВОДГУКІ

Беляева В.Е., Варич В.Н. Степанович В.А. Философия : курс лекций : в 3 ч. / В.А. Степанович; Брест. гос. ун-т имени А.С. Пушкина. – Брест : БрГУ, 2012. – Ч. 2 : Неклассическая философия XIX–XX вв. – 259 с.	145
Люкевіч У.П. Яковук Т.И. Социология туризма : монография / Т.И. Яковук; Брест. гос. ун-т имени А.С. Пушкина. – Брест : БрГУ, 2012. – 244 с.	147
Звесткі аб аўтарах	149

CONTENTS

PHILOSOPHY

Onuprienko S.P. Dominating Factors of Socio-ecological Activity in the Context of Contemporary Problems of Belarusian Society	5
Darenski V.Y. Modern Technique as a Test Human in Dialogue with Nature	12
Nalivaiko I.M. Ontology of Everydayness (the Means of Thematic Essence of Everydayness In Contemporary Western Philosophy).....	18

POLITOLOGY

Makarenko Ye.A. Analytical Elaborations of Research Centres of the USA in Providing National Interests of the State	24
Lysiuk A.I., Sokolovskaja M.G. Civil Society: Structural-Functional Characteristics (Part 1).....	36
Avramenko O.A. The Political Aspects of Making and Implementing Rules and Principles of the Kyoto Protocol	45
Vatyl N.V. Model of the Strong and Effective State in I.A. Ilyin's Political Doctrine	51
Volina L.G. An Integrated Gender Approach in Researching Political Processes.....	56
Pushkin I.A. Parliamentary Activities on Settlement of Interethnic Relations in the Republic of Belarus	62
Osmonalieva A.T. The Role of the Proportional Election System in the Distribution of Mandates Parliament ...	70
Pipchenko N.A. Implementation of Political Communication in a Global Digital Divide	77
Kolos A.V. The Origin of Foreign Economic Links of Republic of Belarus: the Political Aspect of the Research	82
Severin E.N. Human Rights as a Subject of Political Science	88

SOCIOLOGY

Babosov E.M. System Approach in Scientific Works of Russian and Belarusian Philosophers and Sociologists of XX–XXI centuries	97
Rusetskaya V.I. The Formation of Socio-Cultural Identity of the Individual in the Contemporary Society.....	105
Yakovuk T.I. Constructing of New Tourist Areas.....	110
Babosova E.S. Social and Political Activity of Young People in Belarus	116
Fablinova O.N. Minsk Students: the Portrait of an Internet User	122
Nenchuk O.M. Peculiarities of Development of the Life Outlook of Personality in the Conditions of Modern Society	129
Balich N. Religious Factor in Social and Political Life of Modern Belarus	136

SCIENTIFIC LIFE: REVIEWS, ANNOTATIONS, COMMENTS

Belyaeva V.E., Varich V.N. Stepanovich V.A. Philosophy : Course of Lectures : in 3 parts / V.A. Stepanovich; Brest State University named after A.S. Pushkin. – Brest : BrSU, 2012. – P. 2 : Non-classical Philosophy of XIX–XX centuries. – 259 p.....	145
Lyukevich V.P. Yakovuk T.I. Sociology of Tourism : Monograph / T.I. Yakovuk; Brest State University named after A.S. Pushkin. – Brest : BrSU, 2012. – 244 p.	147
Information about the authors	149

УДК 113: 502. 3 + 316. 334. 5] (476)

С.П. Онуприенко

ДОМИНИРУЮЩИЕ ФАКТОРЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ПРОБЛЕМ БЕЛОРУССКОГО ОБЩЕСТВА

В представленной статье осуществляется теоретико-методологический анализ основных причин становления социально-экологических процессов современного мира, их влияния на динамику белорусского общества, пути стабилизации его структурно-функциональных характеристик. Традиционные и инновационные методы психоинтеллектуального развития способствуют оптимизации теоретико-методологических, методических способов реализации стратегической программы оздоровления населения Беларуси.

Введение

Хронология событий конца XX – начала XXI вв. с необходимостью констатирует закономерную стратегическую линию цивилизации – проблемы выживания человечества в условиях обострения эколого-социальной кризисной ситуации. В этой связи первостепенное значение для современного белорусского общества приобретает задача методологического анализа функционально-деятельностных характеристик доминирующих факторов нашего времени.

Вторая актуальная задача белорусского общества – укрепление здоровья населения, что должно непосредственно отразиться на позитивной динамике роста рождаемости и устойчивому снижению смертности, улучшению качества питания, росту благосостояния и социальной защищенности наших граждан, о чем весьма красноречиво свидетельствуют материалы беседы президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко с представителями отечественных и зарубежных СМИ 16 января 2013 г. Как было отмечено на встрече, проблема стабилизации народно-хозяйственного механизма, рост образовательно-культурного потенциала Беларуси все в большей мере определяются действенностью мер экологической безопасности в масштабах Европы и всего мира.

Доминирующие социоэкологические факторы: историко-методологический анализ

Попытаемся дать научную оценку доминирующих факторов современности в контексте системно-хронологического экскурса.

XIX – начало XX вв. – период важных открытий, главным образом в области математики. Н.Н. Лобачевский, С.В. Ковалевская – их были сотни, чьи фамилиями пестрели газеты, журналы. Немое кино, великое переселение европейцев на дикие земли Северной Америки и Австралии, передел колоний и сфер политико-экономического влияния в Индии, Африке, регионах Центральной, Южной Азии, безудержное освоение сельвы Амазонии, просторов Арктики, Сибири, Дальнего Востока.

Эти же факторы с необходимостью породили проблемы поиска мыслителей – специалистов различных направлений, способных «с умом» рассчитать, подсчитать, вычислить математические нюансы товарно-денежных прибыльных операций огромного всемирного хозяйства. Именно они гиперболически ускорили развитие промышленности и торговли – двух важнейших рычагов прогресса цивилизации, одновременно стимулируя благоприятные условия становления плеяды ученых в области математики, техники, иных точных наук.

Вторая мировая война и два последующих десятилетия – время небывалого взвинчивания гонки вооружений, включавшую разработку и испытания химического, биологического, ядерного, термоядерного, нейтронного и др. видов сверхоружия. В период так называемой «послесталинской оттепели» 1960-х гг. ускоряются темпы по созданию мощных тепло-, гидро-, атомных, водородных установок мирного назначения, а также беспрецедентных исследований космического пространства, что, естественно, накладывало печать общенациональной ответственности на ученых – физиков-теоретиков и отраслевиков. И.В. Курчатов, Л.Д. Ландау, А.Ф. Иоффе, П.Л. Капица – этих и сотни других советских физиков знали на всей планете.

80–90-е гг. прошлого, атомного века – эра лазерной телеметрии, компьютерных микропроцессоров, технического *know-how*. Ведущие позиции опять-таки за «спецами» в области физико-математических наук. Нобелевский лауреат, российский физик с мировым именем Ж. Алферов справедливо заметил, что на рубеже века минувшего и века нынешнего незыблемое лидерство «физматовцев» было серьезно поколеблено.

Суть в том, что XXI столетие выносит свой жесткий вердикт: биолого-экологические направления становятся доминирующей тенденцией прогресса цивилизации, определяя характер фундаментальных и методико-прикладных изысканий ученого сообщества. Причина этого характеризуется рядом факторов. Кратко остановимся на главных из них, именуемых «судьбоносными» для современного человечества.

Первый главный фактор – устойчивая тенденция неуклонного роста населения планеты. Данное обстоятельство в большей мере соответствует уровню демографического подъема развивающихся стран Азии, Африки, Южной и Центральной Америки (более 60% от общего уровня прироста численности землян). Неверно будет полагать, что в большинстве государств мира наблюдается резкое снижение рождаемости. Вместе с тем, по данным статистики (таблица 1), имеют место следующие показатели динамики коэффициентов прироста и убыли населения на примере государств СНГ и некоторых европейских стран (на 1 000 чел. населения) [1, с. 698–699].

Таблица 1 – Коэффициенты прироста и убыли населения стран СНГ, Венгрии и Болгарии

Страна	Год		
	2005	2010	2011
Венгрия	–3,8	–3,4*	–4,0**
Болгария	–5,4	–3,5*	–4,6**
Россия	–5,9	–1,7	–0,9
Украина	–7,6	–4,4	–3,5
Беларусь	–5,3	–3,0	–2,8
Азербайджан	10,7	12,4	13,5
Армения	3,5	5,2	4,7
Кыргызстан	13,3	20,2	20,6
Таджикистан	21,8	25,0	–
Узбекистан	15,1	17,8	16,5

Примечание: * – данные 2009 г., ** – данные 2010 г.

Первый фактор логически предопределяет содержание второго главного: неуклонное сокращение многообразия форм, видов, численности особей животного и растительного мира планеты. Отсюда целесообразно проанализировать одну из актуаль-

ных проблем в области социально-экологического развития. Речь пойдет о приемлемости создания национальных парков в Беларуси.

По нашему мнению, сам термин «национальный парк» с точки зрения эколого-содержательных характеристик не вполне соответствует историко-биологическим научным целям заповедных мест нашего края. По-видимому, данное понятие без должного научного осмысления автоматически заимствовано из европейских и американских туристических буклетов. Как видно, некоторые специалисты, опираясь на западные нормативы эколого-туристической сферы, не учитывают сравнительных масштабов заказных и заповедных территорий у них и у нас.

Кроме того, посещение национального парка включает экскурсии, походы, проживание туристов в комфортабельных бунгало, проезд на автомобилях по дорогам с грунтовым и асфальтовым покрытием, автокемпинги. Все названные строения и мероприятия неизбежно разрушают естественную, веками сложившуюся структуру биосреды конкретной местности, о чем свидетельствуют многочисленные факты обеднения видов растительного и животного мира Беловежской, Налибокской пушч и других охранных территорий.

Урбанизация дикой природы, пусть формально охраняемой в форме национальных парков, – последовательный путь к её уничтожению. Такого мнения придерживается А. Дятлов, старейший белорусский журналист-природовед, долгие годы проработавший в журнале «Родная прырода».

Подтверждением тому могут служить замечания известного немецкого натуралиста Б. Гржимека, который на основе многолетнего природоведческого опыта и с учётом фактов эколого-исследовательского анализа утверждает, что живая природа включает в себе не менее значимые для человечества культурные ценности, чем старинные церкви, греческие скульптуры или египетские пирамиды. Животные умирают, и «никаким археологам уже не удастся спустя несколько столетий выкопать их снова лопатой из-под земли» [2, с. 14].

В свою очередь, несбалансированная биосоциальная деятельность ведет к неизбежному сокращению пищевых ресурсов, и в этом заключено содержание третьего главного фактора.

Интенсивные методы ведения агрохозяйственных работ ныне, по подсчетам экспертов, составляют более 90% от общего объема в мировом сельском хозяйстве. С одной стороны, это приводит к накоплению в земле, древесине, плодах, цветах вредных для человека веществ. С другой же стороны – к неуклонному снижению достаточных витаминно-минеральных компонентов, необходимых для нормального биообмена в организмах людей и животных. Наиболее распространенными является дефицит цинка, меди, железа и селена. В то же время около 1/3 населения подвержено избыточному накоплению в организме токсичных микроэлементов и тяжелых металлов. Здесь самым распространенным является избыток свинца, мышьяка и ртути [3, с. 7–8].

Изменение пищевых ресурсов в XX–XXI вв. существенно повлияло на коррекцию в рационе питания землян. Мы стали есть гораздо больше сладкого, жирного, консервированного, ежедневно потребляем недопустимо мало свежих продуктов. Хроническая нехватка витаминов – повседневный бич нашего времени. Медицинская статистика сообщает, что в конце XX в. стало гораздо больше болезней, о которых ранее почти не знали. Речь идет прежде всего об атеросклерозе – причине инсультов и инфарктов, гипертонической, язвенной болезни, аутоиммунных, неврологических и психических заболеваний [4, с. 15].

Еще более пятнадцати лет назад видные российские ученые Н.А. Лопаткин и Ю.М. Лопухин писали, что во внешней среде зарегистрировано более четырех миллионов токсичных веществ, ежегодно их количество возрастает почти на 6 тысяч. В орга-

низм человека через пищу и питье попадает около ста тысяч чужеродных соединений – ксенобиотиков. Остается только удивляться колоссальным приспособительным возможностям организма человека [5, с. 123–124].

Исследования по пищевым темам – вечные и актуальные для всего человечества. Они-то определили содержание четвертого главного фактора экобезопасности XXI в. – поиск путей и средств дополнительного увеличения пищевых ресурсов планеты посредством разработки новых технологий, альтернативных традиционным естественным источникам питания.

Данные многостороннего исследования питания современного человека, проведенного рядом российских ученых, свидетельствуют: чтобы обеспечить человека необходимыми пищевыми веществами (а их более 600, причем большинство из них не вырабатывается в организме), в рацион должно входить не менее 32 различных продуктов питания [6, с. 58–59].

В качестве альтернативы традиционным методам имеют место уже достаточно широко распространенные (в том числе и в нашей стране) пищевые добавки. Они представляют собой натуральные или идентичные натуральным синтетические вещества, вводимые в пищевые продукты в процессе их производства с технологическими целями. Как правило, они не имеют пищевой ценности, то есть не участвуют в обмене веществ, построении тканей, органов и систем.

Дополнительные пищевые ингредиенты в основном сконцентрированы в двух категориях. Нутрицевтики – это незаменимые витамины и их предшественники (бета-каротин, полиненасыщенные жирные кислоты и др.); некоторые минеральные вещества и микроэлементы – железо, кальций, селен, цинк, йод, фтор, отдельные аминокислоты, пищевые волокна (целлюлоза, пектины и т.п.). Основное их назначение – компенсация недостающих микроэлементов в традиционных продуктах питания.

Не менее важную роль в жизни современных людей занимают парафармацевтики – органические кислоты, биофлавоноиды, кофеин, биогенные амины и другие так называемые натурпродукты. Сюда же относятся биологически активные добавки (БАД), способствующие уменьшению суммарной энергетической ценности рациона, а также обеспечивающие поддержание нормального состава и функциональной активности микрофлоры кишечника [7, с. 28]. Академик А.А. Покровский четко сформулировал роль парафармацевтиков в стабилизации жизненных функций человека: «Пищу следует рассматривать не только как источник энергии и пластических веществ, но и как весьма сложный фармакологический комплекс» [8, с. 112–113].

Несомненно, питание является важнейшим фактором функционирования человека и всей общественной системы. Вместе с тем нельзя забывать о характере их жизнедеятельности.

Среди основополагающих факторов, определяющих приоритетность биоэкологических направлений цивилизационного развития, следует остановиться на таком феномене, как образ жизни людей XXI столетия.

По мнению известного врача В.И. Касьяненко, «образ жизни охватывает совокупность типичных для данного общества видов (или способов) жизнедеятельности, рассматриваемых в единстве с объективными условиями» [9, с. 252].

Понятие «условия жизни» включает материальные, социальные, культурные, духовно-нравственные, политические устои, а также особенности природных процессов. В свою очередь активность, деятельность людей как проявление образа жизни непосредственно зависят от условий жизни.

Отрицательное внешнее воздействие серьезно влияет на образ жизни человека. Например, в последнее десятилетие белорусские эксперты отмечают негативные тенденции в ряде отраслей хозяйственной деятельности, которые не могут не отразиться

на состоянии здоровья и иных показателях наших граждан. Так, выбросы вредных веществ в воздушное пространство представляют серьезную угрозу. Данные показатели представлены в таблице 2.

Таблица 2 – Выбросы в воздушное пространство Беларуси, тыс. тонн [1, с. 79–80]

Источники загрязнения атмосферного воздуха	2010 г.	2011 г.
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	49,5	66,8
Обрабатывающая промышленность	186,9	187,6
Производство нефтепродуктов и ядерных материалов	71,9	73,8
Производство резиновых и пластмассовых изделий	2,2	2,8
Производство машин и оборудования	11,6	12,6
Торговля, ремонт автомобилей, бытовых изделий и т.д.	2,9	4,2

Важная категория образа жизни, относящаяся к экономическим параметрам, – уровень жизни, или уровень благосостояния. Понятно, что он поддается количественной оценке. Обычно к показателям уровня жизни относятся материальное, жилищное обеспечение, медицинская помощь, а также уровень духовных потребностей, образования и т.д. По ряду показателей Беларусь уверенно лидирует среди государств бывшего СССР, а также развитых стран дальнего зарубежья.

В этой связи целесообразно обратить внимание на республиканские статистические данные в области рационального использования интеллектуального потенциала граждан Республики Беларусь. В последние годы вызывает озабоченность неуклонное увеличение официально зарегистрированных безработных, имеющих высшее образование. По данным национального статистического комитета Республики Беларусь, в 2010 г. эта категория граждан составляла 11,1% от общего числа безработных (мужчины – 9,3%, женщины – 12,7%). В 2011 г. показатели были таковы: люди с высшим образованием составляли 12,0% безработных (мужчины – 9,8%, женщины – 13,8%) [1, с. 162].

Ряд авторских социологических, психологических исследований [10, с. 89–97] свидетельствуют о глубокой зависимости состояния здоровья человека, прежде всего, его психологических установок и ориентаций, от уровня реализации собственных интеллектуально-образовательных возможностей. Всякого рода несоответствия в этом отношении приводят к т.н. негативным эффектам «психологического утомления», «эмоционального выгорания» и другим деструктивным психическим процессам [11, с. 54]. Таким образом, любая деформация устойчивых принципов, норм уклада жизни закономерно отражается на нашем здоровье, что прямо либо косвенно определяется общей стратегией стабильности социально-экологических процессов в обществе.

Данное положение соответствует результатам авторского социологического исследования «Экология Беларуси» [10, с. 37], целью которого был поиск взаимодействующих элементов общества и состояния здоровья наших граждан в контексте общенациональной стратегии экологической стабильности.

«Влияет ли состояние Вашего здоровья на формирование и развитие экологических взглядов, воззрений, ценностей?»:

- 1) Да – 61%.
- 2) Нет – 28%.
- 3) Не знаю – 11%.

«Как состояние Вашего здоровья воздействует на понимание проблем экологии Беларуси?» (возможно несколько вариантов ответов):

- 1) Помогает сконцентрировать внимание, волю, память, физические силы на серьезное изучение экологии Беларуси – 36%.

2) Придает уверенность в поисках выхода из экологического криза в республике – 48%.

3) Помогает осмыслить связь человека и природы – 72%.

4) По изменению состояния своего здоровья лучше чувствую состояние окружающей среды Беларуси – 64%.

5) По недомоганиям и болезням организма могу судить о загрязнении питьевой воды, воздуха, продуктов питания и т.д. по месту жительства – 85%.

6) Не ощущаю никакого положительного влияния – 13%.

7) Затрудняюсь ответить – 23%.

Подавляющее число ответов (в сумме 149%) приходится на респондентов, которые связывают состояние своего здоровья с общими и частными изменениями среды, учитывая возрастающую степень загрязнения природы. 85% ответивших прямо указали на болезни как непосредственную причину нарушения биоэкологических норм, что характеризует некоторые деструктивные элементы жизненного уклада современных белорусов.

Конструктивные методы стабилизации психолого-физиологических характеристик человека

На наш взгляд, задача тех, кто находится во главе управленческих структур современного общества, не в драматизации негативных природных, а также социально-экологических тенденций. Требуется объективный, научно обоснованный анализ сложившейся ситуации, разработка и оперативное применение конструктивных методов стабилизации психолого-физиологических характеристик наших соотечественников.

Целесообразно выделить две категории методов. Первая группа – это традиционные, среди которых выделим основополагающие.

1. Формирование устойчивой ориентации на здоровый лад жизни. Ваша решимость быть здоровым, тот природный настрой на жизнь, который присущ вам. Негативные эмоции вносят хаос и сумятицу в стройную работу внутренних органов, позитивный психонастрой помогает гармонизировать синхронность и последовательность всех систем организма, и в первую очередь – нервной, иммунной и эндокринной.

2. Ваша двигательная активность – второе генеральное условие оздоровления организма. Исключите «бег по магазинам», активизируйте ежедневную утреннюю гимнастику, пробежки трусцой, хатха-йогу, шейпинг, аэробику и другие прекрасные способы помочь своему телу быть здоровым.

3. Воспитание чувства интернальности, т.е. способности взять на себя ответственность за собственное благополучие и гармоничное развитие детей, родственников – всех, кто вас окружает.

Перечень традиционных методов можно продолжать и далее, однако попытаемся обосновать инновационные авторские разработки.

1. Мнемотехнический метод интеллектуального развития (механизмы усвоения, закрепления, воспроизведения информации), способствующий оптимизации физической, психической, эмоциональной нагрузки.

2. Темпераментальный метод помогает определить тип темперамента, скоординировать психолого-физиологические установки, ориентации, поступки с характером воздействия внешней и внутренней среды.

3. Биолого-таймерный метод позволяет оптимально точно рассчитать периодизацию благоприятных и вредных суточных, месячных, квартальных, годовых циклов активизации интеллектуально-физических возможностей организма человека [12, с. 292–332].

Заклучение

Традиционные и инновационные методы интеллектуально-физического развития активизируют поисково-целевую деятельность, направленную на:

- 1) определение позитивных содержательных тенденций доминирующих факторов современности;
- 2) оптимизацию баланса структурно-функциональных характеристик системы общественного устройства;
- 3) гармоничное сочетание и развитие костно-мышечных, психоэмоциональных, интеллектуальных качеств человека, включая его адаптационно-защитные механизмы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2012 г. / Отв. за выпуск Е.М. Палковская. – Минск : Нац. статист. комитет РБ. – 2012. – 715 с.
2. Гржимек, Б. Дикое животное и человек / Б. Гржимек. – М. : Мысль, 1982. – С. 14.
3. Крайнов, А.Н. Витамины и минералы в продукции КП «Родник здоровья» / А.Н. Крайнов. – М. : «Изд. дом РоЗ ИКСИ», 2002. – С. 7–8.
4. Круглов, Д. Витаминная революция / Д. Круглов // Совершенно секретно. – 2000. – № 8. – С. 15.
5. Лопаткин, Н.А. Эффективные методы в медицине / Н.А. Лопаткин, Ю.М. Лопухин. – М. : Медицина, 1989. – 344 с.
6. Княжев, В.А. Правильное питание / В.А. Княжев, Б.П. Суханов, В.А. Тутельман. – М. : Медицина, 1998. – 207 с.
7. Пальцев, А.И. Образ жизни и здоровья человека / А.И. Пальцев. – Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1999. – С. 28.
8. Покровский, А.А. Беседы о питании / А.А. Покровский. – М. : Экономика, 1968. – 352 с.
9. Руководство по социальной гигиене и организации здравоохранения / Под ред. Ю.И. Лисицина. – М. : Медицина, 1987. – 450 с.
10. Онуприенко, С.П. Стратегия экологической безопасности XXI в.: теорет.-методол. и метод. анализ эколог. проблем населения Беларуси / С.П. Онуприенко. – Минск : Тесей, 2009. – С. 89–97.
11. Орёл, В.Е. Синдром психологического выгорания личности / В.Е. Орёл. – М. : Ин-т психол. РАН, 2005. – 330 с.
12. Онуприенко, С.П. Интеллект. Темперамент. Как организовать свою жизнь / С.П. Онуприенко. – Минск : ТетраСистемс, 2011. – С. 292–332.

Onuprienko S.P. Dominating Factors of Socio-ecological Activity in the Context of Contemporary Problems of Belarusian Society

In the article the author conducted the theoretical and methodological analysis of the main reasons for formation of modern socio-ecological processes, their influence on the Belarusian society dynamics and ways of their structural and functional characteristics stabilization. Traditional and innovative methods of psych-intellectual development help to optimize the theoretical and methodological ways of realization of the strategic program of Belarusian population health improvement.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 13.03.2013

УДК 130.2: 21

В.Ю. Даренский

СОВРЕМЕННАЯ ТЕХНИКА КАК ИСПЫТАНИЕ ЧЕЛОВЕКА В ДИАЛОГЕ С ПРИРОДОЙ

В статье рассмотрен феномен современной техники как диалог человека и природы, раскрывающий сущностные проекты человеческого бытия. Обосновывается понимание техники как духовного испытания человека. Рассмотрена специфика техногенного социума, проблема деструктивности этого типа социума и пути ее преодоления.

Феномен техники приобрел статус одного из ключевых предметов философской рефлексии в силу того важнейшего значения, которое он имеет в формировании жизненного мира человека современной цивилизации. Главной проблемой, требующей философского осмысления, является техногенное влияние на социум, формирование нового типа общества, которое может быть названо техногенным. Суть этой проблемы хорошо сформулирована Е.А. Донченко: «Сейчас проблема отрицательного воздействия НТП на внутренний мир человека приобрела новые грани... вследствие такой глобальной тенденции НТП, как тенденция опосредования. Имеется в виду... преломление человеческого общения, самовыражения, самовыявления и т.д. через средства массовой информации, технизации, через средства, рожденные НТП... и чем больше ролевое поведение отвечает требованиям НТП, тем меньше остается возможностей у человека для развития своего внутреннего мира» [1, с. 149].

Эта тенденция опосредования приводит к односторонности развития, стандартизованности восприятия и реагирования, к упрощению духовного мира человека. Технические средства как опосредующие факторы в принципе нацеливают на готовые формы активности, на деятельность, приходящую извне, в то время как человек для обеспечения собственного развития должен сам созидать формы деятельности и её содержание. Опосредующие факторы уводят человека от трудностей выбора, от многозначности и богатства самодеятельности. Все это непосредственно влияет на формирование новых форм социальности, приобретающих деструктивное воздействие на человека, и, соответственно, требует поиска путей преодоления этой деструктивности.

Становление философии техники как особой сферы философской рефлексии впервые произошло в книге Эрнста Каппа «Основы философии техники»; позднее «классиками» в исследованиях философии техники стали А. Эспинас, М. Хайдеггер, Г. Маркузе, Л. Мэмфорд, Ф. Рапп [2]. Среди новейших публикаций стоит отметить весьма яркую статью харьковского философа А.Н. Покровского «Техногенный универсум отчуждения», в которой дана глубокая феноменологическая характеристика того мира, в который погружает человека современная техника [3].

Важное направление философской рефлексии феномена современной техники, которое остается мало разработанным, но которое несет в себе большой эвристический потенциал, является понимание ее как особого способа экзистенциального самоопределения сущности человеческого бытия. Особым ракурсом этой темы является взгляд на технику в рамках понятия «диалог с природой», в свое время предложенного И. Пригожиным. В этом ракурсе современная техника предстает как форма такого диалога. Целью настоящей статьи является исследование феномена современной техники как такой формы диалога человека с природой, которая раскрывает исходные смыслополагания человека. Эта цель включает в себя две задачи: 1) анализ «жизненного мира» и социальности, создаваемых современной техникой; 2) анализ путей духовного самоопределения человека в диалоге с природой.

«Прогрессистские» подходы в философии техники рассматривают радикальную технизацию человеческого бытия (несмотря на эмпирически очевидные издержки) в качестве позитивной трансформации, формирующей новый тип человека. Основной презумпцией такого подхода, очевидно, является рассмотрение человека в первую очередь как биосоциального существа с фундаментальной гедонистической интенцией, а все остальные онтологические уровни его сущности либо считаются второстепенными, либо вообще отрицается само их наличие. В рамках такого типа сознания с неизбежностью формируется особый вид «идолопоклонства», который может быть назван *технолатрией*. Выходя за рамки этой презумпции, человеческое сознание вырабатывает критическое отношение к феномену техники. Основные аргументы такого отношения могут быть типологизированы. Так, например, Хельмар Крупп отмечает «В общем и целом критики техники утверждают, что техника: 1) означает неповиновение богоугодному порядку; 2) совершает насилие над природой; 3) отчуждает человека от его труда и от него самого; 4) ведет к бездушной рациональности; 5) отрывает людей от их корней и превращает их в безликую массу» [4, с. 440]. Тезисы о том, что техника «совершает насилие над природой», «ведет к бездушной рациональности» и т.д., эмпирически достаточно очевидны, и им посвящена обширная литература. Феномен, который исследуется в нашей статье, сформулирован Л. Мэмфордом так: рядом с современной техникой человек в конце концов «оказывается лишенным функций безработным существом, вынужденным принимать лишь то, что Мегамашина ему предлагает: автомат в рамках большой системы автоматизации, осужденный на принудительное потребление» [5, с. 236]. Но утверждение о том, что техника несет в себе «неповиновение богоугодному порядку» уже не столь очевидно и поэтому требует специальной рефлексии.

Для начала рассмотрим примеры формулировок этого аргумента. Так, О. Шпенглер в завершающем параграфе второго тома «Заката Европы» пишет, что люди «фаустовской цивилизации», стремясь насильственно подчинить своей воле мироздание, «создали таким образом идею машины как маленького космоса, подчиняющегося только воле людей. Но тем самым они перешли ту неощутимую границу, за которой для многих верующих уже начинается грех», причем, добавим, грех по сути своей люцеферический, состоящий в попытке стать на место Бога хотя бы в рамках маленького, искусственно созданного мира. И поэтому, продолжает О. Шпенглер, для аутентичного религиозного сознания «машина была признана порождение дьявола. Именно так ее всегда воспринимала подлинная вера» [6, с. 664–665]. Тем самым принципиально греховным здесь оказывается именно *помысл* о технике, сама ее *идея*, являющаяся по существу *желанием самоутверждения полностью автономной человеческой воли*. Этот грех совершается в самой глубине человеческой экзистенции, поэтому его очень трудно осознать в рамках рациональной рефлексии, наблюдающей только внешний результат технического прогресса. Последняя может поэтому предложить как минимум два контраргумента: 1) факт того, что техника, подобно медицине, основана на интенции человеколюбия и стремлении облегчить земную человеческую участь, что само по себе нисколько не противоречит стремлению к спасению души; 2) создание подчиненных человеку технических орудий само по себе не означает уклонения человека от воли Божией или отрицания ее всеобщности.

Христианское понимание греховности самой идеи относится только к машинной технике Нового и Новейшего времени, стремящейся к господству над природой и самим человеком, но не имеет никакого отношения к простым техническим орудиям, без которых человек вообще не мог бы существовать на сверхбиологическом уровне и само наличие которых является априорным условием его существования как разумного существа. Как показывает множество случаев, известных науке, человек как биологический организм может адаптироваться к жизни в животном стаде, не пользуясь никакими

орудиями, но в этом случае у него будет отсутствовать сознание и речь – атрибуты разумности. Тем самым в рамках нашей проблемы речь идет только об особом феномене современной машинной техники, но не о технике вообще, поскольку само ее наличие имманентно человеческому бытию.

Рассматриваемый аргумент отнюдь не ограничивается самыми глубокими и труднодостижимыми уровнями человеческой экзистенции, но может разворачиваться и на более понятном уровне эмпирического бытия современной техники. Одну из принципиальных формулировок такого рода предложил И.А. Ильин в работе «Основы христианской культуры», где он пишет: «Техника влечет за собою человека: техника, которая разрабатывает вопрос о жизненных средствах и совсем не интересуется высшею целью и смыслом жизни; техника, которая вечно «открывает» и «совершенствует», но сама работает в полнейшей духовной беспринципности, нисколько не помышляя ни о едином Совершенстве, ни о действительном Откровении» [7, с. 294–295]. Техника «влечет» человека в том смысле, что формирует такие мотивы и интенции его деятельности, которые изначально не имеют ничего общего с «высшею целью и смыслом жизни». Более того, техника навязывает человеку особые стереотипы поведения, чувствования и мышления, которые он затем переносит и во все остальные сферы жизни, в том числе и в межличностные отношения. Последний аспект, связанный с принудительным формированием экзистенции человека современной техникой, рассматривает известный современный богослов архимандрит Рафаил (Карелин). Сопоставляя владычествование над живыми тварями и владение современными машинами, он так описывает их экзистенциальные последствия для людей: «Животные-рабы были существами, которые понимали и чаще всего любили своих хозяев. Машина-раб остается мертвой и холодной конструкцией... образовался новый вид контакта между ней и человеком. Машина не может любить, и ее нельзя любить... Человек, выросший в технологическом обществе, как гомункул в колбе, хочет повелевать, а любит только себя. Машина – это инструмент; инструментом пользуются, о нем заботятся, пока он нужен, а затем отправляют на мусорную свалку... Это отношение к инструменту создает определенный тип человека – прагматика и утилитариста, который думает о том, как использовать другого человека для достижения своих целей без всякого чувства благодарности... Этот инструментализм проник во все сферы жизни, сделав из друзей всего лишь сообщников, а из супругов – компаньонов, которые нередко стремятся поработить друг друга в повседневном обиходе и превращаются во врагов. В работе с машиной необходимы числовые показатели, – в общении с людьми таким показателем стал расчет. Люди стали разобщены и чужды друг другу» [8, с. 331–332]. Однако эта внутренняя чуждость людей друг другу культивируется современной техникой уже в качестве обратного действия: после того, как техника уже была создана в силу особой потребности человека.

Изначально техника возникает как средство овладения природой (в том числе и собственной человеческой природой – для более полного использования ее производительных и творческих способностей с помощью внешних орудий). Как отмечает Л. Мэмфорд, «примитивная техника была жизнеориентирована, а не узко трудоориентирована, и еще менее ориентирована на производство или на власть» [5, с. 232]. Но затем, в Новое время, с ней происходит та особая «мутация», о которой говорит О. Шпенглер. Она и создает современную технику, в которой уже, говоря языком М. Хайдеггера, «правит иная сущность».

В эмпирическом плане современная техника отличается от домашней тем, что использует искусственные источники энергии и знания, которые не могли быть получены с помощью простого наблюдения над природой, но только с помощью особых интеллектуальных технологий – эксперимента и теоретического знания. Однако последние уже несут в себе ту неявную «сущность», которая будет править в современной технике.

И эксперимент, и теоретическое знание основаны на фундаментальном логическом парадоксе – достижении естественного посредством искусственного. Эксперимент – это создание искусственных условий протекания процессов, наблюдая которые, мы познаем их собственные, естественные закономерности, которые, однако, никак не могут быть просто наблюдаемы в естественных условиях. Соответственно, теория – это совокупность искусственных интеллектуальных конструктов, не существующих ни в каком «естественном» виде, с помощью которых, однако, мы фиксируем, понимаем и можем использовать собственные, естественные законы природы, не данные ни в каком естественном наблюдении. Та же самая парадоксальная сущность начинает «править» в современной технике: она стремится удовлетворить естественное в человеке с помощью искусственного так, как само естественное себя удовлетворить не может. Что же это такое?

Поскольку, как писал о. Павел Флоренский, «технические изобретения можно рассматривать как реактив к нашему самопознанию», в качестве «символа внутреннего движения жизни» [10, с. 421], то новый вид техники является выражением экзистенции нового типа человека и сам становится главным фактором его формирования. Что же «нового» в этом человеке? Человек стал создавать современный тип техники именно вследствие особого внутреннего *экзистенциального события*, а именно идолопоклонства перед своим тленным Эго, стремящемся к максимальному комфорту земного бытия, что предполагает подчинение этой цели всей наличной действительности.

Пытаясь подчинить себе стихии мира сего с помощью современной техники, и, казалось бы, достигая в этом все больших и больших успехов, человек на самом деле оказывается во все более глубоком рабстве у своей собственной деструктивности. Дело в том, что в отличие от простых технических орудий современная техника, использующая искусственную энергию для достижения искусственно созданных целей, совершенно избыточна по отношению к фундаментальным целям и смыслам человеческого бытия. Более того, отнимая силы и время на искусственное, она уже не оставляет их на главное. Этот вид техники изначально основан на глубоко иррациональном и противоестественном во всех отношениях стремлении к избыточному потреблению ресурсов и избыточному комфорту, привычка к которым с неизбежностью приводит к психофизиологической и нравственной деградации человека. Формируемый современной техникой человек радикально деперсонализируется: как пишет А.Н. Покровский, он «не должен точно знать, чего же он желает; ему достаточно лишь интуитивно ощутить некоторый дискомфорт в связи с нехваткой чего-то, как весь техногенный аппарат обеспечения существования закружится перед ним во всем богатстве контролируемого выбора, призванный не просто удовлетворить любое допустимое желание во всех его нюансах, но сгенерировать это самое желание, оправдать... его правомерность и «нормальность»; тем самым, весь образ жизни человека и его мотивы в конечном счете неизбежно сводятся «к примитивным формам рефлекторного реагирования на различные раздражители, результаты которого известны заранее... Такое освобождение на уровне первичных позывов нездоровой человеческой психики сопровождается установлением опосредованного условиями существования, но от этого еще более жесткого контроля над сознанием человека. И репрессивность этого контроля заключена в самой системе потребления, самом дискурсе техногенного универсума... Нарушение личностной идентификации... психологическая примитивность являются, таким образом, не просто следствиями, но ключевыми условиями техногенного порядка существования, которые необходимо должны воссоздаваться в массовых масштабах как единственное условие воссоздания техногенного общества» [3, с. 89–90].

Пределную онтологию современной техники, захватывающую самую глубину человеческого бытия – его открытость Истине, феноменологически описывает концепция техники М. Хайдеггера, суть которой может быть обобщена в следующих форму-

лировках: «Техника – вид раскрытия непотаенности... область выведения из потаенности, осуществления истины... Существо современной техники ставит человека на путь такого раскрытия потаенности, благодаря которому действительность повсюду, более или менее явно, делается состоящей-в-наличии... Человек... становится просто поставителем этой наличности – он ходит по крайней кромке пропасти, а именно того падения, когда он сам себя будет воспринимать уже просто как нечто состоящее в наличности... и поэтому уже никогда не сможет встретить среди предметов своего поставления просто самого себя... Угроза человеку идет даже не от возможного губительного воздействия машин и технических аппаратов... Господство поставы грозит той опасностью, что человек окажется уже не в состоянии вернуться к более исходному раскрытию потаенного и услышать голос более ранней истины... Существо техники грозит раскрытию потаенного» [12, с. 225, 233, 234, 237]. Тем самым этот особый способ раскрытия непотаенности (истины) сущего, реализуемый современной техникой как «постав» (*gestell*), опасен тем, что приучает людей воспринимать в качестве реального и действительного только то, что поставлено-в-наличие в смысле полной подчиненности и производности от человеческой прихоти; такая реальность, по М. Хайдеггеру, перестает быть даже объектом (ибо объект по определению есть нечто нам самостоятельно *противо*-стоящее). Не говоря уже об атрофии способности воспринимать нечто в качестве субъекта, а тем более абсолютного Субъекта. Естественно, такая атрофия не наступает сразу и никогда не бывает абсолютной, тем не менее, именно она является тем сущностным изменением в способе восприятия реальности как таковой, который формирует современная техника. По М. Хайдеггеру, человек способен преодолеть эту онтологическую катастрофу «поставы» путем возвращения технике ее исконного – «поэтического» – существа. Но как же это возможно если, как пишет сам М. Хайдеггер, человек сущностно вовлечен в «постав» как в неотвратимую эпоху своей бытийной судьбы? Потому что «постав» отнюдь не всемогущ, но ему можно противостоять только путем специального культуротворческого усилия, усилия восстановления смысловых оснований человеческого бытия. В диалоге с Природой человек современной техникой показывает свое желание полностью заменить ее на искусственную среду максимального комфорта и безопасности. Но расплачиваться за это приходится примитивизацией человеческого мировосприятия, отрывающегося от «живой плоти бытия» – от всего первозданного и вне себя, и в самом себе.

Тем самым главный урок того диалога человека с Природой, который состоялся в форме создания современной техники, – это понимание того, что создание искусственной среды максимального комфорта при всей своей прагматической эффективности для поддержания физического существования оказывается деструктивной для сферы духовной самореализации человека. Это требует специального культивирования потребности человека в близком контакте с природой не только на уровне рекреации и «экстрима», но и соответствующих форм трудовой деятельности и общего стиля жизни.

Рассмотрение феномена современной техники как диалога человека и природы, раскрывающего сущностные проекты человеческого бытия, позволяет сделать следующие обобщающие выводы.

1. Глубинная онтология современной техники состоит в попытке «самообожествления» человека.
2. «Жизненный мир», создаваемый современной техникой, – это мир комфортной самозащиты человека от внешних природных стихий, которая приводит к атрофии наиболее значимых измерений личностного бытия.
3. Появление современной техники является духовным испытанием человека, требующим от него нового усилия по восстановлению смысловых оснований своего бытия.

4. Техногенный социум, созданный современной техникой, является вызовом для культуры, в которой должны выработаться новые формы жизнедеятельности человека в контакте с живой Природой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Донченко, Е.А. Формирование культуры внутренней жизни творческой личности / Е.А. Донченко // Научно-технический прогресс и творческий потенциал человека. – Киев, 1988.
2. Рапп, Ф. Философия техники: обзор / Ф. Рапп // Философия техники в ФРГ. – М., 1989.
3. Покровский, А.Н. Техногенный универсум отчуждения / А.Н. Покровский // Вестник нац. тех. ун-та «Харьковский политехнический институт». – 2002. – № 5.
4. Круп, Х. Чего люди сегодня ожидают от техники? / Х. Круп // Философия техники в ФРГ. – М., 1989.
5. Мэмфорд, Л. Техника и природа человека / Л. Мэмфорд // Новая технократическая волна на Западе. – М., 1986.
6. Шпенглер, О. Закат Европы / О. Шпенглер. – Минск, 1999. – Т. 2.
7. Ильин, И.А. Основы христианской культуры / И.А. Ильин // Одинокий художник : Статьи. Речи. Лекции / И.А. Ильин. – М., 1993.
8. Рафаил (Карелин), архимандр. Церковь и мир на пороге Апокалипсиса / архимандр. Рафаил (Карелин). – Изд. Спасо-Преображенского Мгарского монастыря, 1999.
9. Флоренский, П.А. Соч. : в 4-х т. / Священник Павел Флоренский. – М., 2000. – Т. 3, кн. 1: У водоразделов мысли.
10. Хайдеггер, М. Время и бытие : статьи и выступления. / М. Хайдеггер. – М., 1993.

Darenski V.Y. Modern Technique as a Test Human in Dialogue with Nature

The author considers the phenomenon of contemporary technique as a specific phenomenon of dialogue between human and Nature, which necessarily linked with an anthropology aspects of society. Hence, interpretation of contemporary technique as a spiritual trap is grounded here. The specific of contemporary technotronic society, its destructivity for human and paths to overwhelming of this destructivity was demonstrated here.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 12.02.2013

УДК 141.3

И.М. Наливайко

«ОНТОЛОГИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ» (СПОСОБЫ ТЕМАТИЗАЦИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ЗАПАДНОЙ ФИЛОСОФИИ)

Статья посвящена онтологическим исследованиям повседневности в современной западной философии и ориентирована на изучение ведущих западных концепций с целью выявления основных конструктивных этапов в формировании философии повседневности и определения сущностных характеристик повседневности как особого способа существования.

Статья содержит анализ причин и оснований проблематизации повседневности в неклассической философии, краткий обзор ведущих концепций и характеристику отличительных особенностей повседневности как особого способа человеческого бытия в мире.

Введение

На протяжении XX в. концепт «повседневность», заимствованный из обыденного языка, становится одним из самых широко обсуждаемых в науках гуманитарного цикла. Структуры повседневной жизни, логика обыденного языка, стереотипы повседневного поведения, специфика повседневных телесных практик привлекают пристальное внимание историков, социологов, психологов, антропологов, лингвистов и т.д. Но особенно примечательным является тот факт, что повседневность становится признанным объектом философской рефлексии, что явно идет в разрез с классической философской традицией, где тема повседневности (если таковая вообще упоминалась) носила маргинальный характер.

В 1911 г. Д. Лукач впервые в западной философии вводит термин «повседневность» как специальное философское понятие, обозначающее некий неподлинный срез человеческого существования. С этих пор проблема повседневности занимает весьма значимое место в философских штудиях нео- и постмарксистов, феноменологов, структуралистов, экзистенциалистов и т.д. Более того, в концепциях различных философов феномен повседневной жизни приобретает новый *позитивный онтологический статус*, что уводит ситуацию далеко от трактовки повседневности в классической традиции.

В конечном итоге различные подходы, изучающие повседневность с многочисленных точек зрения, создают новую отрасль современной философии, имеющую свой собственный предмет и свое проблемное поле – своего рода «философию повседневности». Однако этот предмет обладает определенной спецификой в силу сложного трудноуловимого и амбивалентного характера самой повседневности. Повседневность есть ближайшее и в то же время наиболее таинственное и непроясненное. Она всегда окружает нас и постоянно ускользает; это каждодневная рутина, «серые будни» и одновременно единственно возможное пространство встречи с «необычным и небывалым», поскольку полностью «выйти» из повседневности никому из живущих не дано. Повседневность как определенная сфера и образ жизни многолика и изменчива, в ней сплетаются разнонаправленные процессы «оповседневнивания» и преодоления повседневного, что задает множественность и вариативность подходов к ее изучению. Все вышеперечисленное создает довольно «неудобную» для теоретика ситуацию неразличимости, своеобразной переплетенности субъекта и объекта исследования. Но в этом и заключается притягательность повседневности как объекта философского изучения. Сама специфика повседневности как особого способа бытия в мире позволяет переосмыслить основания классической модели субъективности и выстроить новую онтологическую модель субъекта.

В силу этого данное исследование исходит из гипотезы, что при всей вариативности способов тематизации повседневной жизни в современной философии стержневым моментом, вокруг которого выстраивается данное предметное поле, является онтологическая природа повседневности.

Таким образом, основной целью статьи является теоретическая реконструкция способов тематизации и основных этапов становления нового проблемного поля современной философии – онтологии повседневности, что достигается путем реализации следующих задач:

- 1) выявлением причин и оснований проблематизации повседневности в неклассической философии;
- 2) определением этапов становления и ведущих смысловых блоков онтологии повседневности;
- 3) экспликацией ведущих онтологических характеристик повседневности как определенной сферы и способа жизни.

Причины и основания проблематизации повседневности в неклассической философии

Первые попытки философской проблематизации повседневности приходятся на рубеж XIX–XX вв., что совпадает по времени с осмыслением кризиса классической модели субъекта и интенсивными поисками новых оснований субъективности. Классическая новоевропейская философия, опирающаяся на понятие субъекта, представленного как определенная, рационально постигаемая сущность, исходила из непреодолимого субъект-объектного дуализма, что объяснялось преимущественно гносеологической трактовкой субъекта. Субъект как бы получает постоянную прописку в сфере познания. В этом случае субъект немислим без объекта, так как именно в конститутивном акте полагания своего объекта субъект утверждает себя. В этой парадигме активный субъект и пассивно предстоящий ему объект неразрывны и взаимозависимы и в то же время сущностно разделены. Субъект немислим без объекта. Попытки переосмысления оснований старой модели субъективности, предпринятые неклассической философией, в первую очередь были нацелены на преодоление этого субъект-объектного дуализма, что одновременно означало преодоление объективизма и гносеологизма прежней философской традиции и стремление определить субъект онтологически. Новая философия начинается с перехода от знания к существованию. Это в свою очередь предполагает реабилитацию времени. Субъект-объектное отношение индифферентно ко времени, даже больше: оно как бы вытесняет время вечностью. Великим открытием современной философии, особенно феноменологии, является новое открытие времени. Это движение по направлению к времени хорошо суммировал в своих работах М. Мерло-Понти, который подчеркивал, что субъект по природе своей темпорален. Время не есть некий реальный процесс, оно рождается из нашей связи с вещами. Объективный мир слишком полон, чтобы предоставить место времени. Время как имманентный объект сознания еще не есть время. «Сущность времени в том, чтобы себя осуществлять и не быть, никогда не быть полностью конституированным» [1, с. 525]. Соответственно задача философа заключается в том, чтобы «прояснить время в момент его зарождения и момент его проявления» [1, с. 526]. Так, представленное время является не объектом познания, а измерением нашего бытия. Именно в этом поле наличного присутствия, изначальном опыте время обнаруживает себя «лично, без промежуточной инстанции, в конечной очевидности». Время существует не для кого-то, оно само есть некто. Мы должны понимать субъект как время и время как субъект. Время существует для меня, поскольку я обладаю настоящим; настоящее же имеет привилегию совпадения бытия и сознания.

Этот краткий экскурс в философию Мерло-Понти позволяет дать наилучшее объяснение значимости проблемы повседневности для неклассической философии. Повседневность есть прежде всего определенное временное измерение. Более того, строго говоря, это и есть время как таковое, или имя собственное времени, поскольку время в его «возникновении и манифестировании» дано человеку только как повседневное время, только как постоянно ускользающее «теперь». Поэтому «борьба за новую субъективность» (М. Фуко) не только реабилитирует время, но и приводит к философскому оправданию повседневности.

Онтологические проекции повседневности

Привычная семантика слова «повседневность» отсылает нас не только к определенному пониманию времени, но и к определенному образу существования – обыденному бытию, за которым в рамках классической традиции прочно закрепились характеристики стереотипности, анонимности, неподлинности и подчиненности более «высоким» формам человеческого бытия в мире. Повседневность понималась как сфера, рассеивающая Я и уводящая его от возможности обретения своей подлинной сущности. Именно поэтому тема повседневного бытия существовала «на краях» философского дискурса. Неклассическое мышление в поисках возможных оснований новой субъективности сознательно обращается к феноменам, игнорировавшимся классической философской традицией. Сфера повседневной жизни есть, несомненно, один из таких феноменов.

Как отмечалось выше, впервые слово «повседневность» вводит в философский лексикон Д. Лукач как концепт, обозначающий неаутентичную обыденную жизнь человека в противоположность его подлинному существованию. С точки зрения Лукача, повседневность неотделима от мира объектов, она характеризуется механистичностью и повторяемостью, это некая анонимная череда будней. Позднее, обратившись к марксизму, Лукач оставит разработку понятия повседневности, но она найдет свое яркое продолжение в немецкой феноменологии, прежде всего, в работах М. Хайдеггера.

Однако хайдеггеровской детальной проработке феномена повседневности предшествовало понятие жизненного мира, предложенное Э. Гуссерлем. Это дотеоретический мир нашей жизни, работы, творческой активности и поступания, который предшествует всем теоретическим конструктам и наделяет их изначальным значением и ценностью. Этот жизненный мир в чем-то конгруэнтен повседневной жизни, управляемой идеей соответствия норме, «нормальности». Тем не менее несмотря на это движение стандартизации, наши жизненные миры различны, они коррелируют с пространственно-временными характеристиками повседневности, всякий раз особо определяя субъективность и интерсубъективность. Учение о жизненном мире вносит существенный вклад в преодоление субъект-объектного дуализма, заменяя его представлением о воплощенном в теле сознании, интенционально вовлеченном в конкретную ситуацию. Понятие жизненного мира открывает пути к исследованию феномена повседневности в его сиюминутном присутствии, в преходящем опыте каждодневного.

Генетически связанная с феноменологией Гуссерля фундаментальная онтология М. Хайдеггера может считаться серьезным качественным скачком в исследовании онтологической природы повседневности, поскольку последний делает ее одним из базовых понятий своей философской системы, обосновывая специфический онтологический статус и сущностные черты повседневности как особого способа быть. Начиная с утверждения, что понимание бытия есть определяющая характеристика и фундаментальный факт человеческого существования, он настаивает на том, что понимание бытия не есть чисто теоретический акт, но фундаментальное событие человеческого бытия. Именно в эту онтологию человеческого бытия вписывается его анализ повседневности. Повседневность рассматривается Хайдеггером как то, в чем «большой частью»

пребывает тот род сущего, который является предметом его пристального внимания – Dasein. Причем он рассматривает повседневность не с позиций её произвольных и случайных проявлений, но предполагает вскрыть в ней «сущностные структуры, которые продерживаются как *бытийно определяющие* (выделено нами – *И.Н.*) во всяком образе бытия фактического присутствия» [2, с. 17]. Но к этим сущностным структурам и характеристикам повседневности Хайдеггер относит бытие с другими, которое обременено «хранением дистанции». Другие не суть конкретные персонажи, это некий усредненный модус существования людского сообщества – das Man. Поскольку Хайдеггер трактует понимание как «можествование здесьбытия», то именно через возможности понимания, открывающиеся в Среднем как способе бытия Dasein в модусе повседневности, он пытается прояснить саму «сущностную тенденцию повседневности» [3, с. 30]. Способ бытия понимания, присущий повседневному бытию эксплицируется Хайдеггером в терминах «болтовня» и «любопытство». Болтовня – это «безразличная понятость», то есть эрзац смысла. Болтовня как то, что выявляет ведущие тенденции повседневности, погружает здесьбытие в анонимность и усредненность, лишённую корней. Понятое через болтовню Хайдеггер называет по-средственным уразумением. И очень важным здесь оказывается то, что Хайдеггер подчеркивает необходимость и определенную конституирующую силу такого уразумения, силу болтовни. По аналогии с особым характером говорения в рамках повседневного бытия Хайдеггер акцентирует специфический характер смотра, именуя его «любопытство». Любопытство так же лишено корней, как и болтовня, оно «бесприютно» и так же не озабочено подлинным пониманием. Оно хочет смотреть, а не понимать видимое. Эта иллюзорность ещё более явственно видна в том основном, по Хайдеггеру, способе бытия повседневности, который показывается через любопытство и болтовню, а именно, – в *падении* Dasein. Хайдеггер рассматривает её как возможность движения Dasein к миру, возможность движения вообще. Это падение есть внутренняя возможность подлинной экзистенции. Поскольку Dasein есть всегда уже падшее, философия в аналитике Dasein необходимо должна начинаться с повседневности.

Этот краткий экскурс в учение Хайдеггера позволяет сделать вывод о том, что, проблематизируя повседневность через осмысление особого модуса речения и смотра, немецкий мыслитель делает важный для европейской традиции шаг осмысления онтологического статуса повседневности, но вместе с тем не может до конца избавиться от навязчивого фетиша «подлинности». При всем желании философа уйти от оценочных суждений сама семантика слов обрекает его на роль своеобразного судьи повседневности, которая отождествляется им с усредненностью, безликостью и анонимностью.

Следующий существенный вклад в онтологию повседневности делает французский неомарксист А. Лефевр, соединяя марксистскую теорию отчуждения с хайдеггеровской онтологией. Лефевр предлагает так называемую критику повседневной жизни, нацеленную не только на изучение, но и на изменение повседневности. Он не ограничивается сведением повседневности к неподлинному существованию, но делает два существенно новых шага в формировании онтологии повседневности. Во-первых, он рассматривает повседневную жизнь как историческую категорию, глубинно связанную с практикой, с миром работы. Только прaxis, приписываемый «повседневному человеку», может освободить его от отчуждения и привести к целостности человеческого бытия, в котором снят субъект-объектный дуализм. Во-вторых, Лефевр впервые разводит понятия «повседневной жизни» и «повседневности», подчеркивая, что именно повседневность представляет собой пространство отчуждения, в то время как повседневная жизнь хранит в себе остатки утерянной бытийной полноты и единства. Обвиняя Новое время в вырождении повседневной жизни в повседневность, Лефевр призывает к революции в повседневной жизни, революции, которая способна вернуть былую пол-

ноту, привести к цельности человеческого бытия посредством особого способа производства, ежедневного производства, – *производства своей жизни как работы*. Таким образом, осуществляемая Лефевром критика повседневной жизни становится в то же время ее реабилитацией.

Тема повседневности как работы была продолжена в социальной феноменологии А. Шюца. Основываясь на гуссерлианской концепции жизненного мира, он рассматривает повседневность как верховную реальность, данную нам в естественной установке. Этот мир состоит из наших действий, наших привычек и традиций. Он управляется специфическим видом активности – работой, которая трансформирует наши внутренние движения в активность внешнего. Именно работа оформляет мир, окружающий наше тело, и конституирует целостность Я. Работа вносит в мир необратимые изменения. Только практический мир работы является сферой моей ответственности, и только он конституирует интересубъективность мира повседневности. Этот мир обладает открытым горизонтом значений и создает особый образ времени – интересубъективное настоящее, разделяемое мной и другим.

В этом кратком обзоре истории осмысления онтологической природы повседневности неклассической философией Запада еще следует упомянуть концепцию М. де Серто. В своей работе «Практики повседневной жизни» де Серто стремится создать некую «науку сингулярности» – изучение повседневной деятельности, которая помогает ускользать от артикулированной стратегической власти господствующего дискурса. Причем он подчеркивает, что его работа радикально пересматривает понятие субъективности, поскольку его анализ сфокусирован не на индивиде как персонифицированном субъекте действия, но направлен на «способы оперирования» и «схемы действий». Он также исследует определенный вид работы – некое альтернативное производство, именуемое потреблением, с тем, чтобы изучить повседневную креативность. То есть объектом его исследования становятся определенные повседневные практики, которые являются способом действия «молчаливого большинства», маргинального по своей природе, но составляющего, тем не менее, доминирующую часть современного социума. Это большинство вырабатывает сеть «тактик», которые противостоят «стратегиям», установленным властными отношениями. Стратегии утверждают господство «правильных (общих) мест», что, по мнению де Серто, знаменует собой победу пространства над временем. Тактики же зависимы от времени. Все повседневные практики носят тактический характер. Посредством множественных способов оперирования они демонстрируют победу слабых над сильными. (В качестве примера можно привести индивидуальное использование языка в рамках установленных общих правил). Этот набор тактик не просто освобождает субъекта, он создает новый тип субъективности, лишенный обязательной формы идентичности, власти видимой формы, власти пространства.

Основные характеристики повседневности

Итак, все перечисленные концепции не просто фиксируют индивидуальные точки зрения различных мыслителей, но позволяют проследить историю онтологических исследований повседневности, выявляющих ее онтологический статус и определяющие характеристики. К последним можно отнести следующее:

- 1) повседневность есть прежде всего особый способ осуществления человеческой экзистенции, обладающий необходимым позитивным онтологическим статусом и сложным, амбивалентным характером;
- 2) повседневность располагает наделенное телом Я в мире вещей;
- 3) это сфера практики, характеризующаяся особым видом активности – производством, работой;
- 4) это общий для Я и другого интересубъективный мир;

5) она регулируется особым опытом переживания времени – присутствием настоящего;

6) предполагает особый образ субъективности.

Таким образом, круг замкнулся. Из сферы, лишенной самостоятельной бытийной силы, рассеивающей самость, повседневность превращается в первую и необходимую ступень человеческого бытия, внимательное изучение которой способно не только прояснить сущностные моменты субъективности, но и привести к построению ее новой модели, преодолевающей недостатки и тупики классической версии субъекта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мерло-Понти, М. Феноменология восприятия / М. Мерло-Понти ; пер. с фр. под ред. И.С. Вдовиной, С.Л. Фокина. – СПб. : Ювента ; Наука, 1999. – 605 с.
2. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер ; пер. с нем. В.В. Бибихина. – Изд. 2-е, исправленное. – СПб. : Наука, 2002. – 454 с.
3. Хайдеггер, М. Работы и размышления разных лет / М. Хайдеггер ; пер. с нем. А.В. Михайлова. – М. : Гнозис, 1993. – 464 с.
4. Certeau de, M. The practice of everyday life / M. de Certeau. – University of California Press, 1984. – 229 p.

Nalivaiko I.M. Ontology of Everydayness (the Means of Thematic Essence of Everydayness in Contemporary Western Philosophy)

This article is devoted to the ontological studies of everydayness in contemporary Western philosophy. So the main goal of the article is to study leading western conceptions of the everyday in order to clarify the constructive steps in forming the philosophy of everydayness and to define essential features of everyday life as the specific mode of existence.

Thus the article contains the examination of the reasons and foundations of the comprehension of the topic of everydayness in non-classical philosophy, the short review of the leading conceptions and the description of the fundamental ontological features of everyday life.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 01.03.2013

УДК 32:001(73)

Е.А. Макаренко

АНАЛИТИЧЕСКИЕ РАЗРАБОТКИ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ЦЕНТРОВ США В СФЕРЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ ГОСУДАРСТВА

В статье рассматриваются разработки американских исследовательских центров, направленные на обеспечение стратегии внешней политики и безопасности США, а также особенности международного курса Белого дома в контексте субъективного видения международной политики президента США Б. Обамы и его окружения.

В современной нестационарной политической системе происходит постоянная борьба за влияние многих государств мира, от последствий которой зависит осуществление внешней политики ведущих акторов международных отношений. Учитывая статус США как глобальной державы, аналитические разработки американских исследовательских центров направлены на обеспечение политических стратегий и безопасности США, влияют на прогнозирование и стратегическое планирование международной политики Америки и являются неотъемлемой частью обеспечения национальных интересов. Согласно мониторинговым исследованиям, проведенным в Пенсильванском университете, было выявлено более 500 исследовательских институтов, способных влиять на американскую власть в вопросах принятия концептуальных решений.

К числу наиболее влиятельных относят Институт анализа внешней политики, Американскую Раду, Национальный совет по разведке, Американский центр стратегических и международных исследований, корпорацию RAND, центр Stratfor, исследовательский Центр имени Никсона, Институт прогрессивной политики, Фонд «Наследие», Фонд Карнеги, Национальный демократический фонд, Центр американского прогресса, Американский институт предпринимательства, Брукингский институт, государственные исследовательские структуры Белого дома, структурные подразделения Министерства обороны и Департамента внутренних дел, исследовательскую службу Конгресса, другие исследовательские учреждения.

Учредителями и руководителями аналитических центров выступают известные американские политики З. Бжезинский, Г. Киссинджер, М. Олбрайт, С. Телбот, Дж. Сорос, Дж. Фридман, Дж. Мак Ганн, Р. Армитидж, Дж. Най, В. Коэн, Дж. Шлезингер, Р. Джеймс Дж. Томсон, М. Рич и другие. Это свидетельствует о характерной особенности американской политики, то есть о тесных связях между аналитическими центрами и властью, которые проявляются в том, что будущие эксперты сначала работают в составе правительства, а затем привлекаются к экспертным исследованиям в аналитические центры. В этом процессе, отмечают специалисты, происходит обогащение опыта исследователей, лучше осознается возможность на государственном уровне реализовать определенные научные разработки, в частности, положения и выводы фундаментальной науки и ее прикладных разработок [1].

Можно утверждать, что каждый президент США предпочитал прислушиваться к рекомендациям тех аналитических центров, к которым имел склонность с точки зрения партийных и персональных предпочтений. Так, например, президент Р. Рейган приоритетными для международной политики США считал аналитические разработки фонда «Наследие». Его преемник в Белом доме Б. Клинтон сотрудничал с политологической школой Брукингского института, а Дж. Буш-младший использовал научные идеи, положения, выводы и рекомендации преимущественно Американского института

предпринимательства. Нынешний глава американского государства Б. Обама поддерживает связь с Центром американского прогресса, руководитель которого Дж. Подеста возглавлял команду, обеспечившую переход власти от Буша-младшего к Б. Обаме [2].

В сфере стратегического планирования и внешней политики Америки можно выделить такую исследовательскую структуру, как Национальный совет по разведке США, которым были подготовлены аналитические исследования «Глобальные тенденции до 2010 г.», «Глобальные тенденции развития человечества до 2015 г.», «Очертания будущего мира: глобальные тенденции развития человечества до 2020 г.», а также «Глобальные тенденции до 2025 г.», которые позволяют конструктивно взглянуть на перспективы современной цивилизации и ведущей роли США в мире.

Так, в «Глобальных тенденциях до 2010 г.» (1997 г.) были определены ключевые проблемы, вызовы и неопределенности глобализации и их влияние на все регионы мира, осуществлено прогнозирование трансформаций мировой политической системы до 2010 г.; например, подчеркивалось, что структуру международных отношений определяют главным образом процессы межгосударственного взаимодействия, а не внутренняя политика государств. Международная система в 2015 г., согласно аналитическим исследованиям, будет формироваться под влиянием таких глобальных факторов и связанных с ними тенденций, как народонаселение, природные ресурсы и окружающая среда, наука и технологии, мировая экономика и глобализация, национальное и международное управление, урегулирование конфликтов, ведущая роль США в формировании нового мирового порядка [3].

Именно эти факторы будут определять возможности, приоритеты и действия США до 2015 г.: численность населения мира может возрасти до 7,2 млрд человек по сравнению с 6,1 млрд в 2000 г.; в большинстве стран увеличится продолжительность жизни; основной прирост населения (95%) придется на развивающиеся страны. В странах с развитой экономикой и в большинстве стран с рыночной экономикой прогнозируется демографический кризис, связанный со снижением уровня рождаемости и старением населения. В первые десять лет XXI в. не только США, но и другие страны столкнутся с глобальными проблемами, которые будут существенно влиять на политику, экономику, социальную и культурную сферу: дальнейшее развитие информационных и коммуникационных технологий будет способствовать трансформации экономических и политических возможностей государств. Рост экономической мощи стран Азиатско-Тихоокеанского региона, особенно Китая и Индии, потребует увеличения объемов потребления энергии, что значительно увеличит потребности в энергоресурсах, в результате чего страны ОПЕК будут вынуждены увеличить объемы добычи нефти. Высокие технологии существенно повлияют и на вооружение государств, однако маловероятной останется появление сильных конкурентов для США в сфере безопасности, учитывая, что страны – потенциальные противники США – продолжают наращивать военный потенциал другими средствами [4].

Исследование «Очертания будущего мира: глобальные тенденции развития человечества до 2020 г.», в котором представлено долгосрочное прогнозирование будущего, ключевыми тенденциями развития мира определяет появление новых лидеров, новых вызовов управлению, новых подходов к определению безопасности, в частности, в контексте роста терроризма. По мнению экспертов, США останутся самой мощной силой мирового сообщества, а глобальному экономическому, технологическому, военному и дипломатическому влиянию США не будет равных как среди других стран, так и среди региональных и международных организаций. Такая мощь не только должна обеспечить исключительное геополитическое положение Америки, но и сделать США ключевым актором международной системы. США продолжают играть важную роль мирового лидера, однако сохранить этот статус будет все сложнее, поскольку

новыми глобальными игроками в перспективе до 2020 г. станут страны Азии во главе с Китаем и Индией. Высокие темпы экономического роста, наращивание военного потенциала и высокие темпы прироста населения станут ключевыми факторами экономического и политического могущества этих двух государств, но ключевой неопределенностью останется вопрос, каким образом Китай и Индия будут наращивать потенциал: совместно с другими государствами международного сообщества или в ходе активной конкурентной борьбы? Новыми глобальными лидерами к 2020 г., говорится в исследовании, могут стать также Бразилия, ЮАР и Индонезия, а Европе будет сложно удерживать свои позиции на международной арене [5].

Согласно исследованию о глобальных тенденциях к 2025 г., появление новых потенциальных глобальных лидеров может привести к изменению старых категорий «Восток – Запад», «Север – Юг», «развитые страны и развивающиеся страны». Традиционные географические объединения постепенно станут терять свой особый статус в международных отношениях, а мир государств-наций с их национальными границами и мир мегаполисов, объединенных телекоммуникационными потоками, торговыми и финансовыми связями, продолжают сосуществовать; конкуренция будет открытой и менее фиксированной, чем раньше. В аналитической разработке подается четыре сценария цивилизационного развития:

1. «Мир без господства Запада». По этому сценарию новые мощные государства выходят на мировую арену и вытесняют западные страны, однако такой вариант развития событий не является единственным или неизбежным. Исторический опыт свидетельствует, что подъем новых государств (вроде Японии или Германии в конце XIX – начале XX вв.) всегда сопровождался вызовом стабильности к существующей системе международных отношений, что приводило к глобальным конфликтам. Более вероятным (по сравнению с прямым вызовом международной системе) есть вариант развития событий, когда развивающиеся государства, будут стремиться играть большую роль в вопросах, затрагивающих их основные национальные интересы. Такое объединение новых сил сможет конкурировать с организациями, подобной НАТО, и стать альтернативой пассивности Запада. Однако эти коалиции, учитывая их разновекторные интересы, могут как объединяться, так и отдаляться друг от друга. Хотя развивающиеся государства и будут в определенной степени сосредоточены на решении внутренних вопросов и поддержании экономического развития, но со временем у них появится возможность выйти на мировую арену по мощности воздействия.

2. «Сюрприз в октябре». Этот сценарий предусматривает, что из-за недостаточного внимания к проблеме изменения климата будут возникать неожиданные, непредсказуемые последствия. Большинство исследователей не уверены, перешло человечество ту конечную грань, когда процессы изменения климата обрели необратимый характер. Политические лидеры должны быть обеспокоены частотой случаев природных катаклизмов, другими последствиями климатических изменений вроде уменьшения запасов воды, нехватки пищи, хотя возможностей для решения подобных проблем будет со временем все меньше.

3. «Взрыв БРИК (Бразилия, Россия, Индия, Китай и в перспективе ЮАР)». Такой сценарий учитывает ограниченность энергетических ресурсов и напряженную борьбу за них в будущем. Китай, Индия, Россия, хотя и богаты природными ресурсами, однако находятся в зависимости от энергетических поставщиков.

4. «Политика имеет не только локальный характер». Согласно этому сценарию, предусматривается формирование нового мира, в котором государства уже не будут играть ведущей роли в формировании мировой политики; ускорится развитие субрегиональных и транснациональных образований, включая социальные и политические движения. Контроль за решением многих глобальных проблем переместится с госу-

дарственного уровня на надгосударственный, коммуникационные технологии откроют возможности для всеобъемлющей, непрерывной интеграции в социально родственных сетях [6].

Следовательно, утверждается в исследовательских разработках Национального совета по разведке США, глобальные интеграционные процессы будут влиять на формирование новой системы международных отношений, однако США в глобальных тенденциях развития человечества останется ведущей, а возможно, и единственной сверхдержавой будущего.

Аналитические разработки для сферы внешней политики преимущественно осуществляются в рамках таких институтов, как Американский Совет внешней политики, Институт прогрессивной политики, Американский институт предприятия, Институт прогрессивной политики. Действующей под эгидой Национального демократического фонда как исследовательский центр Совета демократического лидерства предложил т.н. «третий путь» реализации стратегий США с учетом спектра американского политика. Прогнозируя международно-политический курс демократической администрации в случае победы на выборах 2008 г., аналитики Института отмечали, что при разработке стратегий и соотношений «жесткой» и «мягкой» силы во внешней политике следует учитывать наличие в демократической партии «либеральных ястребов», которые отстаивали политику расширения бюджета для Пентагона и курс на военное вмешательство в разных регионах мира [7].

Аналитические исследования 2010–2011 гг. по внешней политике США в XXI в. остаются на уровне выяснения проблемы дальнейшего глобального лидерства США, подъема международной политической роли Европы и продвижения интересов трансатлантического альянса на Восток. В частности, Дж. Фридман, основатель известного исследовательского центра Stratfor и автор известных книг «Секретная война Америки» и «Следующие сто лет: прогноз на XXI век», утверждает, что «США на предполагаемую политическую перспективу останутся единственным глобальным лидером, а такие страны, как Польша и Мексика, будут играть важную роль в международной политике». Он ставит под сомнение утверждение о том, что Россия станет глобальным лидером, поскольку «Россия никогда не была мировым лидером, за исключением периода XX века, когда она стала крупнейшей ядерной державой». Сравнение по экономическим показателям также не свидетельствует в пользу глобального лидерства России, подчеркивает Дж. Фридман, поскольку ВВП России составляет примерно 20% от ВВП США. Исходя из таких объективных сравнений, специалист делает непредвзятые выводы о том, что с высокой долей вероятности можно предположить: Россия никогда не станет глобальным лидером. Что же касается политики России на постсоветском пространстве, то в ближайшие годы ожидается наращивание ее влияния в странах ближнего зарубежья, потому что в России, по мнению Дж. Фридмана, «стали задаваться вопросами о том, каких целей США пытаются достичь в Восточной Европе». Пиком такой политики, отмечает американский политолог, стала война с Грузией, которая продемонстрировала всему миру, «что какой бы слабой ни казалась Россия, западные страны не смогли остановить ее действия в отношении Тбилиси. Именно после войны 2008 г. страны ближнего зарубежья стали стремиться налаживание отношений с Россией» [8].

Геополитические амбиции России в противовес интересам США также касаются использования финансово-экономического кризиса в Европе. Учитывая, что ФРГ просматривает собственную роль в Европейском Союзе, поскольку является наиболее стабильной экономикой, Россия видит в ней потенциального союзника, предлагая прежде всего наиболее прибыльную – энергетическую составляющую отношений (Россия поставляет Германии почти половину всех энергоресурсов, у обеих стран существует много взаимных интересов в экономической сфере, свидетельством чему является и за-

пуск «Северного потока» через территорию ФРГ для других стран Европы в обход Украины). Дж. Фридман отмечает: «Если Москва сможет привлечь Германию на свою сторону, то Россия превратится в серьезного геополитического игрока. А соглашаясь поддержать санкции против Ирана, Россия стремится нейтрализовать влияние США в странах ближнего зарубежья как региональный лидер».

Прогнозируется, что США будут единственной глобальной силой, которая сможет влиять на Россию, поэтому русско-немецкий альянс, по мнению Дж. Фридмана, не выгоден США, следовательно, конкуренция между США и российско-германским альянсом будет одним из доминантных факторов глобальной политики. Однако, подчеркивает американский специалист, «Россия не сможет выдержать такое соревнование, поскольку Москва проиграла Вашингтону в XX в., когда она была намного сильнее». США останутся единственным глобальным лидером, несмотря на некоторое ослабление позиций в связи глобальным финансовым кризисом и протестными движениями. Нужно иметь в виду, что экономика США составляет 25% от мировой, а кроме того, американская экономика выросла на 5%, а в последние посткризисные месяцы темпы ее роста составляли 3,5% (для сравнения: экономика ФРГ выросла лишь на 0,2%). То есть можно утверждать, что США вышли из кризиса гораздо быстрее, чем Европейский Союз. Если сравнивать США и Китай, то нужно отметить, что экономике Китая потребуется расти на 8,25% в год, чтобы догнать американскую экономику, которая в среднем будет увеличиваться на 2,5% год. «Экономика США больше, чем экономика любой страны мира, ВМФ США контролирует мировой океан. Если США сочтут нужным, они могут перекрыть морские торговые пути, и это дает Вашингтону важный рычаг контроля над международной политикой XXI в.», – прогнозирует Дж. Фридман [9].

Зато Центр американского прогресса, который осуществляет концептуальное обеспечение внешней политики администрации Б. Обамы, уже презентовал разработку, которую можно рассматривать как проект доктрины Обамы. Это фундаментальный проект, в котором прослеживается ключевая идея «изменений и прогрессивных принципов для 44-го президента США». Он представляет собой пакет общих положений, подготовленных руководителем проекта «Новая демократия» М. Грин о первых ста днях деятельности Б. Обамы в условиях экономического кризиса. Разработки Центра американского прогресса учтены и в ежегодном послании «О положении страны», с которым 24 января 2012 г. президент США выступил перед Конгрессом. Основные положения выступления Б. Обамы по вопросам внешней политики США были посвящены восстановлению ведущей роли и авторитета США в мире, укреплению связей со странами Европы, Азии, Латинской Америки, поддержанию дальнейших изменений в регионе Ближнего Востока, а также продолжению глобальной политики защиты демократических ценностей. В послании Обамы было поддержана «волна перемен» в странах Северной Африки и Ближнего Востока, в частности, демократизация Сирии путем немедленного проведения демократических реформ.

Важным направлением деятельности администрации США, отметил Б. Обама, остаются вопросы нераспространения оружия массового уничтожения и надежности хранения ядерных материалов. Особый акцент в выступлении был сделан на выработке единой позиции стран по ядерной программе Ирана, что Б. Обама расценил как важное достижение американской дипломатии. Он заявил, что давление на Иран и санкции, направленные на изоляцию этой страны, будут в дальнейшем усиливаться, чтобы любым способом не допустить получения Ираном ядерного оружия. При этом он подчеркнул, что будет продолжена политика поддержки безопасности Израиля и развития тесного военного сотрудничества с этой страной. Б. Обама также заявил, что для развития нормальных экономических отношений с Россией он будет добиваться отмены поправки Джексона-Вэника, однако отказался от продолжения политики «перезагрузки» в перспективе [10].

Значительный вклад в разработку стратегий внешней политики США вносит корпорация RAND. В исследованиях, посвященных проблемам безопасности, утверждается, что национальные стратегии в современном мире существенно трансформируются под влиянием технологического прогресса. В частности, в разработке «Появление ноополитики: направления американской информационной стратегии» анализируются дискуссии об информационной составляющей внешнего воздействия, касающиеся главным образом альянсов с другими государствами в геополитическом противостоянии, реализации влияния в киберпространстве для глобальной демократизации и ограничение возможностей авторитарных режимов в глобальной информационной среде. В докладе четко выделяются два направления исследований: технологическое, касающееся проблем кибербезопасности, и политическое, в рамках которого рассматриваются стратегии политического и психологического воздействия, которые сосредоточены скорее на возможностях, чем на противодействии реальным угрозам. Из этих двух направлений исследование кибербезопасности является более разработанным, поскольку именно с проблемами «информационной войны» и ключевым технологическим рискам были посвящены слушания в Конгрессе и президентских комиссиях. Если раньше эксперты в сфере национальной безопасности прогнозировали потенциал противоборства государств в политической, экономической и военной области, то в современном мире к этому добавляется еще виртуальное пространство, объединяющее высокие технологии и концептуальное содержание безопасности. Таким образом, развитие системы международной безопасности становится зависимой от процесса внедрения инноваций, поскольку именно инновационные технологии выступают источником роста национального благосостояния, повышения статуса государства на международной арене и фактором влияния развитых государств на международное сотрудничество [11].

Также корпорацией RAND совместно с Пентагоном была предложена военная концепция противоборства в информационном пространстве на основе стратегии глобального доминирования, которая предусматривала способность вооруженных сил США преобладать как в миротворческих операциях, так в глобальном противостоянии. В документе под названием «Общее видение 2010» определяются три параметра противоборства: «физическая сфера», где происходят реальные события, которые воспринимаются на физическом уровне обществом и инфраструктурой; «информационная сфера», которая выполняет роль посредника передачи данных; «познавательная сфера», в которой данные о реальных событиях анализируются и получают оценку для принятия решений. Другой аналитический документ по проблемам глобальной информационной безопасности «Общее видение 2020» развил предварительную концепцию с целью достижения преимуществ вооруженных сил США единолично или в альянсах с другими государствами в информационном противоборстве. В исследовании выделяется несколько характерных черт, присущих современному информационному противоборству: во-первых, «прозрачность поля боя», то есть постоянный контроль военных действий с помощью информационно-коммуникационных технологий; во-вторых, общая координация и управление всеми боевыми подразделениями; в-третьих, возможность ведения военных действий в реальном времени.

Исследователи RAND выделяют шесть основных структурных элементов информационного противоборства:

- 1) физическое уничтожение – использование всех средств вооруженной борьбы для разрушения систем управления противника;
- 2) радиоэлектронная война – применение электронных средств или электромагнитных вооружений для разрушения систем сбора информации;
- 3) сетевая война – использование компьютерных технологий и телекоммуникационного оборудования с целью повреждения компьютерных систем и сетей противника;

4) дезинформация и манипулирование – деструктивное влияние на систему принятия тактических и стратегических решений;

5) оперативная маскировка – использование всех средств для сохранения конфиденциальности собственных данных;

б) психологическая война – использование средств массовой информации и коммуникации для осуществления пропаганды с целью влияния на моральное состояние войск противника и систему психологического восприятия реальности.

Такие подходы исследователей к проблеме международного сотрудничества в сфере внешней политики и безопасности учитывают информационную парадигму глобального развития, которая является отражением новых закономерностей формирования современной системы международных отношений и, соответственно, требует новаций по обеспечению национальных интересов и достижения преимуществ в международных воздействиях [12].

Специфическое определение политического влияния как демократизационной составляющей в большой стратегии США в свое время было предложено вице-президентом умеренно-консервативного исследовательского Центра имени Никсона К. Купчаном. Он видел новации внешней политики в концепции сотрудничества США с международным сообществом, что, по его мнению, могло бы реанимировать активность демократов, которые несколько растерялись результате гуманитарных акций в Сомали, где они прибегли к устаревшим подходам, не сумев должным образом воспользоваться значительной силой Америки. В разработке Брукингского института «За пределами превентивности: сила и легитимность в меняющемся мире» также подробно проанализирована роль силы в международных отношениях, в частности, роль информационного воздействия, которое рассматривается как полноценная альтернатива классическим межгосударственным войнам. Т.е. фактор силы в современном мире рассматривается как военное и экономическое преимущество США над другими странами, как противодействие «новым вызовам» через политику «укрепления единства демократических стран» и доказательство тезиса о «моральном неравенстве режимов», согласно которому авторитарные режимы не имеют права на военную и экономическую мощь по сравнению с США [13].

Разработка Центра американского прогресса «Национальная стратегия глобального развития. Защита Америки и нашего мира через постоянную безопасность» содержит практические рекомендации относительно определения главных вызовов и угроз для национальных интересов США. В отличие от наступательной стратегии Дж. Буша-младшего, которая преимущественно разрабатывалась Американским институтом предпринимательства и в которой концептуально была обоснована политика американского доминирования, экспертами Центра американского прогресса были предложены Б. Обаме рекомендации, в которых президента призвали действовать взвешенно, сдержанно, без агрессивной риторики относительно других ведущих международных политических акторов. Однако критический дискурс относительно приоритетов деятельности администрации Б. Обамы обнаружил и другие взгляды на стратегию внешней политики и безопасности США. Наиболее критическую оценку политики Б. Обамы находим в исследованиях Американского института предпринимательства, известного своими разработками для предыдущей администрации Белого дома. В аналитических материалах этого влиятельного исследовательского института отмечалось, что к середине июня 2009 г. президент Б. Обама все еще не сформулировал стратегии или последовательного логического обоснования значительного сокращения ядерных вооружений и систем доставки как одного из глобальных факторов сдерживания распространения ядерных вооружений и поддержания международного мира. Б. Обама взял на себя ряд серьезных обязательств, так и не дождавшись последней версии «Обзора построения ядерных

сил» США, который служит четким механизмом оценки стратегических потребностей страны. Отказ президентской администрации проанализировать этот документ, ее стремление ратифицировать новый договор до декабря 2009 г., а также предложения по сокращению расходов на противоракетную оборону и ключевые системы вооружений, согласно выводам Американского института предпринимательства, продемонстрировали приверженность Обамы к идеологии менее агрессивной военной стратегии Соединенных Штатов. Подход Обамы, по мнению специалистов института, ослабит потенциал США в сфере как ядерных, так и обычных вооружений. «Оптимальным вариантом для президента было не спешить с подписанием каких-либо новых геостратегических договоров». Кроме того, в документе отмечалось, что политика Обамы кажется рискованной для США и их глобальных союзников, которые находятся под американским «ядерным зонтом».

По мнению аналитиков Американского института предпринимательства, сегодня не время не отказываться от политики «жесткой силы» и снимать с повестки дня доктрину и практику «ядерного зонта», поскольку угроза распространения ядерного оружия приобретает более реальные очертания: Северная Корея проводит испытания ядерного оружия и пробные запуски ракет; ядерная и ракетная программы Ирана стремительно прогрессируют; Индия и Пакистан наращивают свои ядерные потенциалы, а другие потенциальные ядерные державы пока наблюдают за реакцией Америки. Любой другой подход, считают в Американском институте предпринимательства и многие сенаторы, сделает США уязвимыми и ослабит национальную безопасность.

Итоговая позиция этого аналитического центра представлена в публикации под названием «Обама продолжает второй срок Буша – плохо», где содержатся положения, которые раскрывающие различия между внешней политикой консерваторов и демократов. В статье говорится, что внешняя политика консерваторов базируется на американской исключительности, нежелании поступаться стратегическими интересами перед международными организациями. Таковую дипломатию, по мнению исследователей, нельзя квалифицировать как «одностороннюю» или «многостороннюю», поскольку она базируется на выборе стратегий, тактик, средств и методов для «жесткого» обеспечения национальных интересов США. Консерваторы понимают, что союзники отличаются от противников, и к каждому из них следует относиться соответствующим образом. Б. Обаме необходимо принять во внимание воинственное отношение Москвы к вопросам, связанным с образованием новых независимых государств, Северной Кореей, Ираном, Ближним Востоком и т.п., поскольку уже первые месяцы работы администрации Б. Обамы показали значительную затратность альтернативного взгляда европейских и американских демократов на международное взаимодействие. Именно аргумент о чрезмерной либеральности политики Б. Обамы выступает одним из ключевых в критике его внешней политики и со стороны других американскими аналитических исследовательских институтов с консервативными приоритетами в идеологии [14].

На современном этапе, несмотря на критический дискурс по поводу внешней политики президентской администрации Б. Обамы, основной стратегией приоритетного влияния США в сфере международных отношений стала концептуальная разработка Американского центра стратегических и международных исследований «Более умная, более безопасная Америка». Этот аналитический центр специализируется главным образом на нестандартном освещении деятельности политического руководства Америки, разработке стратегических проблем будущего, а также на определении перспектив и рекомендаций по адекватному решению глобальных проблем современности. Руководство деятельностью Центра осуществляют специалисты, тесно связанные с практикой американской внешней политики. Кроме того, сама философия перехода к «умной силе», т.е. к новым принципам формирования внешнеполитической стратегии США была

заложена в сценарий, разработанный еще в 2006 г. для 44-го президента США (независимо от его партийной принадлежности).

В рамках Американского центра стратегических и международных исследований была создана специальная двухпартийную комиссию по переходу к политике «умной силы». Эта комиссия в 2007 г. представила аналитический доклад «Более умная, более безопасная Америка», посвященный новой стратегии внешней политики и безопасности США. Суть этой новой консенсусной американской стратегии, разработчиками которой считаются Дж. Най и Р. Армитидж, заключается в сочетании военной и культурной силы в общую эффективную стратегию деятельности США на международной арене для возвращения Америке статуса интеллектуального лидера и поддержания репутации США на основе идеи «глобального благосостояния» [15].

В преамбуле доклада разработчики ссылаются на то, что США должны использовать потенциал «умной силы» как инвестиции в глобальное будущее, предоставляя возможности для экономического, политического и социального развития другим странам. Америка может предложить миру стратегию, которая способна ответить на неотложные глобальные вызовы путем инвестиций не только в экономику и военную сферу, но и в политику мягкого доминирования. Чтобы сохранить лидерство Америки в международных отношениях, подчеркивают специалисты, необходимо отвечать на глобальные вызовы, «не распространяя страх и злость, а внушая оптимизм и надежду». Авторы надеются, что новая президентская администрация продолжит политическую традицию мирового лидерства государства, поскольку именно «умная сила» позволит США вернуть себе статус уверенного в себе государства, готового решать глобальные задачи, опираясь на широкий консенсус международного сообщества и непосредственное сотрудничество со странами БРИК, которые в последнее время приобретают характерные черты регионального лидерства.

Практическое воплощение концепции «умной силы» можно было наблюдать в заявлениях и деятельности представителей администрации Б. Обамы. Команда президента Обамы решила отказаться от «силовой дипломатии» администрации Дж. Бушамладшего, которая во многих направлениях внешней политики Америки проявила свою неэффективность, и прибегнуть к методам «прагматичной дипломатии», предусматривающей выдвижение дипломатии на передний план внешней политики США в сочетании с военной мощью и инновационными средствами XXI в. Реализация концепции «умной силы» США нашла воплощение в «Стратегии национальной безопасности», которая была обнародована в мае 2010 г. и в которой были определены принципы отстаивания геополитических интересов Америки в современном мире. «Стратегия национальной безопасности» является основным документом, в котором изложены задачи для внутреннего политикума и общественности, а также мира в целом [16].

Отметим, что впервые документ под названием «Стратегия национальной безопасности» был представлен администрацией Р. Никсона, а в 1986 г. был принят закон Голдуотера – Никольса, по которому «Стратегия национальной безопасности» стала обязательным документом для каждой новой администрации президента США.

Предложенная «Стратегия национальной безопасности» содержит ряд важных новаций тактического и стратегического характера. В частности, впервые предлагается интегрировать основные инструменты американской мощи: дипломатию, военную силу, экономические инструменты, разведку, структуры обеспечения внутренней безопасности. Кроме того, анализ нового документа позволяет выделить четыре стратегических аспекта: безопасность, экономическое процветание, продвижение «универсальных ценностей» и укрепление миропорядка при американском лидерстве в решении важных международных проблем. По мнению специалистов, новая стратегия Обамы носит всеобъемлющий характер и является попыткой интегрировать внутренние и международ-

ные аспекты национальной безопасности, учитывая, что острая системный кризис вызывает «перегрузки» сил Америки в попытке консолидировать однополярный мир.

Как развитие новой стратегии внешней политики и безопасности администрации Б. Обамы в свете предвыборной президентской кампании 2012 г. можно рассматривать и исследования Министерства обороны США «Укрепление мирового лидерства США: приоритеты Министерства обороны на XXI в.», в котором изложены стратегия и тактика усиления всех инструментов американских властей, включая «дипломатию, развитие международных отношений, разведку и национальную безопасность, виртуальное пространство» [17]. В исследовании утверждается, что в мире, в котором постоянно происходят изменения «США будут оставаться самой мощной силой в истории человечества, которая борется за независимость и безопасность». В рамках осуществления стратегии укрепления мирового лидерства США на ближайшую перспективу в сфере безопасности предполагается усиление противостояния угрозам негосударственного характера, сотрудничество с союзниками и партнерами США для установления контроля над неконтролируемыми территориями и возможность прямых ударов по наиболее опасным группировкам в случае необходимости. Подчеркивается также, что для защиты национальных интересов и выполнения глобальных обязательств основными задачами вооруженных сил США являются противостояние терроризму и борьба с нерегулярными вооруженными формированиями, противодействие агрессии, в частности, в киберпространстве, обеспечение безопасности и использование ядерного фактора сдерживания, защита территории США и поддержка гражданской власти, а также урегулирование нестабильности в любом регионе мира.

Показательно, что интересы США в сфере экономики и безопасности неразрывно связаны с событиями на пространстве от западной части Тихого океана и Восточной Азии до Индийского океана и Южной Азии. Это создает целый комплекс новых задач для продвижения политики мирового лидерства. Специалисты Министерства обороны США также отмечают, что глобальное доминирование государства должно поддерживаться и политикой свободных рыночных отношений, а также влиянием США прежде всего в Азиатско-Тихоокеанском регионе, при этом нужно учитывать «фактор Китая как региональной силы, поскольку обе страны имеют целью обеспечение мира и стабильности в Восточной Азии и стремятся к установлению постоянных деловых отношений». Однако, отмечается в исследовании, рост китайской военной силы должен сопровождаться большей ясностью стратегических намерений Китая. Соответственно, США будут продолжать инвестирование региона для сохранения преобладающего присутствия, а также с целью выполнения международных договорных обязательств. На Ближнем Востоке стратегические возможности США связаны с т.н. «арабским пробуждением» – изменением режимов и созданием правительств, которые будут придерживаться законных методов управления и станут для Америки более стабильными и надежными партнерами. Также предусматриваются меры по обеспечению защиты Израиля с помощью расположения в регионе вооруженных сил США и их союзников.

Что касается укрепления лидерства в европейском регионе, то в исследовании подтверждается тактика углубления евроатлантической интеграции. США, согласно статье 5, будут выполнять свои обязательства по отношению к союзникам по НАТО для разработки программы «Универсальной обороны». Кроме того, учитывается и важность отношений с Россией в сферах взаимного интереса, поскольку установление партнерских отношений во всем мире, по мнению аналитиков Министерства обороны, является важным для распределения расходов и обязанностей мирового лидерства.

В исследовании утверждается: «Мы стремимся быть лучшим партнером во всем мире, находясь в поиске новых партнерских отношений с растущим количеством населения, включая народы Африки и Латинской Америки, чьи интересы основаны на дос-

тижении общей свободы, стабильности и процветания. По мере возможностей для достижения своих целей мы будем разрабатывать оригинальные, малобюджетные, не требующие больших ресурсов акции, опираясь на усердие, периодическое местонахождение и ориентировочные возможности наших сил» [17].

Следует отметить, что разработка Министерства обороны США прежде всего направлена на выявление ключевых тенденций политического курса государства на основе стратегического осмысления проблем глобального и национального развития, на прогнозирование последствий действий других государств на международной арене. Следовательно, содержание аналитических разработок исследовательских центров США в области обеспечения национальных интересов государства заключается в соответствии исследуемых проблем национальным интересам государства и в обязательном выделении и акцентировании вызовов, угроз и опасностей Соединенным Штатам со стороны факторов международных отношений. Т.е. в американском специфическом измерении аналитические разработки призваны быть инструментом обеспечения мирового лидерства в целостном понимании внешней политики государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Think Tanks and Policy Advice in the US: Academics, Advisors and Advocates / [Edited by James G. McGann]. – Florence, Kentucky : Routledge, 2009. – 216 p.
2. Корнієвський, О. Безпековий вимір діяльності неурядових аналітичних центрів / О. Корнієвський [Електронний ресурс]. – Режим доступа : http://www.social_sciece.com.
3. Report of the National Intelligence Council's 2010 Project [Електронний ресурс]. – Режим доступа : http://www.dni.gov/nic/special_globaltrend2010.html.
4. Глобальные тенденции развития человечества до 2015 г. Доклад Национального разведывательного совета США. – Екатеринбург : Фактория, 2002. – 120 с.
5. Mapping The Global Future. 2020. Report of the National Intelligence Council's 2020 Project [Електронний ресурс]. – Режим доступа : http://www.dni.gov/nic/NIC_globaltrend2020htm.
6. Global Trends 2025: A Transformed World. [Електронний ресурс]. – Режим доступа : http://www.dni.gov/NIC_globaltrend_2025_proekt.ht_США.
7. Прохоренко, О.М. Концептуальні засади іміджування Росії американськими «мозковими» центрами : дис. ... канд. політ. наук: 23.00.04 / О.М. Прохоренко. – Київ, – 2009. – 191 с.
8. Фрідман, Дж. США залишаться єдиним світовим лідером / Дж. Фрідман [Електронний ресурс]. – Режим доступа : <http://www.voanews.com/russian/news/EM-Feedman-2010-06-28-97343044.html>.
9. Фрідман, Дж. Як розподіляться ролі в Європі в ХХІ столітті? / Дж. Фрідман [Електронний ресурс]. – Режим доступа : <http://www.kyivpost.ua/opinion/op-ed/kak-raspredelyatsya-rol-i-v-evrope-v-xxi-veke-337.html>.
10. Кононенко, К. Щодо деяких оцінок цьогорічного послання президента США Б. Обами до конгресу США / К. Кононенко, О. Резнікова [Електронний ресурс]. – Режим доступа : <http://www.niss.gov.ua>.
11. Abella, A. The rand corporation: the think tank that controls america / A. Abella [Електронний ресурс]. – Режим доступа : <http://blogs.static.mentalfloss.com/blogs/archives/27657.html>.
12. Макаренко, Є.А. Ризики і перспективи політики безпеки адміністрації США в умовах «перезавантаження» міжнародних відносин / Є.А. Макаренко // Актуальні проблеми міжнародних відносин / Ін-т міжнар. відносин Київ. нац. ун-ту імені Т. Шевченка. – Київ. – 2010. – Вип. 94, част. I. – С. 11–16.

13. Snow, N. Obama Soft Power, Smart Power / N. Snow [Електронний ресурс]. N. Snow // Huffington Post. [Електронний ресурс]. – Режим доступа : http://www.huffingtonpost.com/nancy-snow/obama-soft-power-smart-po_b_142880.html.
14. Kupchan, C. Real Democratik / С. Kupchan // National Interest. – 2004. – Fall. [Електронний ресурс]. – Режим доступа : <http://www.nationalinterest.org/ME2/default.asp>.
15. Nye, J.S. A smarter, more secure America. Report of the CSIS Commission on Smart Power / J.S. Nye [Електронний ресурс]. Craig Cohen, J.S. Nye, Richard Armitage. – Режим доступа : <http://csis.org/publication/smarter-more-secure-america>.
16. The National Security Strategy of the United States of America [Електронний ресурс]. – Режим доступа: http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.
17. Поддержание глобального превосходства: приоритеты для обороны XXI в. [Електронний ресурс]. – Режим доступа : <http://iipdigital.usembassy.gou/st/>.

Makarenko Ye.A. Analytical Elaborations of Research Centres of the USA in Providing National Interests of the State

In the article described the development of the American research centers to ensure the strategy of foreign policy and security of the U.S. and also the White House's foreign policy course in the context of subjective vision of foreign policy of U.S. President Barack Obama and his team.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 11.02.2013

УДК 323.21

*А.И. Лысюк, М.Г. Соколовская***ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО:
СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ (часть 1)**

В данной статье определяются структурно-функциональные характеристики гражданского общества. Первоначально исследуются основные причины существенных различий в научной интерпретации этого феномена. Дается критический анализ основных подходов к его определению. В качестве методологических оснований его изучения предлагаются принципы деятельностного подхода и социального конструктивизма. Опираясь на эти принципы, в первой части статьи вычленяются основные субъекты гражданского общества. Проводятся также различия между гражданским и квазигражданским обществом.

Введение

В современном мире тематика и проблематика гражданского общества не только не теряют своей актуальности, но и привлекают все большее внимание как исследователей, так и политиков, руководителей различных общественных секторов. С особой силой и очевидностью подобный тренд обнаруживается в общеевропейском контексте. Это обусловлено, с одной стороны, тем, что система перспективного управления в рамках ЕС предусматривает усиление роли структур гражданского общества с целью преодоления «дефицита демократии», в чем упрекают эту организацию многие политики. Вследствие этого, приняв в качестве базового постулата тезис о том, что «гражданские, политические и социальные диалоги» могут внести вклад в продвижение демократического процесса, руководством Европейского союза выдвигается цель – строительство масштабного гражданского диалога на уровне Евросоюза и превращение ассоциаций гражданского общества в «новые модели управления», интегрированные в «процессы формирования и реализации политического курса» [1, с. 103].

С другой стороны, одной из ключевых задач большинства постсоветских государств является формирование структур гражданского общества, без которых представляется невозможной их социально-экономическая модернизация в контексте демократического транзита. По этой причине, например, президенты РФ во всех государственных стратегических документах выдвигали и выдвигают установку на развитие в стране институтов гражданского общества. Более того, тема гражданского общества является настолько политико-идеологически и конъюнктурно-прагматически привлекательной, что свою готовность его развивать продекларировали даже те государства, которые сделали ставку на авторитарную модель управления. И, безусловно, сам формат постиндустриального общества, утверждение базовых принципов гражданской политической культуры и постматериальных ценностей в государствах западной цивилизации с необходимостью предусматривают значительное расширение пространства для гражданских инициатив и практик. При этом, однако, до сих пор не умолкают дискуссии вокруг содержания дефиниции «гражданское общество», структурно-функциональных характеристик этого феномена. Например, немецкий исследователь Ю. Коки охарактеризовал гражданское общество как «ускользающую реальность» и сравнил его с пудингом, который безуспешно пытаются прибить к стене гвоздями [2, с. 74]. В этой ситуации принципиальное значение (не только научное, но и политико-прагматическое) имеет выделение четких и однозначных структурно-функциональных характеристик гражданского общества, пригодных, в том числе, и для дальнейшей их операционализации и сравнительного анализа. Сделать же это возможно только в случае использования общих методологических принципов научного исследования.

Основные подходы к определению гражданского общества

Специально не останавливаясь на причинах отсутствия интегрированной теории гражданского общества (при очевидной множественности научных работ на эту тему), отметим, тем не менее, три из них. В первую очередь, укажем на то, что в рамках индустриального и постиндустриального обществ за гражданским обществом закрепились особые идеологические характеристики, производные от либеральной модели западного образца, что позволило некоторым исследователям увидеть в этом термине не столько научную категорию, сколько идеологему, которая стремится идентифицировать в качестве его субъектов только политико-идеологически «близкие» либеральным социальные институты, институции и способы действий.

«В результате понятие гражданского общества... становится элементом идеологической системы, увязывается с доминирующими в обществе институтами, в том числе и с властными институтами» [3, с. 65].

Подобный подход вызвал критические оценки со стороны ряда экспертов и представителей общественности (особенно России), которые видели в такой идентификации структур гражданского общества стремление «Запада» к политическому доминированию на постсоветском пространстве [4, с. 121]. Действительно, возникает естественный вопрос: можно ли отнести к проявлениям гражданского общества, например, деятельность «Братьев-мусульман» в Египте или же движения «Хамас» в секторе Газа, осуществляющих на принципах самоорганизации социальную помощь местному населению, если при этом в их акциях присутствуют многие внешние признаки гражданского общества как такового, но радикальным образом отрицаются либеральные ценности?

Кроме этого, терминологическая разногласия относительно определения гражданского общества была вызвана различием методологических парадигм, используемых исследователями при изучении этого феномена.

Следует указать также на фактор исторический: известные мыслители в разные исторические эпохи начиная с Нового времени достаточно произвольно и чрезмерно широко формировали и форматировали пространство этой социальной сферы. В XX же столетии по отношению к этому феномену стала доминировать иная крайность – эмпирический подход. Поэтому совершенно прав К. Подъячев, полагая, что «когда ведутся дискуссии о наличии (отсутствии) в России «гражданского общества», нужно прежде всего определиться с тем, что же имеется ввиду: совокупность некоммерческих, самоорганизованных объединений граждан; особое состояние социума, или же некая «промежуточная сфера» между государством и частной жизнью (как это полагал Гегель)?» [5, с. 104]. Если же классифицировать существующие подходы к определению гражданского общества, то мы можем выделить следующие их группы.

Во-первых, в момент своего генезиса гражданским обществом именовали государственное образование, порвавшее изначальные узы со своим первобытным состоянием и с естественным государством, в котором «властитель приобретает себе граждан по собственной воле», в то время как гражданское общество является созданным по свободному выбору на основе соглашения между свободными гражданами, которые «своим собственным решением подчиняют себя господству одного человека или собрания людей, наделенных верховной властью» [6, с. 332]. В этом случае гражданское общество включает в себя всю гамму общественных связей и отношений, скрепленных государственными скрижалями. Кроме этого, его первородным и неизменным качеством провозглашается свободный и ответственный выбор граждан в пользу определенного формата социальной жизни.

Во-вторых, по-прежнему влиятельным в академическом сообществе является обоснованный Гегелем подход, рассматривающий гражданское общество как социальное пространство и систему общественных отношений, пролегающих между первичными

группами (индивиды, семья и т.д.) и политической властью (государством). Гражданское общество, согласно Гегелю, образует сферу реализации частных целей и задач индивида, его потребностей за пределами семейных институтов, и основано на свободе частного лица, на институте частной собственности, что актуально и принципиально и для современного понимания гражданского общества. Важными его характеристиками, согласно Гегелю, являются принципы всеобщности и зависимости граждан друг от друга, поскольку «в гражданском обществе каждый для себя – цель... Однако без соотношения с другими он не может достигнуть своих целей... Но особенная цель посредством соотношения с другими придает себе форму всеобщего и удовлетворяет себя, удовлетворяя вместе с тем стремление других к благу... Эгоистическая цель, обусловленная таким образом в своем осуществлении всеобщностью, обосновывает систему всесторонней зависимости» [7, с. 228]. Подобные взаимозависимости, пусть и основанные на природном эгоизме, естественным образом побуждают человека к ассоциативной жизни. При этом возникает диалектическое единство между гражданским обществом и государством, которые соотносятся как рассудок и разум: гражданское общество – это «внешнее государство», «государство нужды и рассудка», а подлинное государство – «разумно», в силу чего наблюдается доминирование второго над первым.

По сравнению с Гоббсом, у которого гражданского общества полностью поглощалось государством, у Гегеля – это пересекающиеся сферы, составляющие интегративное единство. При этом в гражданском обществе (по Гегелю) усиливается внесударственное (частное) начало при сохранении лидирующей роли институтов государства, что по своему логично для эпохи становления буржуазных отношений и слабости автономных от государства структур.

В-третьих, в современной науке в наибольшей степени утвердилось понимание гражданского общества Алексиса де Токвиля, согласно которому главной его характеристикой является проявление и функционирование различных социальных инициатив и гражданских практик в рамках демократической политической системы. Опираясь на опыт США, он отмечал, что «свободные институты, имеющиеся в распоряжении жителей Соединенных Штатов и те политические права, которыми они столь часто пользуются... ежеминутно возвращают его к мысли, что быть полезным для окружающих – долг человека, вполне отвечающий его собственным интересам... Сначала он служит общим интересам по необходимости, а затем уже руководствуется сознательным выбором... и столь много работая на благо своих сограждан, он, в конце концов, обретает привычку и склонность к служению им» [8, с. 377–378]. От этой идеи, от такого мировоззрения естественным образом «на практике» рождается множество гражданских инициатив. В этом случае гражданское общество включает в себя всю гамму внесударственных автономных институтов, организаций и социальных практик, посредством которых индивиды реализуют собственные цели на принципах самоорганизации (политические партии, бизнес-структуры, волонтерские объединения, группы взаимопомощи и др.). Исходя из подобной интерпретации гражданского общества, И. Кравченко, к примеру, определяет его как «общество с развитыми экономическими, правовыми, культурными, политическими отношениями между самими индивидами, не опосредованными государством. В таком обществе свободно развиваются ассоциативная жизнь... сфера массовых движений, партий, группировок по интересам, убеждениям, любым другим признакам» [9, с. 136].

Подобная интерпретация гражданского общества является преобладающей на постсоветском пространстве. Одна из крайностей этого подхода выражалась в том, что некоторые исследователи включали в гражданское общество практически все внесударственные социальные сегменты, все, что находится за пределами государства: бизнес, церкви, культуру и др., что, безусловно, лишало этот феномен качественной опреде-

ленности. Достаточно широкое распространение получила и точка зрения, указывающая на исключительно неполитический характер гражданского общества, что представляется неверным, поскольку множество субъектов гражданского общества традиционно интегрированы в политический процесс: группы наблюдателей на избирательных участках, политические акции солидарности (протеста), правовая защита населения и др.

Кроме этого очевидно, что социальные институты и практики гражданского общества обладают определенным ценностным качеством. При использовании же чрезмерно расширенного варианта это становится неочевидным, что позволяет любые инициативы, например, деятельность мафиозных образований, отнести к гражданскому обществу, что изначально неверно.

Разумеется, независимость от государства является базовой характеристикой гражданского общества. Активное использование этого понятия отразило прежде всего процесс усиления в обществе норм индивидуальной и групповой свободы относительно государственным институтам и даже в противовес им. Российский исследователь А. Соловьев при этом указал на фундаментальные различия между государством и гражданским обществом, которые, по его мнению, «образуются в параметрах бинарных отношений принуждения-свободы, патронажа-самодеятельности, контроля-самоконтроля» [10, с. 30].

В реальности, однако, практически все социальные практики структур гражданского общества в той или иной степени опосредованы государством, даже в тех ситуациях, когда гражданская активность проявляется, что называется, «в чистом виде». Как правило, индивид либо группа людей реализуют частные или коллективные инициативы совместно с государством, зачастую с помощью его ресурсов. В качестве достаточно типичных примеров можно указать утверждение во многих странах для общественных и церковных организаций государственного социального заказа или же формирование общественных и консультативных советов при органах государственной власти.

В-четвертых, достаточно распространенным, особенно в области построения международных рейтингов, является подход, по сути дела, отождествляющий понятия гражданского общества и так называемого «третьего сектора», включающего в себя неправительственные организации (НПО) и некоммерческие организации (НКО), а также социальные инициативы, действующие вне рамок государственного контроля и стремящиеся в той или иной степени к институционализации своих социальных практик. В этом случае количественные и качественные параметры гражданского общества в силу простоты определения его субъектов и деятельности легко локализуемы и изучаемы. Социологическая эмпирия дает возможность для осуществления эффективных качественных оценок этого феномена, концентрированно выраженных в индексе развития гражданского общества, представленных, в частности, в CIVICUS (World Alliance for Citizen Participation) с помощью методики «Бриллиант» [11, с. 32–33]. Существуют также иные исследования рейтинга гражданского общества в отдельных государствах, такие как Civil Society Index (CSI), World Values Survey (WVS), Civil Liberties Index (Freedom House), Civil Society Strength Index (CSSI), Global Civil Society Index (GCSI). Во всех этих случаях само содержание гражданского общества сводилось исключительно к деятельности НПО и НКО, оставляя вне рамок широкий пласт социальных инициатив, не функционирующих в подобном формате.

В-пятых, существуют подходы, делающие акцент на формы общественной активности, побуждаемые только определенными ценностными стратегиями: социального блага, справедливости, солидарности, моральности, добровольности и т.п. Разумеется, некоторая их совокупность представлена в формате НКО, но отнюдь не обязательно. Очевидно, что всякая социальная инициатива, даже в неформальном варианте, детеминированная подобными мотивами, является проявлением гражданского общества,

что отличает ее от общества квазигражданского, которое по внешним характеристикам может совпадать с реальным, но отличается, в первую очередь, своими мотивационными стратегиями. Например, официальный профсоюз публично может декларировать автономность и ориентацию на защиту социально-экономических прав трудящихся, но в действительности в основу деятельности его администрации могут быть положены интересы карьеры, лояльности, выгоды и пр.

Методология изучения гражданского общества

Подлинное определение системы под названием гражданское общество, его структурно-функциональных характеристик возможно только на общих методологических основаниях. Думается, что эта задача наиболее эффективно решается в рамках деятельностного подхода и теории социального конструктивизма, акцентированных на изучение систем, в которые включен человек. Целесообразность использования этих методологических принципов объясняется тем, что они по своей природе ориентированы на системное изучение социального субъекта, его детерминант и процессуальных характеристик.

Попытки осуществить анализ социальной организации общества как совместно мотивированной деятельности людей были предприняты в свое время М. Вебером и Т. Парсонсом. Если суммировать разработанную ими концепцию «социального действия», то ее можно свести к следующим пунктам: а) познание общества возможно только через анализ действий индивидов; б) социальное действие имеет определенную структуру: действующее лицо, цель, ситуацию (условия), нормативную ориентацию, реакцию объекта действия; в) несмотря на то, что социальное действие испытывает на себе сильное воздействие социальной организации общества и заданных ею образцов поведения, в своей основе оно является внутренне мотивированным, носит целенаправленный (рациональный) характер, обладает по отношению к внешнему миру активностью и творчеством; г) всякое социальное действие имеет свой «субъективный смысл», включающий как субъективную мотивацию индивида или группы, так и социальные ожидания – ориентацию на другого; д) основу детерминации социального действия составляет социокультурный фактор, формирующий соответствующую «картину мира»; е) в различных обществах исторически господствуют различные типы социального действия; ж) социальное действие как предмет научного анализа может выступать в предельно абстрагированной форме – как «идеальный тип».

Обычно деятельность рассматривается как то, что делает субъект. В трудах исследователей, разработавших методологию деятельностного подхода (С. Рубинштейн, А. Леонтьев, М. Каган, М. Демин, Г. Щедровицкий), деятельность рассматривается как объективно существующая универсальная целостность. Не отдельные люди, отмечает Г. Щедровицкий, создают и производят деятельность, а, наоборот, сама она «захватывает» их и заставляет вести себя определенным образом. «То, что мы называем «деятельностью», выступает, с одной стороны, как предельно широкая, по сути дела универсальная, конструктивная или оперативная система, из единиц которой можно строить модели любых социальных явлений и процессов, а с другой стороны (при соответствующей интерпретации) – как «субстанция» особого типа, подчиняющаяся специфическим естественным законам функционирования и развития» [12, с. 244].

Деятельность, рассматриваемая таким образом, приобретает очертания системы с имманентно присущими ей структурно-функциональными характеристиками. Каждый элемент системы относительно самостоятелен, имеет свою логику развития, но внутренне связан с другими структурными компонентами того же типа. «Система человеческой социальной деятельности оказывается полиструктурой, т.е. состоит из многих как бы наложенных друг на друга структур, а каждая из них в свою очередь состоит из многих частных структур, находящихся в иерархических отношениях друг с другом... Поэтому

можно сказать, что деятельность есть неоднородная полиструктура, объединяющая много разных и разнонаправленных процессов, протекающих с разным темпом и, по сути дела, в разное время» [12, с. 242].

В самом общем виде элементы структуры человеческой деятельности можно представить следующим образом: 1) люди, социальные группы и институты как субъекты деятельности; 2) их цели, потребности, интересы и ценностные ориентации, определяющие содержание мотивов деятельности; 3) средства и ресурсы деятельности; 4) совокупность действий и операций, посредством которых реализуется деятельность; 5) объект деятельности как сфера приложения материальных и духовных сил человека; 6) определенные рамочные условия их функционирования. Люди, таким образом, оказываются сами принадлежащими к деятельности, включенными в нее либо в качестве материала, либо в качестве элементов наряду с вещами, знаками, организациями и т.п.

Деятельностный подход при анализе гражданского общества позволяет достаточно четко определить структурно-функциональные характеристики изучаемого феномена. Однако открытым остается вопрос: каким же по содержанию является процесс детерминации социальных субъектов?

Для того чтобы найти ответ на этот вопрос, необходимо деятельностный подход дополнить новыми методологическими принципами анализа социополитических явлений и процессов. В этом отношении существенным эвристическим потенциалом обладает доминирующий в современной науке конструктивистский подход, ориентированный не только на то, чтобы выработать синтетическую основу для взаимообогащения и взаимопроникновения различных научных подходов, но, главное – на «рассмотрение идей в качестве значимых объяснительных причин политических процессов и событий... и их значимого внедрения в процесс конструирования интересов, функций, структур, институтов, миров, режимов» [13, с. 120].

Социальный конструктивизм, в первую очередь, противопоставляет себя экономическому детерминизму, минимизирующему роль идеологических факторов, а также теории рационального выбора, делающей акцент на меркантильности и утилитарности индивида, который, по мнению ее адептов, побуждается в социальной практике главным образом рациональными подсчетами возможных выгод и потерь. Со своей стороны социальные конструктивисты, признавая значимость рационального начала в социальной деятельности, главной задачей исследования видят поиск смысла тех идей и верований, которыми руководствуются социальные факторы.

В рамках теории социального конструктивизма социальное действие мыслится не как индивидуальный акт, а как система взаимодействий между людьми, которые в ней выступают как социальные субъекты, побуждаемые определенной совокупностью ценностных ориентаций, благодаря которым между ними достигается ценностное согласие, и идея (идеологии, идеологемы) превращаются в важный (и конструктивный) мотив социальной деятельности.

С особой силой социальный конструктивизм проявляет себя в формировании сетевого взаимодействия различных социальных субъектов: государственных институтов, бизнеса, ассоциаций гражданского общества. В рамках последних принципиальное значение имеют отношения доверия, ответственности, эмоционального комфорта, а также такие, обладающие мобилизационной способностью идеологические элементы, как символы, мифы, верования.

Структурные элементы гражданского общества

Исходя из выше обозначенных методологических принципов, сделаем попытку определить, что же из себя представляет гражданское общество и из каких структурных компонентов оно состоит. Сразу отметим, что гражданское общество выступает как

особая область человеческой активности, деятельности (практики), обладающая своей качественной определенностью, имеющая свои институционализированные формы, определенные правила игры, образцы поведения и мотивационные стратегии.

Начнем, разумеется, с его первоэлементов, «первокирпичиков», структурных компонентов, т.е. с субъектов различных форм социальной активности и самоорганизации населения страны, не опосредованных государством. Прием р ень будет идти не только о деятельности определенных общественных организаций и социальных институтов, а социальных инициатив в широком смысле этого слова, так как мы в нашем анализе опираемся прежде всего на позицию американских исследователей Г. Алмонда и С. Вербы, утверждавших, что «гражданское общество – это не организация людей, реализующих теоретический или политический план, а общество обычных людей, которым удастся реализовать свои нужды и быть услышанными» [14, с. 133]. Следовательно, оно включает в себя все социальные практики людей, функционирующие в формате самоорганизации, независимо от степени их институционализации.

Исходя из этого подхода, к числу субъектов гражданского общества могут быть отнесены (и с этим солидарны большинство исследователей) следующие социальные структуры: 1) неправительственные и некоммерческие общественные организации, имеющие свое юридическое лицо; 2) политические партии и альянсы, не интегрированные в систему государственной власти; 3) профсоюзные организации; 4) социальные инициативы, не обладающие формальным правовым статусом, т.е. неоформленные группы интересов (например, группы жителей, протестующих против вырубки деревьев во дворе, или люди, организовавшие акцию по сбору денег на лечение ребенка); 5) жилищно-строительные кооперативы или товарищества собственников жилья; 6) благотворительные фонды и фонды местного развития; 7) система неформального образования, организованная за пределами государственных институтов; 8) инициативные группы по реализации Местных повесток – 21; 9) общественные и консультативные советы при определенных (не)государственных либо экономических институтах; 10) организованные акции (действия), выражающие позицию определенных социальных групп по отношению к конкретной проблеме (протест либо поддержка); 11) тематические клубы и клубы по интересам, например, клубы пожилых людей, сообщества садоводов; 12) независимые СМИ; 13) волонтерские отряды и группы; 14) негосударственные аналитические центры («фабрики мысли»); 15) «сетевые инициативы», связанные с новыми формами социальной коммуникации (интернет-сообщества), в особенности, форумы по интересам и др.

Разумеется, в различных странах выстраивается своя специфическая совокупность и иерархия основных игроков гражданского общества. Если, к примеру, в посткоммунистических государствах основными субъектами гражданского общества считаются профсоюзы или ветеранские организации, то в западных государствах таковыми выступают неправительственные организации. Возникает закономерный вопрос, являющийся до сих пор дискуссионным в исследовательской среде: будут ли семья, бизнес и церковь, органы местного самоуправления структурами гражданского общества (поскольку в них, безусловно, реализуются частные интересы индивидов)?

Думается, что в целом – нет. Хотя бы по той причине, что за гражданским обществом (и с этим солидарны большинство ученых) изначально закреплены определенные ценностные (однозначно позитивные) характеристики, а очевидно, что семьи бывают проблемными, бизнес – криминальным, церковь – закрытой от общества, органы местного самоуправления – узкокорпоративно направленными, не говоря уже об их однозначно политической природе.

Но безусловное «да» в тех случаях, когда эти социальные институты по своей воле в режиме самоорганизации выполняют определенную социальную миссию. На-

пример, в той ситуации, когда церковь, помимо своей базисной задачи по спасению душ человеческих, оказывает социальную поддержку «вдовам и сиротам» или же организует акции по «Сохранению Творения», т.е. окружающей человека природной среды, действуя уже как субъект гражданского общества, поскольку в режиме свободного выбора выполняет важную социальную миссию. Или же, например, когда молодые мамы, самоорганизовавшись, обеспечивают уход и воспитание детей-дошколят «на дому» и решают тем самым не только личные, но и общественные проблемы, выходя при этом за пределы чисто семейной жизни.

Отчетливая гражданская составляющая выступает и в рамках социальной ответственности бизнеса, когда он, выйдя за пределы своей основополагающей цели – получение прибыли, – организует действия по решению некоторых социальных проблем, например, возвращение полотен Шагала в Беларусь, или же участвует в благотворительных акциях, превращаясь тем самым в субъект гражданского общества. Органы же местного самоуправления, тотально интегрированные в систему государственной власти, не могут по этой причине выступать в роли субъектов гражданского общества.

Представляется целесообразным одновременно отказаться от достаточно популярного в настоящее время подхода, отождествляющего гражданское общество с «третьим сектором», т.е. сферой некоммерческих и неправительственных общественных организаций (объединений). По двум принципиальным причинам. С одной стороны, подобный подход оставляет вне контекста широкий круг социальных инициатив, не формализованных в НКО. С другой – эти социальные институты и институции должны соответствовать и другим (ценностным) критериям гражданского общества, поскольку, не соответствуя им, они превращаются в структуры квазигражданского общества, например, «огосударствленные» профсоюзные либо молодежные организации.

Выводы

Очевидно, таким образом, что сохраняющаяся терминологическая разногласия относительно структурно-функциональных характеристик гражданского общества требует, с одной стороны, освобождения его от политических идеологем, а с другой – поиска и обретения общих методологических оснований. В этой ситуации наиболее адекватными для его анализа являются методологические принципы деятельностного подхода и социального конструктивизма, основанные на теории социального действия М. Вебера, позволяющие не только вычленив основные компоненты гражданского общества и его функции, но, что особенно важно, определить аксиологическое содержание этого феномена, без которого он начинает функционировать в режиме «квази», «псевдо» или же «паллиатив». Кроме того, использование этой методологии позволяет четко вычленив основные элементы гражданского общества, пригодные для последующих операционализаций и сравнительного анализа. Все это позволяет избежать политических спекуляций на тему гражданского общества и нарисовать подлинную его картину во всем многообразии и одновременно противоречивости его элементов, что делает возможным выработку предложений по некоторой коррекции международных рейтингов развития гражданского общества в различных государствах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лэйн, Д. Гражданское общество в странах ЕС: идеология, институты и продвижение демократии / Д. Лэйн // Полис. – 2012. – № 2. – С. 98–116.
2. Басов, В.В. Гражданское общество и гражданские отношения: поиск смысла / В.В. Басов // Социс. – 2012. – № 2. – С. 74–81.

3. Кирдина, С.Г. Гражданское общество: уход от идеологемы / С.Г. Кирдина // Социс. – 2012. – № 2. – С. 63–73.
4. Красин, Ю.А. Становление гражданского общества. Российская головоломка / Ю.А. Красин // Полис. – 2012. – № 2. – С. 120–123.
5. Подъячев, К.В. Государство и гражданское общество в России: враги или партнеры? / К.В. Подъячев // Полис. – 2012. – № 3. – С. 104–106.
6. Гоббс, Т. Сочинения : в 2 т. / Т. Гоббс. – М. : Мысль, 1989. – Т. 1 – 622 с.
7. Гегель, Г.В.Ф. Философия права / Г.В.Ф. Гегель. – М. : Мысль, 1990. – 524 с.
8. Токвиль, А. де Демократия в Америке / А. де Токвиль. – М. : Прогресс, 1992. – 554 с.
9. Кравченко, И.И. Концепция гражданского общества в философском развитии / И.И. Кравченко // Полис. – 1991. – № 5. – С. 128–138.
10. Соловьев, А.И. Три облика государства – три стратегии гражданского общества / А.И. Соловьев // Полис. – 1996. – № 6. – С. 29–38.
11. Загумённов, Ю. Индекс развития гражданского общества в Республике Беларусь / Ю. Загумённов // Аналитический бюллетень белорусских фабрик мысли. – 2001 – № 2. – С. 32–39.
12. Щедровицкий, Г.П. Избранные труды / Г.П. Щедровицкий. – М. : Школа культурной политики, 1995. – 800 с.
13. Сморгун, Л.В. Сравнительная политология в поисках новых методологических ориентаций: значат ли что-либо идеи для объяснения политики? / Л.В. Сморгун // Полис. – 2009. – № 1. – С. 118–129.
14. Федотова, В.Г. Непостроенная демократия: поучительные уроки / В.Г. Федотова // Полис. – 2012. – № 2. – С. 132–135.

Lysiuk A.I., Sokolovskaja M.G. Civil Society: Structural-Functional Characteristics (Part 1)

The purpose of a given article is expressed in the definition of structural-functional characteristics of civil society. First of all, studied are the main reasons of significant differences in the scientific interpretation of this phenomenon. Given is a critical analysis of main approaches to its definition. As methodological foundation for its study proposed are the principles of action approach and social constructivism. Based on these principles, in the first part of the article singled out are the main subjects of civil society, which receive brief characteristics. Compared are also civil and quasi-civil societies.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 26.12.2012

УДК 327:341.241.(091) «19/20»

О.А. Авраменко

ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРИНЯТИЯ И РЕАЛИЗАЦИИ НОРМ И ПРИНЦИПОВ КИОТСКОГО ПРОТОКОЛА

Статья посвящена изучению истории принятия и реализации Киотского протокола, ставшего отправным пунктом в создании системы эколого-политических отношений. В работе обосновывается идея о том, что экологическая политика многих государств мира нуждается в преобразованиях. Внимание автора заостряется на проблеме ратификации Киотского протокола. В статье рассматриваются позиции определенных государств по отношению к данному документу, проводится анализ Протокола с точки зрения его масштабности и долгосрочности, дальнейших его перспектив, раскрываются проблемы принятия поправок к нему. Значительное внимание уделяется реализации второго периода действия Киотского протокола, прослеживается результативность его применения, отмечаются сильные и слабые стороны документа. Раскрывается дискуссионный характер выполнения государствами обязательств в соответствии с Киотским протоколом.

К середине 90-х годов XX ст. стало очевидно, что экологическая политика многих государств мира требует преобразований. Результаты наблюдений ученых за климатическими изменениями, вызванными промышленными выбросами парниковых газов, давали основание говорить о том, что эти выбросы в наступающем столетии приведут к еще большим климатическим изменениям, а с задачей сокращения промышленных эмиссий парниковых газов могут не справиться даже некоторые развитые государства. Весной 1995 г. в Германии состоялась первая конференция сторон Рамочной Конвенции ООН об изменении климата (РКИК), целью которой была разработка стратегии сохранения климатической системы и достижения стабилизации концентрации парниковых газов в атмосфере «на таком уровне, который бы не допускал опасного антропогенного воздействия на климатическую систему. Такой уровень должен был быть достигнут в сроки, достаточные для естественной адаптации экосистем к изменению климата» [5, с. 29].

В ходе работы конференции было принято решение о начале поэтапных действий по ограничению поступлений парниковых газов в атмосферу и созданию соответствующей системы эколого-политических отношений. С учетом этого был принят Берлинский мандат – решение сторон о начале переговоров по вопросу количественного снижения выбросов за четко установленный период. В декабре 1995 г. был опубликован второй оценочный доклад, основной вывод которого еще раз подтвердил необходимость действий по снижению выбросов парниковых газов. Через год в Женеве была проведена вторая конференция сторон, на которой все переговоры были направлены на выработку нового соглашения, согласно которому развитые страны принимали бы на себя юридически закрепленные обязательства по сокращению выбросов парниковых газов после 2000 г. Таким образом, проводимая деятельность оказалась достаточно плодотворной, и в декабре 1997 г. в Киото (Япония) прошла третья конференция сторон РКИК, на которой был принят протокол к данной Конвенции – Киотский протокол. В отличие от Рамочной Конвенции ООН об изменении климата, в которой определены общие принципы действий государств по проблеме изменения климата, но не содержится кон-кретных, выраженных в цифрах обязательств по ограничению и сокращению выбросов, Киотский протокол закрепляет количественные обязательства стран-участниц по ограничению и снижению выбросов парниковых газов на период 2008–2012 гг. и определяет обязательства на последующие годы. В рамках Протокола пред-

---

Научный руководитель – Г.А. Круглова, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры политологии Белорусского государственного университета

ложено три механизма, позволяющие достигнуть сокращения выбросов CO₂ при меньших финансовых затратах: совместное осуществление, «чистое» развитие, торговля выбросами [3, с. 6].

Киотский протокол стал одним из глобальных международных соглашений в области экологии. Согласно Протоколу, развитые государства и страны с переходной экономикой обязуются осуществлять экологическую политику, направленную на снижение антропогенных выбросов парниковых газов. Протокол был открыт для подписания и ратификации 16 марта 1998 г., но вступил в силу спустя более чем семь лет с момента его подписания. Связано это было в первую очередь с тем, что, согласно тексту документа, «настоящий Протокол вступает в силу на девяностый день после того, как не менее 55 Сторон Конвенции, в том числе Стороны, включенные в приложение I, на долю которых приходится в совокупности как минимум 55% общих выбросов диоксида углерода, Сторон, включенных в приложение I, за 1990 г., сдадут на хранение свои документы о ратификации, принятии, одобрении или присоединении» (ст. 25, п. 1) [6].

Указанный в Протоколе порог был преодолен весной 2002 г., когда этот документ был ратифицирован парламентом Исландии. Соглашение ратифицировали 124 государства, но их суммарный объем эмиссий углекислого газа не превышал 44%. Поэтому дальнейшая судьба Киотского протокола в значительной степени начала зависеть от России, занимающей третье место в мире после США и Китая по объему выбросов парниковых газов. Необходимый уровень объема выбросов в 17%, который был у России, мог привести в действие механизмы Протокола. В ноябре 2004 г. Россия приняла решение о ратификации Киотского протокола. 16 февраля 2005 г. Протокол вступил в силу. Длительный процесс вступления Протокола в силу был обусловлен, с одной стороны, спорностью многих его положений, которые были следствием масштабов изменения климата, а с другой – имела место ограниченность возможностей международного регулирования. Кроме того, очень спорным положением Протокола стало распределение между государствами-участниками обязательств по сокращению выбросов. Снижение суммарных выбросов CO₂ устанавливалось для каждого государства. После принятия соглашения в Киото было установлено, что Австрия, Германия, Великобритания, Дания, Люксембург снизят свои выбросы в пределах 15–20%, Греции, Португалии, Испании, Ирландии разрешено было увеличить выбросы [5, с. 34].

Для развивающихся же стран, участвовавших в Протоколе, ограничений на выбросы парниковых газов установлено не было. Причем этот аспект Протокола был заложен еще Берлинским мандатом, который предусматривал, что первый период обязательного сокращения выбросов парниковых газов будет относиться только к одной группе стран, включенных в Приложение I Протокола [6]. В настоящее время очевиден тот факт, что развивающиеся государства, в первую очередь страны с быстрорастущей промышленностью и увеличивающимися вследствие этого темпами выбросов парниковых газов, должны участвовать в следующих периодах ограничения выбросов. Ведь, по мнению экспертов, приблизительно к 2030 г. выбросы развивающихся стран суммарно могут превысить выбросы развитых стран [5, с. 35–36].

Следует отметить, что Киотский протокол представляет собой долгосрочный процесс и затрагивает широкий круг проблем. Это вопросы, связанные не только с климатом и экологией, но и с политическими интересами, преобладающими при принятии решений. По мнению директора Института проблем глобализации М.Г. Делягина, Киотский протокол представляет собой не «инструмент сдерживания глобального потепления», а «инструмент создания нового глобального рынка», рынка квот на выбросы парниковых газов и использования этого рынка в политических целях» [5, с. 32].

Необходимо понимать, что противодействие глобальным изменениям климата – задача не только экологическая, но и политическая. Ведь все принимаемые меры, ограни-

чивающие выбросы парниковых газов и способствующие увеличению их поглощения, оказывают прямое воздействие на развитие экономики и влияют на международную торговлю энергоресурсами и технологиями. Поэтому решение этой проблемы напрямую затрагивает политические интересы всех государств. В 2009 г. в Копенгагене, а в 2010 г. в Канкуне (Мексика) накануне окончания срока действия Киотского протокола ведущими странами мира были начаты переговоры о т.н. посткиотских принципах, т.е. о новом международном «климатическом соглашении». В ходе этого обсуждения разгорелся большой спор, так как и для развитых государств, и для развивающихся стран характерно стремление покупать квоты у других стран, тем самым государства легализуют выбросы и не стараются их сокращать. Это обстоятельство объясняется отсутствием стремления многих стран снижать свою производственную активность, и некоторыми правительствами было решено отказаться от участия в Протоколе. США, например, являясь крупнейшим «загрязнителем» атмосферы, отказались присоединиться к Киотскому протоколу. Обусловлено это было прежде всего политическими и экономическими факторами. С конца 1999 г. наметились серьезные разногласия между США и ЕС. Поиски общей позиции на переговорах продолжались до конца 2000 г. и были прекращены новой администрацией США, заявившей, что отказ от Киотского протокола обусловлен высокими финансовыми затратами для США. По мнению экспертов, это действительно так: уже к 2000 г. выбросы углекислого газа в США превышали уровень 1990 г. более чем на 12%, так что относительно 2000 г. к учетному периоду следовало снизить их на 19%. Эта задача для экономики США вполне разрешима даже без таких возможностей, как покупка квот на выбросы CO₂. Однако ЕС лучше подготовлен к реализации предусмотренных Протоколом мер, осуществление которых обходилось европейцам дешевле, чем американцам. Тем самым главный конкурент США получал экономическое преимущество, с чем американскому бизнесу было трудно смириться [1, с. 39].

При определении факторов, мотивирующих ЕС на проведение активной политики в сфере экологии, было выявлено, что Киотский протокол рассматривается ЕС как один из инструментов достижения долгосрочного лидерства в этой сфере [4, с. 5]. В 2011 г. министр экологии Канады П. Кент в официальном заявлении объявил о выходе Канады из Киотского протокола, охарактеризовав глобальное климатическое соглашение как «неработающее». «Киотский протокол не дает пути к дальнейшему развитию ни для Канады, ни для всего мира», – заявил он. По словам министра, Киотское соглашение не охватывает двух крупнейших эмитентов парниковых газов в мире – США и Китай, в то время как Канада «ответственна» только за 2% глобальных выбросов [10]. А у таких новых промышленных держав, как Китай и Индия, нет обязательств по сокращению эмиссии, поскольку, по Киотскому протоколу, они относятся к развивающимся государствам. Это является одной из важнейших проблем в дальнейшей реализации этих соглашений.

Срок окончания действия первого периода Киотского протокола был определен 31 декабря 2012 г. А с 1 января 2013 г., как было решено на переговорах 2011 г. в ЮАР, начался второй период его действия. Официальные переговоры по будущему климатическому режиму на период после 2012 г. состоялись 7–8 декабря 2012 г. в столице Катара Дохе. В результате переговоров, продолжавшихся более 24 часов, была принята поправка к Киотскому протоколу. Участниками 18-й рамочной конференции ООН по изменению климата был принят пакет решений по всем переговорным вопросам – «Дохийский климатический портал» (Doha Climate Gateway). Страны-участницы большинством голосов приняли поправку к соглашению по второму периоду работы Протокола, который начинается с 2013 г., и проголосовали за его пролонгацию до 2020 г. По сообщениям ИТАР-ТАСС, около 200 стран выступило за продление Киотского протокола [7].

«Я выражаю глубокую признательность всем участникам встречи за проявление доброй воли и трудную миссию по продвижению этого процесса в заданном направле-

нии», – сказал президент форума Абдалла бен Хамад Аль Атыйя по завершении переговорного марафона [7]. «Пакет решений, принятых в Дохе, – это скромный, но важный шаг вперед. Это был непростой путь, не очень красивый и уж точно не очень быстрый путь, но мы добрались до другой стороны «моста» из старого в новый режим климатической политики», – объявил журналистам еврокомиссар по климату Конни Хедegaард [9].

Согласно тексту принятой поправки, каждая страна-участница Протокола, взявшая обязательства во втором периоде, не позднее 2014 г. должна оценить установленный ею уровень обязательств и до 30 апреля того же года представить в секретариат соглашения информацию о возможности его повышения. Кроме того, поправка предполагает полный перенос во второй период обязательств по Протоколу так называемого «горячего воздуха» – квот на выбросы углекислого газа, накопленных в 2008–2012 гг. за счет резкого снижения выбросов парниковых газов в 1990-х гг. На полном переносе настаивали в первую очередь Россия, Украина и Польша, обладающие наибольшими запасами таких квот, а против него выступали развивающиеся страны и экологические организации. При этом на операции с квотами накладывается ограничение в 2% от их общего объема. Государства ЕС, Австралия и ряд других стран-участниц второго периода обязательств представили политические декларации об отказе покупать «горячий воздух». И вопрос о дальнейшей судьбе квот после 2020 г. пока остается открытым. Проект документа также содержит условие, призванное ограничить дальнейшее накопление «горячего воздуха» путем сопоставления обязательств во втором периоде и реальных уровней выбросов в 2008–2010 гг.

В редакциях решений, подготовленных к 8 декабря 2012 г., указано, что развитые страны на период 2013–2015 гг. будут обеспечивать объемы «климатического» финансирования средств, выделяемых развитыми странами развивающимся государствам для борьбы с изменением климата и адаптации к его последствиям. Более того, было принято решение создать на следующей переговорной сессии в Варшаве, которая должна состояться в 2013 г., международный институт компенсации ущерба и потерь, вызванных опасными последствиями изменения климата в развивающихся странах. Участниками переговоров были также подведены итоги первого года работы новой группы, которая к 2015 г. должна подготовить новое глобальное соглашение на смену Киотскому протоколу после 2020 г.

Важно отметить, что не все государства, несшие обязательства первого периода действия Киотского протокола, дали свое согласие на их продление. От участия в Протоколе отказались Россия, Япония и Новая Зеландия. В частности, российская делегация выразила свое несогласие с изменением правил переноса квот на эмиссию, накопленных в период действия Протокола с 2005 г., и высказала мнение о том, что положения документа направлены против государств, выбросы парниковых газов которых до 2020 г. будут расти.

По оценкам многих политологов, позиция российской стороны была предсказуема. Вопрос о целесообразности участия в Киотском протоколе обсуждался достаточно давно. Еще в октябре этот вопрос был озвучен на уровне главы правительства. Д. Медведев указал, что Россия не смогла получить существенных коммерческих выгод от участия в Протоколе [8]. Киотский протокол – компромиссное соглашение. По мнению многих политиков, его следует рассматривать как первый, так называемый пилотный проект, представляющий собой совокупность предлагаемых государствами подходов к решению климатической проблемы. Путем разработки Киотского протокола была предпринята попытка перенести имеющийся опыт с национального уровня на уровень международный. Однако назвать в полной мере эту попытку успешной нельзя. Результаты анализа реализации Киотского протокола очень неоднозначны. Существуют различные точки зрения в отношении этого вопроса.

Некоторые специалисты довольно скептически относятся к продлению действия Киотского протокола и не прогнозируют значительного сдвига в сторону уменьшения выбросов газов, отмечая при этом, что на долю государств, подписавших Протокол, приходится только 15% от общего объема выбросов парниковых газов. Следовательно, Киотский протокол является неэффективным, и все предусмотренные в нем механизмы предотвращения угрозы изменения климата не смогут решить эту проблему [5, с. 3].

Сторонники этой точки зрения утверждают, что даже если согласиться с тем, что антропогенные выбросы парниковых газов вредят экологической обстановке в мире, то в Киотском протоколе нет реальных механизмов для регулирования выбросов. Более того, получение многими развивающимися странами средств в результате продажи углеродных квот вызывает ряд сомнений. Во-первых, для ратификации поправки к Протоколу, согласно которой государство берет на себя обязательство не превышать 92% уровня выброса парниковых газов относительно выбросов 1990 г., понадобится несколько лет, поскольку она должна быть ратифицирована более чем 100 государствами. Во-вторых, покупка углеродных квот осуществляется в первую очередь у стран ЕС, у которых есть излишек углеродных единиц. В-третьих, подготовка многих государств к продаже квот остается недостаточной.

С другой стороны, считают ученые, несмотря на то что Киотский протокол не является идеальным примером международного сотрудничества в области экологии, он может выступать в качестве наилучшего компромисса, которого смогло достигнуть мировое сообщество в сфере экологии. Киотский протокол и конвенция, на которой он основывается, – это фундамент для объединения усилий для успешной реализации эффективной экологической политики и решения проблемы климатических изменений [2, с. 209].

Киотский протокол создал систему международных экономических, экологических, политических и других механизмов, которая превосходит все, что можно было спрогнозировать. Многие элементы Протокола (процедуры передачи технологий, финансирования, глобальные обязательства по статьям 4.1 и 10, стратегия и тактика компенсации неблагоприятных последствий, механизмы сотрудничества) образуют сложную структуру, которая рассчитана на сотрудничество всего международного сообщества. Несмотря на все свои недостатки, Киотский протокол – это выдающееся международное соглашение, и история оценит его как одно из главных достижений международной дипломатии в сфере экологии конца XX столетия [2, с. 209]. Неоспоримый плюс этого документа: это первый опыт международного сотрудничества в области экологической политики и в защите климата в результате снижения одного из множества факторов климатических изменений – антропогенного.

Подводя итог, необходимо отметить наличие противоречия между политикой наименьших затрат в первый период выполнения обязательств Протокола и необходимостью осуществления политического давления, целью которого является стремление к долгосрочной стабилизации. Таким образом, вопросы, связанные с совместным поиском путей для решения экологических проблем, переплелись с политической дискуссией о степени гибкости, допустимой при реализации Киотского протокола. В ходе этих споров некоторыми участниками были высказаны мнения о том, что чрезмерная гибкость может привести к тому, что богатые государства не станут проводить тех изменений и новаций, которые должны демонстрировать лидеры движения за стратегическое разрешение проблем экологии. Вследствие этого Киотский протокол создал политическую арену, на которой может развернуться борьба по вопросам выбора форм и содержания совместно проводимой государствами экологической политики.

Несмотря на то что для решения вопросов, влияющих на изменение климата, очень сложно действовать сообща, ибо они затрагивают и политические, и экономические интересы государств, тем не менее для проведения эффективной экологической

политики нужны совместные усилия. Учитывая дискуссионный характер и некоторые недостатки Киотского протокола, необходимо отметить, что достигнутый компромисс представляет собой одно из доказательств глобализирующегося мира и еще раз указывает на уязвимость всех государств перед экологическими проблемами. И это можно считать главным достижением Киотского протокола. Но насколько успешным будет выполнение государствами обязательств второго периода действия Протокола, вступившего в силу с января 2013 г., будут ли увеличены масштабы его применения, подвергнутся ли изменениям отдельные его положения или, наоборот, нужно будет заняться поиском радикально иных подходов, однозначно ответить очень трудно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Возможности предотвращения изменения климата и его негативных последствий: проблема Киотского протокола : материалы Совета-семинара при Президенте РАН / РАН ; отв. ред. Ю.А. Израэль. – М. : Наука, 2006. – 408 с.
2. Грабб, М. Киотский протокол: анализ и интерпретация / М. Грабб, К. Вролик, Д. Брэк. – М. : Харвест-Принт, 2002. – 303 с.
3. Логинов, В.Ф. Выбросы парниковых газов в Республике Беларусь и Киотский протокол / В.Ф. Логинов, А.С. Сенько, Н.А. Лысухо // Экологический вестн. – 2011. – № 1. – С. 5–13.
4. Сухоносенко, Н.А. Киотский протокол как форма международного регулирования в сфере экологии : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.14 / Н.А. Сухоносенко. – М., 2005. – 26 с.
5. Тулохонов, А.К. Киотский протокол: проблемы и решения : аналит. обзор / А.К. Тулохонов, С.Д. Пунцукова, Э.М. Зомонова. – 2-е изд. – Новосибирск : ГПНТБ СО РАН, 2009. – 116 с.
6. Киотский протокол (текст документа) [Электронный ресурс] // Энциклопедия «Кругосвет». – Режим доступа: http://www.krugosvet.ru/enc/istoriya/KIOTSKI_PROTOCOL.html?page=0,11#part-25. – Дата доступа: 23.01.2013.
7. Информационное телеграфное агентство России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.itar-tass.com/c1/594533.html>. – Дата доступа: 23.01.2013.
8. Российская газета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2012/12/09/kiotskiy-site.html>. – Дата доступа: 23.01.2013.
9. РИА НОВОСТИ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ria.ru/science/20121208/913966216.html#13552279538922&message=resize&relto=register&action=addClass&value=registration>. – Дата доступа: 23.01.2013.
10. Коммерсант-Online [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kommersant.ru/doc/1837481>. – Дата доступа: 23.01.2013.

Avramenko O.A. The Political Aspects of Making and Implementing Rules and Principles of the Kyoto Protocol

This article is devoted to the study of history of the adoption and implementation of the Kyoto Protocol, which has become starting point in the creation of system of the ecology and political relations. The idea locates in work that the ecological policy of many states of the world needs transformations. The attention of the author is focused one a problem of ratification of the Kyoto Protocol. The article deals with the position of certain states about their attitude toward this document, the Protocol in terms of its scale and long-term future of its prospects is analyzed, and challenges of the adoption and amendments are revealed. Significant attention is paid to the implementation of the second period of the Kyoto Protocol, the effectiveness of its usage is traced, the strengths and weaknesses of the document are marked. In conclusion, the controversial nature of States' implementation of commitments according to the Kyoto Protocol is revealed.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 04.02.2013

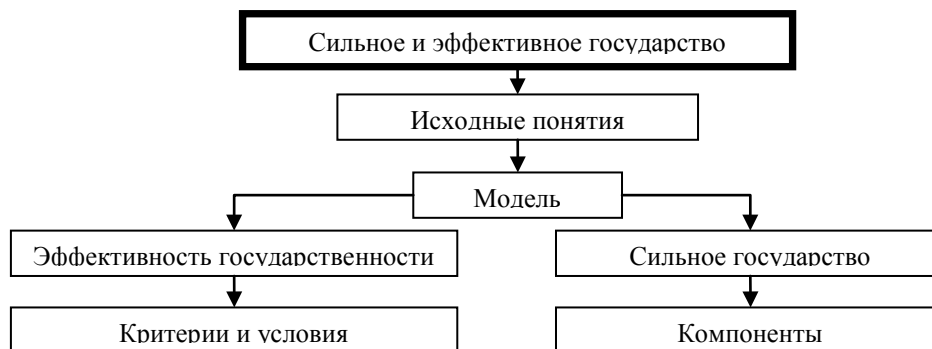
УДК 321.01

*Н.В. Ватыль***МОДЕЛЬ СИЛЬНОГО И ЭФФЕКТИВНОГО ГОСУДАРСТВА
В ПОЛИТИЧЕСКОМ УЧЕНИИ И.А. ИЛЬИНА**

В статье на основании структурно-функционального анализа и сравнительно-исторического подхода рассмотрена модель сильного и эффективного государства И.А. Ильина. В данной объяснительной модели категория «эффективность» выступала приоритетной и представляла собой особую качественную характеристику процесса политико-правового опосредования социальных отношений, которая включала в себя три основных компонента: 1) результативность (степень достижения политических целей, отражающих нормативные представления о государственном идеале как должном); 2) степень социальной ценности полученных результатов; 3) степень духовно-нравственного совершенства применяемых в процессе функционирования государственности средств. Понятие «сила», в представлении Ильина, означало потенциальную возможность воздействия государства на общественные процессы. Его качественные характеристики определяли механизмы реализации, степень интенсивности, вектор позитивно направленной напряжённости государственной энергии.

Проблематика конструирования теоретической модели сильного и эффективного государства в различных своих формах проходила «красной нитью» в работах большинства ученых-государствоведов начиная с Античности и до наших дней [1–5]. Актуальность поисков новых, наиболее функциональных и совершенных форм государственного устройства особенно возрастала и возрастает в периоды социальных и политических трансформаций. Моделирование сильного и эффективного государства в сложные, переходные периоды достаточно подробно рассмотрена в трудах русского политического мыслителя и правоведа И.А. Ильина (1883–1954 гг.).

Силу властного авторитета как одну из основ сильного и эффективного государства у Ильина исследовали Е.А. Бороздина [6], М.Б. Золина [7]. Монархические основы сильного государства представлены в работах А.Н. Вараксы [8], И.Н. Зернова [9], А.В. Мальцевой [10]. Значение демократических стандартов в конструировании эффективного государства описано Н.И. Изергиной [11]. Религиозные и этические составляющие сильного государства рассматривает А.Н. Целиков [12]. Отметим, что в большинстве своем исследователи уделяют внимание отдельным тематическим аспектам ильинской модели сильного и эффективного государства, не выявляя общих принципов его устройства. Восполнению указанных «пробелов» в какой-то мере будет посвящена данная статья. Для наглядности модель сильного и эффективного государства первоначально будет представлена нами в виде графической схемы (рисунок).

Рисунок – модель сильного и эффективного государства

Научный руководитель – С.В. Решетников, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии Белорусского государственного университета

В содержании концепта «сильное и эффективное государство» для Ильина определяющей характеристикой была «эффективность». Заметим, эффективность государственности. В своем анализе он разграничивал понятия «эффективность государственности» и «сильное государство». Государственность означала для него конкретно-историческое явление, отражающее качественное состояние государственно организованного общества, обладающее национально-духовной природой и спецификой, национально-культурной ориентированностью, демонстрирующее накопленные данным народом духовные и иные социальные ценности, способность к успешной трансформации и изменениям [13, с. 238].

Государственность как социальная реалья и категория представляла собой системное явление, где государству принадлежало центральное место, ибо оно выступало единственной суверенной организацией политической власти определенных социальных сил, правящая обществом при помощи аппарата управления и принуждения, посредством правовых актов, а также прямого администрирования, обеспечивающая условия для граждан участвовать в формировании и осуществлении властных велений, направленных на преимущественное осуществление как общесоциальных, так и конкретных классовых, групповых, национальных, религиозных и других интересов в пределах определенной территории [14, с. 276].

В то же время Ильин указывал и на взаимосвязь эффективности государственности и сильного государства, ибо достижение желаемого качества государственно организованного общества связывал прежде всего с функциональной ролью государства в обществе, с тем, насколько эффективно оно выполняет свои функции. Именно функциональная характеристика государственности находится в основе сильного государства.

Под эффективностью государственности Ильин понимал особую качественную характеристику процесса политико-правового опосредования социальных отношений, которая включает в себя три основных компонента: 1) результативность (степень достижения политических целей, отражающих нормативные представления о государственном идеале); 2) степень социальной ценности полученных результатов; 3) степень духовно-нравственного совершенства применяемых в процессе функционирования государственности средств [13, с. 234–244]. Заметим, что эти компоненты стали для Ильина теми критериями оценки государственности.

Чтобы обеспечить желаемую степень эффективности государственности, гарантировать именно высокую эффективность, указывал русский политический мыслитель, нужны соответствующие условия: обстоятельства, которые, с одной стороны, способствуют максимальной реализации ценности государственности, позволяющей полнее удовлетворять интересы граждан, а с другой – выступают сопутствующими факторами для действия компонентов государственности по достижению этой ценности, по ее использованию. К важнейшим условиям повышения эффективности государственности, по Ильину, можно отнести: а) высокий духовный потенциал государственных основ; б) наличие сильного государства; в) функционирование демократического политического режима; г) достаточно высокий уровень правосознания и правовой государственности [15, с. 483–502]. Ильин считал, что во время социально-политического кризиса и необходимости модернизации общества центральным элементом эффективности государственности становится сильное государство [14, с. 111, 129–133]. В связи с этим характеристике категории «сильное государство» он уделял значительное теоретико-методологическое внимание. Эта характеристика, еще раз подчеркнем, стала системообразующим элементом в концепции государства Ильина.

Наличие у государства имманентно присущей ему силы, волевого начала вовсе не означает, что оно «силовое». Востребованность определённого уровня силы в государстве диктуется временем, действием ряда социальных закономерностей. Сила, в понима-

нии Ильина, – это «всегда реальная способность к действию» [14, с. 14]. Другими словами, та «способность», которая позволяет достигать необходимых обществу целей и задач.

Существует точно востребованный уровень силы государства, утверждают современные государствоведы, определяемый суммой задач, поставленных перед ним; наличием и использованием имеющихся ресурсов. Поэтому целесообразно различать статичную силу государства, являющуюся его пусковым механизмом, нормой управляемости, запасом прочности, и динамичную силу, обусловленную новыми факторами государственного развития и перспективными задачами совершенствования государственности [16, с. 389; 17, с. 42; 18, с. 16; 19, с. 19].

Ильин, как показывают его тексты, понимал, что именно динамичный фактор является исходным для обоснования концепции сильного государства, способного решать проблемы переходного периода и реализовать программы системного обновления общества. Статичная же сила государства и государственной власти предопределена их природой. «Она есть живое средоточие уполномоченной и могущественной воли, которую все признают, уважая ее, подчиняясь ей и исполняя ее требования и законы» [20, с. 404]. Она предшествует актам самой властереализации. Власть основана на данной силе, на возможности её использования. Реальной же государственную власть делает сила, воспринятая и усвоенная в социальной практике подчинёнными этой силе субъектами. Незримо присутствуя во многих актах государства, именно эта сила делает его публичным институтом, умеющим использовать овеществлённую власть. Эффективность динамичной силы, подчеркивал Ильин, проявляется в «ее конституционном строении, в ее государственном направлении, в ее волевой энергии, в ее волевом блюдении права и свободы, в ее политическом искусстве и особенно в ее всенародных духовных корнях» [20, с. 404].

Если статичный элемент силы рассматривается как потенциал государства, его запас прочности, то динамичный компонент более практичен, связан с развитостью инфраструктуры и правовой основы управления делами общества. Государство может иметь огромную внутреннюю силу, но внешне быть слабым, неспособным отправлять свои элементарные функции из-за нерационального использования своей силы, абсурдного желания «всем распоряжаться» [20, с. 411]. Такая ситуация возможна только в тех государствах, где имеются управленческие просчёты, «глухие» места властной вертикали, где «сила права» ничего не может поделаться с «правом силы» [14, с. 24], с всеподавляющим господством административного ресурса, а весь государственный аппарат страдает от произвола отдельных лиц, где присутствует противоестественная ситуация «предписывать человеческому духу любовь, веру, молитву, совместные движения души, чувство достоинства и чести, способы научного исследования и художественного созерцания» [20, с. 411].

Слово «сила» в его узком, традиционном и привычном авторитарно-тоталитарном смысле, подчеркивал Ильин, никак не может быть исходным для определения сущности сильного и эффективного государства. Такое государство не есть организация, опирающаяся на силу, заложенную в ней по природе, на силовое давление, неправомерное принуждение. «Забывая свои пределы и подминая под себя всю свободную творческую жизнь граждан, она стала бы неизбежно надрываться и компрометировать себя. Она вынуждена была бы претендовать на всеведение, всепредвидение и всемогущество и не смогла бы оправдать свою претензию» [20, с. 412].

Термин «сила», в представлении Ильина, означает энергию, воздействующую на общественные процессы, степень интенсивности, позитивно направленной напряжённости этой энергии. Сила государства – это материальное и духовное начало, источник энергии, деятельности, творческий потенциал, фактор движения, активности; это «духовно-государственный авторитет, ее уважаемость, ее признаваемое достоинств-

во, ее способность импонировать гражданам» [20, с. 413]. Благодаря этому достигается эффективность государственности. Это первое.

Сильное государство – это также властная политико-правовая организация, которая всегда и во всём «в силах», «в состоянии», может эффективно исполнять свои функции, свою работу, активно действовать. Это государство, находящееся в таком состоянии, когда есть (ощущается обществом, каждым гражданином) власть, влияние. Сильное государство – основательное, безупречно юридически оформленное, социально справедливое; его доводы сильны, государственный механизм эффективен. Его главная цель – служение народу; деятельность сильной власти должна быть «не внеправовой и не сверхправовой, а оформленная правом и служащая по праву, при помощи права – всенародному правопорядку» [20, с. 415]. Это второе.

И, наконец, третье. Для Ильина сильное государство не просто силовое; хотя его силовое превосходство потенциально всегда было, есть и будет. Силовое превосходство государства не всегда есть показатель его мощи. Есть ещё сила убеждения, сила коллектива, сила организации, сила дисциплины, сила идеологии. Сильное государство – это инициатор, вдохновитель и гарант созидательной деятельности. В этом случае, как подчеркивают современные политологи, другого такого подобного по своим возможностям «политического актора» нет [4, с. 6, 198; 21–23]. Суть дела, считал Ильина, не просто в том, чтобы усилить роль самого государства, а в том, чтобы сделать эту роль прогрессивной, чтобы сформировать не просто сильное, а сильное и эффективное государство. Эту роль характеризуют интеграция, консолидация, упорядочивание и служение обществу, продуктивная управляемость и надежная безопасность, гарантированное обеспечение основ законности и политической свободы, социальной защиты и образования. Эффективность сводится к «правовому обеспечению свободы, к препятствованию всем злым и соблазнительным начинаниям, к организации народного просвещения и выделению людей благой воли» [20, с. 412].

Таким образом, можно констатировать, что для Ильина сильное государство является той разновидностью государственного идеала, которая отражает его особое состояние, его качественную характеристику. Основным содержанием этой разновидности является работоспособность, эффективность государства на данный момент времени; это полноценное, авторитетное и уверенное в себе легитимное правовое государство, чётко выполняющее свои социальные функции и духовное назначение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Платон. Государство / Платон // Собр. соч. : в 4 т. – СПб., 2007. – Т. 3., ч. 1. – С. 97–495.
2. Мор, Т. Утопия / Т. Мор. – М. : Наука, 1978. – 412 с.
3. Руссо, Ж.-Ж. Трактаты / Ж.-Ж. Руссо. – М., 1969. – 705 с.
4. Фукуяма, Ф. Сильное государство. Управление и мировой порядок в XXI в. / Ф. Фукуяма. – М. : АСТ, АСТ МОСКВА : ХРАНИТЕЛЬ, 2006. – 220 с.
5. Васильев, А.А. Государственно-правовой идеал славянофилов / А.А. Васильев. – М. : Ин-т русской цивилизации, 2010. – 224 с.
6. Бороздина, Е.А. Социально-политическое учение И.А. Ильина : дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01 / Е.А. Бороздина. – М., 2003. – 144 л.
7. Золина, М.Б. Политическая философия И.А. Ильина : дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01 / М.Б. Золина. – М., 1996. – 182 л.
8. Варакса, А.Н. Идея монархии в политической мысли русского зарубежья : дис. ... канд. полит. наук: 23.00.01 / А.Н. Варакса. – СПб., 2003. – 137 л.

9. Зернов, И.Н. *Монархия и будущее России* / И.Н. Зернов. – М. : Алгоритм, 2007. – 240 с.
10. Мальцева, А.В. *Теоретико-социологический анализ монархической модели социально-политической трансформации посткоммунистической России (на примере социально-политического учения И.А. Ильина)* : автореф. дис. ... докт. соц. наук: 24.00.04 / А.В. Мальцева; НГУ им. Лобачевского. – Н. Новгород, 2005. – 49 с.
11. Изергина, Н.И. *Теория органической демократии И.А. Ильина и проблемы социально-политической трансформации современной России* : дис. ... докт. полит. наук: 23.00.01 / Н.И. Изергина. – Саранск, 2009. – 376 л.
12. Целиков, А.Н. *Сравнительный анализ социально-государственного идеала И.А. Ильина и А. Кожева* : дис. канд. ... филос. наук: 09.00.03 / А.Н. Целиков. – Н. Новгород, 2007. – 194 л.
13. Ильин, И.А. *Собрание сочинений* : в 10 т. / И.А. Ильин. – М. : Русская книга, 1996. – Т. 1. – 400 с.
14. Ильин, И.А. *Собрание сочинений* : в 10 т. / И.А. Ильин. – М. : Русская книга, 1994. – Т. 4. – 624 с.
15. Ильин, И.А. *Собрание сочинений* : в 10 т. / И.А. Ильин. – М. : Русская книга, 1998. – Т. 7. – 608 с.
16. Гомеров, И.Н. *Государство и государственная власть: предпосылки, особенности, структура* / И.Н. Гомеров. – М. : ООО «Издательство ЮКЭА», 2002. – 832 с.
17. Чиркин, В.Е. *Государствоведение* / В.Е. Чиркин. – М. : Юристъ, 1999. – 400 с.
18. Мамут, Л.С. *О государстве и государственности* / Л.С. Мамут // *Государство и право*. – 2003. – № 5. – С. 15–18.
19. Иванов, В. *К критике современной теории государства* / В. Иванов. – М. : Территория будущего, 2008. – 160 с.
20. Ильин, И.А. *Собрание сочинений* : в 10 т. / И.А. Ильин. – М. : Русская книга, 1993. – Т. 2, кн. 1. – 496 с.
21. Топорнин, Б.Н. *Сильное государство – объективная потребность времени* / Б.Н. Топорнин // *Вопросы философии*. – 2001. – № 7. – С. 3–25.
22. *Современное государство: политико-правовые и экономические исследования* : сб. науч. тр. / Отв. ред. Е.В. Алферова. – М., 2010. – 282 с.
23. *Власть и политика: институциональные вызовы XXI в.* // *Политическая наука : ежегодник 2012* / Российская ассоциация политической науки ; гл. ред. А.И. Соловьев. – М. : РОССПЭН, 2012. – 446 с.

Vatyl N.V. Model of the Strong and Effective State in I.A. Ilyin's Political Doctrine

In article on the basis of the structurally functional analysis and comparative-historical approach the model of the strong and effective state of I. A. Ilyin is considered. In this explanatory model the category «efficiency» acted priority and represented the special qualitative characteristic of process of a political and legal transformation of the social relations which included three main components: 1) productivity (extent of achievement of the political goals reflecting standard ideas of the state ideal as due); 2) degree of social value of the received results; 3) degree of spiritual and moral perfection applied in the course of functioning of statehood of means. The concept «force», in Ilyin's representation, meant potential possibility of influence of the state on public processes. Its qualitative characteristics defined realization mechanisms, intensity degree, a vector of positively directed intensity of the state energy.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 25.02.2013

УДК 32.01-055.1/3(043.3)

*Л.Г. Волина***КОМПЛЕКСНЫЙ ГЕНДЕРНЫЙ ПОДХОД
В ИССЛЕДОВАНИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ**

В статье раскрывается содержание концепции комплексного гендерного подхода, а также рассматриваются основные методы его применения. В ходе исследования анализируются различные трактовки данного подхода в научной литературе, а также приводятся формулировки концепции, содержащиеся в международных документах. Исследуются ключевые методы и механизмы применения комплексного гендерного подхода в политическом процессе. Особое внимание уделяется гендерному анализу, гендерной статистике, гендерной экспертизе, гендерному бюджету и гендерному аудиту. Предлагается структурный анализ основных компонентов механизма внедрения комплексного гендерного подхода в политический процесс. Раскрывается содержание правового, институционального, содержательного и образовательно-просветительского блоков, которые представляют собой национальный механизм гендерной политики. Автором формулируются выводы относительно роли и места комплексного гендерного подхода в процессе реализации гендерной политики.

Гендерное неравенство является одним из основных видов социального неравенства. При этом гендер рассматривается как вид социального деления в обществе, влияющий на социальную жизнь и индивидуальный опыт, или как один из социальных факторов, определяющий индивидуальную реакцию на ситуацию. Однако в отличие от других видов социального неравенства гендерные проблемы остаются новшеством на повестке дня государственной политики, в связи с чем вопрос, связанный с выбором основополагающих критериев и методов реализации гендерной политики, остается дискуссионным. Кроме того, гендерные отношения пронизывают всю культуру, общественное устройство, государственные институты, методы принятия решений и стиль мышления.

Чрезвычайная сложность гендерных проблем требует комплексного подхода к их разрешению, длительного и поэтапного продвижения к намеченным целям, вовлечения различных структур и максимально широких слоев населения. В последнее время в русскоязычной литературе закрепился английский термин «mainstreaming» (мейнстриминг), который чаще всего отождествляется с подходом или стратегией [1, с. 8; 2, с. 41]. Гендерный подход основан на идее о том, что «важны не биологические или физические различия между мужчинами и женщинами, а то культурное и социальное значение, которое общество придает этим различиям» [3]. Иными словами, гендерный подход имеет скорее социокультурное, нежели социально-политическое содержание.

Впервые комплексный гендерный подход был сформулирован в ряде международных документов после проведения III Всемирной конференции ООН по проблемам женщин (Найроби, 1985). Позже эта концепция была одобрена в Программе действий IV Всемирной конференции ООН по проблемам женщин (Пекин, 1995). Программа действий призывает к утверждению принципа комплексного подхода и многократно указывает, что правительства и другие участники государственно-общественной жизни должны благоприятствовать активной и зримой политике, имеющей целью интегрировать действия, направленные на укрепление равенства между полами, во все политические стратегии и программы, анализируя, в случае необходимости, до принятия любого решения их возможные последствия соответственно для женщин и для мужчин.

По определению ООН, понятие «комплексный гендерный подход» заключается в следующем: «Процесс оценки любого планируемого мероприятия с точки зрения

его воздействия на женщин и мужчин, в том числе законодательства, стратегий и программ во всех областях и на всех уровнях. Настоящая стратегия основывается на том, чтобы интересы и опыт женщин, равно как и мужчин, стали неотъемлемым критерием при разработке общей концепции, при осуществлении, мониторинге и оценке общих направлений деятельности и программ во всех политических, экономических и общественных сферах с тем, чтобы и женщины, и мужчины могли получать равную выгоду, а неравенство никогда не укоренялось бы» [1, с. 8].

Согласно специальному коммюнике Комиссии ЕС «Внедрение равных возможностей для мужчин и женщин во все направления деятельности ЕС» (1996 г.), комплексный гендерный подход понимается «не как набор ограниченных мер, направленных на утверждение равенства посредством разных способов помощи женщинам, а как мобилизация всей политики содружества для достижения этой цели» [4, с. 63].

Важным документом при рассмотрении концепции и методологии комплексного гендерного подхода является Заключительный доклад Совета Европы, разработанный отделом по проблемам равенства между мужчинами и женщинами в 1997 г. Данный документ расширяет подходы к проблеме гендерного равенства, а также знакомит с позитивным опытом выравнивания социальных статусов женщин и мужчин в ряде наиболее продвинутых в этом отношении стран – Дании, Швеции, Нидерландах, Новой Зеландии, Португалии. Комплексный подход определяется как организация (реорганизация), улучшение, совершенствование и оценка процессов принятия решений лицами, главным образом вовлеченными в осуществление политики, с тем, чтобы инкорпорировать проблематику равенства между женщинами и мужчинами во все области и на все уровни. Данное определение комплексного подхода подчеркивает цель, процесс, объект и активных субъектов политики «mainstreaming». Объектами «mainstreaming» являются все виды политики на всех стадиях, тогда как активными субъектами – те лица, которые в основном вовлечены в эту сферу.

В понятие «комплексный гендерный подход» в русскоязычной литературе вкладывают различный смысл. Так, Е. Баллаева и Л. Лунякова предлагают два понимания комплексного гендерного подхода: интеграционный и меняющий повестку дня [5, с. 10]. Интеграционный подход подразумевает включение проблем гендерного равенства в существующие парадигмы социально-экономического развития, что позволяет обновить, переосмыслить, расширить имеющиеся представления о тех или иных проблемах. Преимуществом данного подхода является большая степень его реализуемости.

Иное понимание комплексного гендерного подхода определяется как меняющий повестку дня: любая проблема, возникающая на повестке дня, рассматривается с точки зрения гендера, т.е. анализируются ожидаемые для обоих полов последствия и результаты того или иного политического решения либо действия. К примеру, программа занятости учитывает гендерную составляющую в том случае, если она предусматривает дополнительные меры по борьбе с безработицей женщин, поскольку по сравнению с мужчинами данная категория населения считается более уязвимой.

В издании под редакцией М.М. Малышевой «mainstreaming» переводится как «гендерная интеграция» и определяется как «внедрение гендерной перспективы в процесс оценивания всех последствий любых запланированных акций для мужчин и женщин, включая законодательство, политики или программы во всех областях и на всех уровнях» [6, с. 212].

Помимо концепции комплексного гендерного подхода, разрабатывается и его методология, позволяющая инкорпорировать данный подход в процесс реализации гендерной политики. Отсутствие подходящих инструментов и технологий может иметь как следствие неэффективную практическую реализацию комплексного подхода, то есть фактически помешать его применению. В Заключительном докладе «Комплекс-

ный подход к проблеме равенства между женщинами и мужчинами» предлагается учесть фактор наличия следующих методов и средств:

– аналитические инструменты и методы: статистические данные, исследования и прогнозы, анализ соотношения стоимость – выгода, руководящие направления и рамочные основы, методы оценки воздействия различных факторов на представителей полов, общая оценка и наблюдение за результатами;

– инструменты и технологии обучения, пробуждения сознания и специальной подготовки, практическое наблюдение, «мобильная или точечная экспертиза», учебные пособия и материалы;

– инструменты и технологии консультаций и участия: равное участие обоих полов в процессах принятия решений, рабочие группы, группы управления и анализа, телефонные списки иерархических структур, конференции, семинары, аудит [7].

Основным методом сбора информации является контент-анализ. Исследователи, собирающие данные для контент-анализа, могут интерпретировать их с применением количественных или качественных методов. Например, компьютерные программы, подсчитывающие частоту употребления слов, могут помочь нам обнажить скрытые механизмы, заложенные в большом количестве документов. Подобным образом может проводиться количественный контент-анализ авторства и содержания академических журнальных статей, например, по вопросу о процентном соотношении мужчин и женщин среди авторов или в качестве объектов исследований, в аспекте применяемых методов и обращения авторов к гендерной проблематике. Кроме того, ученые анализируют культурные артефакты – факты, имеющие отношение к частной жизни, – а также те идеи, институты и тех людей, которые в значительной степени повлияли на жизнь женщин в той или иной стране в определенный период времени.

Одним из наиболее полно разработанных методов, позволяющих исследовать различные сферы общества и государства, является гендерный анализ, т.е. «процесс оценки различного воздействия, оказываемого на женщин и мужчин существующими или предлагаемыми программами, законодательством, государственным политическим курсом» [8, с. 91]. Гендерный анализ предполагает изучение различий в условиях, потребностях, степени доступа к ресурсам и развитию, участия в принятии решений между мужчинами и женщинами; анализ и оценку политик, программ и институтов с точки зрения того, как они учитывают принципы гендерного равенства.

Следует обратить внимание также на следующие механизмы внедрения комплексного гендерного подхода: гендерная экспертиза, гендерная статистика, гендерный бюджет, гендерный аудит.

Гендерная экспертиза – это разновидность социального анализа применительно к государственной политике, сущность которого состоит в описании разницы в социально-экономических и культурных статусах представителей различных гендерных групп и в анализе властно-подчиненных взаимоотношений между ними, утверждаемых в обществе посредством гендерных отношений. Гендерная экспертиза включает в себя проведение экономического, институционального и правового анализа. В процессе разработки и осуществления гендерной политики наибольшую ценность представляет «гендерная экспертиза законодательства», основным объектом изучения которой является соблюдение принципа равноправия мужчин и женщин и отсутствие дискриминации по признаку пола в законодательстве. При проведении данной формы гендерной экспертизы анализируется влияние конкретной правовой нормы на социальное, экономическое и политическое положение представителей какой-либо гендерной группы. Обзор правового массива, включенного в гендерную экспертизу, может осуществляться путем проверки действующих норм, анализа понятий и концепций, используемых в законодательстве, выявления эффективности действующих законов [9, с. 24–25].

Таким образом, гендерная экспертиза представляет собой процесс оценки любого планируемого мероприятия с точки зрения его воздействия на положение женщин и мужчин, в том числе законодательства, стратегий и программ во всех областях и на всех уровнях. Она позволяет государственным органам прогнозировать и корректировать неблагоприятные последствия государственных реформ, учитывать гендерный фактор в политике, развивать межведомственный подход к выявлению фактов дискриминации, возникающих как в связи с биологическим полом, так и социальным полом, и обеспечению равных прав и возможностей мужчин и женщин.

Гендерная статистика отражает положение мужчин и женщин во всех сферах социальной, экономической и политической жизни [9, с. 24]. Она является одним из важнейших инструментов, позволяющих учитывать особенности женщин и мужчин как специфических социально-демографических групп при разработке оптимальной гендерной политики, реализации принципа равных прав и равных возможностей. В частности, данные гендерной статистики позволяют произвести оценку участия женщин и мужчин в различных сферах жизнедеятельности общества, способствуя разрешению проблем как женщин, так и общества в целом в области распределения ресурсов и доходов, прав и обязанностей, рабочей нагрузки и отдыха.

Гендерный бюджет – это социальная технология, которая способствует внедрению в государственную политику принципа дифференцированного учета интересов по социополовому признаку [9, с. 27]. Однако гендерный бюджет – это не особый бюджет, составляемый для женщин и для мужчин. Это не разбивка бюджета между потребностями женщин и мужчин. Гендерные бюджеты выступают механизмом, посредством которого гендерные аспекты включаются в политику и бюджеты всех уровней. В исследовании гендерной политики данная категория также позволяет понять, что вкладывают женщины и мужчины в общество и какой объем ответственности в связи с этим они на себя берут.

Гендерный аудит позволяет оценить, в какой степени, на регулярной ли основе и насколько эффективно интересы мужчин и женщин учитываются в практической деятельности организации, в разрабатываемых и выпускаемых документах и публикациях, на уровне управления и принятия решений, в кадровой политике. По мнению О.А. Ворониной, гендерный аудит относится к категории так называемых «аудитов качества», которые не имеют контролирующей или ревизионной функции и проводятся для выяснения, насколько внутренняя структура и используемые организационные механизмы способствуют выполнению определенных задач и каковы возможности для совершенствования существующих практик [3].

Наиболее полно и структурировано методология внедрения комплексного гендерного подхода может быть представлена посредством национального механизма гендерной политики. Российская исследовательница Н.А. Шведова предлагает 4-звенную структуру национального механизма и выделяет правовое, организационное, содержательное и образовательно-просветительское измерения [4, с. 463–464]. Таким образом, национальный механизм представляет собой систему институциональных, правовых, финансовых, административных и образовательно-просветительских технологий, реализуемую государством с привлечением гражданского общества и направленную на внедрение комплексного гендерного подхода во все области политики и решение гендерных проблем во всех сферах общественной жизни.

К правовому измерению относится система законодательных актов, регламентирующая права и обязанности государства и общества. Правовой основой для внедрения комплексного гендерного подхода являются Конституция, законы, указы и распоряжения Президента Республики Беларусь, постановления и распоряжения Совета Минист-

ров Республики Беларусь, иные нормативно-правовые акты, а также международные договоры Республики Беларусь.

Организационное (институциональное) измерение можно рассматривать в двух смыслах. В узком смысле к нему относится «система органов власти, ответственных за разработку и проведение в жизнь государственных программ, законодательства во всех сферах деятельности государства, так или иначе оказывающих влияние на жизнь женщин» [4, с. 464].

Под институциональным механизмом в документах ООН и Совета Европы понимается «любая структура, которая имеет прямое или косвенное отношение к проблеме достижения гендерного равенства» [4, с. 286]. Подобная широкая трактовка, с одной стороны, дистанцируется от анализа ключевых институтов внедрения комплексного гендерного подхода, которые реально принимают участие в процессе разработки и реализации гендерной политики. С другой стороны, широкое понимание институционального измерения позволяет представить процесс внедрения комплексного гендерного подхода в системном виде и выявить наряду со структурными элементами организационного измерения характер и степень устойчивости взаимосвязей и взаимодействий между ними.

Под содержательным измерением подразумевается наличие финансовых и материальных возможностей реализации гендерной политики. В рамках данного компонента основной технологией выступает гендерный бюджет.

И наконец, образовательно-просветительская составляющая – это наличие в государстве обязательного стандарта гендерного обучения населения, являющегося основой преодоления исторически укоренившихся гендерных стереотипов.

Очевидно, что для развития гендерной методологии в объяснении и интерпретации социальных фактов нужен комплексный гендерный подход, который подразумевает предварительный расчет любых принимаемых на уровне власти решений с точки зрения гендерной перспективы. Он позволяет:

- инкорпорировать гендерную проблематику в процесс принятия решений;
- анализировать любые политические решения с точки зрения гендера;
- оценить эффективность политических решений и законодательства – насколько полно они отражают социальные потребности мужчин и женщин;
- анализировать институциональные механизмы – экономические, управленческие, организационные меры, обеспечивающие исполнение законов;
- отслеживать реализацию основных прав женщин в контексте прав человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Практическое руководство по внедрению гендерных подходов / под ред. А. Ниеманис. – Братислава : UNDP, 2005. – 316 с.
2. Gender mainstreaming in the European Employment Strategy / Edited by Ute Behning and Amparo Serrano Pascual. – Brussels : ETUI, 2001. – 367 p.
3. Воронина, О.А. Глоссарий гендерных терминов [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: <http://www.gender.ru/index.php?id=2&subid=3>. – Дата доступа: 10.11.2010.
4. Гендерное равенство в современном мире. Роль национальных механизмов / отв. ред и сост. О.А. Воронина. – М. : МАКС Пресс, 2008. – 772 с.
5. Гендерное равенство в России: законодательство, политика, практика : материалы науч.-эксперт. семинара; Москва, 26 фев. 2003 г. / ред.-сост. Е.А. Баллаева, Л.Г. Лунякова. – М. : РОО МЦГИ, 2003. – 156 с.
6. Экономика и социальная политика: гендерное измерение / под общ. ред. М.М. Малышевой. – М. : Academia, 2002. – 288 с.

7. Комплексный подход к проблеме равенства между женщинами и мужчинами : заключительный доклад о деятельности Группы специалистов по вопросу о комплексном подходе к проблеме равенства женщин и мужчин [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа: <http://www.owl.ru/win/docum/ec/gender/3.htm#c1>. – Дата доступа: 10.11.2010.

8. Словарь гендерных терминов / под ред. А.А. Денисовой. – М. : Информация – XXI век, 2002. – 265 с.

9. Пол. Гендер : справочное пособие для гос. служащих. – Минск : ПроPILEI, 2005. – 112 с.

Volina L.G. An Integrated Gender Approach in Researching Political Processes

The article examines the concept of gender mainstreaming and the main methods of its application. The author analyses different opinions about interpretation of the approach in scientific literature and international documents. The key methods and mechanisms of implementation of gender mainstreaming are discussed in the article. It is paid attention to gender analysis, gender statistics, gender expertise, gender budget and gender audit. The article considers structural analysis of main components of the mechanism, which implements gender mainstreaming in political process. It discusses law, institutional, substantial and instructive blocks, which are constitutes the national mechanism of gender policy. The author draws conclusions concerning role and place of gender mainstreaming in the process of gender policy realization.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 20.02.2013

УДК 947.6 + 323.15(476)

*І.А. Пушкін***ПАРЛАМЕНЦКАЯ ДЗЕЙНАСЦЬ У РЭСПУБЛІЦЫ БЕЛАРУСЬ
ПА РЭГУЛЯВАННІ МІЖНАЦЫЯНАЛЬНЫХ АДНОСІН**

У дадзеным артыкуле ўпершыню ў беларускай гістарыяграфіі аналізуецца стварэнне і дзейнасць структур вышэйшага заканадаўчага органа Рэспублікі Беларусь па рэгуляванні міжнацыянальных адносін. Даследаваны і прааналізаваны працэс заканадаўчага забеспячэння правоў, нацыянальных супольнасцей. Зроблена выснова пра прыняцце рашэнняў парламенцкімі структурамі пасля ўсебаковага абмеркавання, з улікам агульнанацыянальных інтарэсаў, грамадска-палітычнай і эканамічнай сітуацыі ў краіне.

Уводзіны

Пасля атрымання незалежнасці ў Беларусі ўзнікла неабходнасць у рэарганізацыі існуючых і стварэнні новых структур органаў дзяржаўнай улады, у тым ліку ў сферы міжнацыянальных адносін. Мэта нашага даследавання – прааналізаваць дзейнасць вышэйшага органа ўлады Рэспублікі Беларусь – парламента (Вярхоўнага Савета, Нацыянальнага сходу) – па стварэнні прававых асноў удзелу нацыянальных супольнасцей у грамадскім і культурным жыцці Беларусі, а таксама рэгулявання міжнацыянальных адносін. Выкарыстоўваліся крыніцы з архіваў Рэспублікі Беларусь і Літоўскай Рэспублікі, апублікаваныя матэрыялы.

У беларускай навуцы гэта пытанне маладаследаванае. Некаторыя аспекты дзейнасці парламенцкіх структур у адпаведнай сферы толькі ўзгадваліся ў кантэксце дзяржаўнай нацыянальнай палітыкі ў публікацыях Н. Бурай [1], Э. Іофе [2], А. Ліўшыца [3], А. Макрушыч [4], А. Осіпава [5], І. Пушкіна [6; 7]. Рэгуляваннем міжнацыянальных адносін у Рэспубліцы Беларусь займаліся прадстаўнічыя і выканаўчыя органы дзяржаўнай улады. Вопыт вырашэння міжнацыянальных праблем у судовым парадку ў краіне адсутнічае.

Спецыяльных дзяржаўных органаў у сістэме вышэйшай выканаўчай улады, якія займаліся праблемамі нацыянальных супольнасцей, у Беларусі да сярэдзіны 1990-х гг. не існавала, не было і механізмаў супрацоўніцтва ўладных структур і нацыянальных аб'яднанняў. Развіццём адукацыі на роднай мове займалася Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь. Падтрымку і фінансаванне іх культурных ініцыятыў ажыццяўляла Міністэрства культуры. Яно арганізацыйна і фінансава падтрымлівала правядзенне нацыянальных фестываляў, вылучала сродкі на арганізацыю конкурсаў, выстаў, утрыманне мастацкіх калектываў нацыянальных аб'яднанняў, мэтанакіравана займалася забеспячэннем спрыяльных умоў для развіцця мастацкай творчасці нацыянальных супольнасцей [8, арк. 11, 22; 9, арк. 30].

У мэтах эфектыўнага супрацоўніцтва дзяржаўных органаў кіравання з грамадскімі арганізацыямі нацыянальных супольнасцей і садзейнічання захаванню і развіццю іх культур у студзені 1995 г. была створана Каардынацыйная рада па справах нацыянальных меншасцей пры Савеце Міністраў Рэспублікі Беларусь (СМ РБ). Яе рашэнні насілі рэкамендацыйны характар. У студзені 1997 г. Указам Прэзідэнта «Аб сістэме рэспубліканскіх органаў дзяржаўнага кіравання, падпарадкаваных ураду Рэспублікі Беларусь» ствараецца Дзяржаўны камітэт па справах рэлігій і нацыянальнасцей (1997–2001 гг.), з 2002 па 2006 гг. працуе Камітэт па справах рэлігій і нацыянальнасцей, з 2006 г. уводзіцца пасада ўпаўнаважанага па справах рэлігій і нацыянальнасцей.

Міжнацыянальныя адносіны ў Беларусі сталі прадметам увагі прадстаўнічых органаў улады толькі з пачатку 1990-х гг. З 1972 г. да 21.09.1990 г. пытанні міжнацыя-

нальных адносін не знаходзілі адлюстравання ў працы якога-небудзь органа Вярхоўнага Савета (ВС) БССР. Іх разглядам павінен быў займацца аддзел па пытаннях сацыяльнага і культурнага развіцця, потым камісія па народнай асвеце і культуры. Не разглядаліся нацыянальныя праблемы і на сесіях ВС БССР да 2.02.1988 г. [10]. Толькі напрыканцы 1980-х гг., пасля падзей ва Узбекістане, Нагорным Карабаху, Абхазіі і іншых месцах, на міжнацыянальныя адносіны звярнулі ўвагу і ў Беларусі.

Пасля правядзення ў 1990 г. выбараў у мясцовыя і Вярхоўны саветы сталі адбывацца змены ў падыходах да вырашэння праблем міжнацыянальных адносін і задавальнення інтарэсаў нацыянальных супольнасцей Беларусі ў грамадска-палітычным і культурна-асветным жыцці. Пастановаю Прэзідыума ВС БССР ад 21.09.1990 г. у Сакратарыяце Вярхоўнага Савета ўнутры некаторых аддзелаў былі ўтвораны сектары. У складзе аддзела па пытаннях сацыяльнага і культурнага развіцця з'явіўся сектар па пытаннях адукацыі, культуры і міжнацыянальных адносін. Пастановаю ВС БССР XII склікання ад 1.06.1990 г. былі ўтвораны пастаянныя камісіі, сярод якіх – Камісія па нацыянальнай палітыцы і міжнацыянальных адносінах (Камісія).

Пасля вырашэння арганізацыйных пытанняў на сваім чацвёртым пасяджэнні 24.09.1990 г. члены Камісіі – дэпутаты Вярхоўнага Савета – абмеркавалі зварот агульнага сходу аддзялення Польскага культурна-асветнага таварыства імя А. Міцкевіча (Гродна), які адбыўся 14.08.1990 г. Члены таварыства звярталіся да ўладаў з патрабаваннямі «спыніць антыпольскую кампанію ў газетах», атрымаць магчымасць сустрэчы з кіраўніцтвам Гродзенскай вобласці, прасілі выдзеліць памяшканне для таварыства, дапамагчы ў выданні газеты і стварэнні школ на польскай мове, даць дазвол на змяненне нацыянальнасці з беларускай на польскую і інш. Частка палякаў вобласці патрабавала «забараніць гвалтоўнае набажэнства ў касцёлах на беларускай мове», што, на нашу думку, ніяк не адпавядала добрым узаемаадносінам беларусаў і палякаў каталіцкага веравызнання і супярэчыла курсу каталіцкай царквы на ўжыванне падчас набажэнстваў нацыянальных моў краін знаходжання касцёла [7, с. 62].

4.12.1990 г. Камісія прыняла наступнае рашэнне па пытанні «Аб стане адраджэння нацыянальнай культуры і роднай мовы сярод грамадзян польскай нацыянальнасці ў Гродзенскай вобласці і іншых раёнах Беларусі»: рэкамендаваць СМ БССР разгледзець пытанне аб рэгістрацыі Саюза палякаў на Беларусі; вырашыць пытанне аб частковым фінансаванні газеты-органа СПБ; даручыць Гродзенскаму аблвыканкаму і гарвыканкаму разгледзець пытанні аб выдзяленні памяшканняў для СПБ, рэдакцыі газеты, частковым фінансаванні культурна-асветных аддзелаў таварыства; спрыяць хутчэйшаму развіццю польскай мовы; забяспечыць бібліятэкі літаратурай на польскай мове; выдзеліць памяшканні для гурткавай і іншай культурна-масавай дзейнасці; прыняць меры па аднаўленні помнікаў, якія ўшаноўваюць вядомых дзеячаў сумеснай гісторыі і культуры Беларусі і Польшчы [11, арк. 7–9, 48–49]. Аб задавальненні грамадска-палітычных і культурных патрэб асоб польскай нацыянальнасці размова таксама вялася на пасяджэнні Камісіі 22.05.1991 г., на якім было разгледжана пытанне «Аб ходзе выканання рашэння Камісіі па адраджэнні польскай культуры і мовы», узнятае Польскім культурна-асветным таварыствам імя А. Міцкевіча і 9.04.1992 г., калі была заслухана інфармацыя «Аб прапановах СПБ па пытаннях адраджэння польскай мовы і культуры» [12, арк. 125–127; 13, арк. 53]. Вяскою 1991 г. члены Камісіі звярнулі ўвагу на сферу міжнацыянальных адносін. 20.03.1991 г. была заслухана інфармацыя вучоных Інстытута сацыялогіі АН БССР аб стане міжнацыянальных адносін у БССР, а 22.05.1991 г. разглядалася пытанне «Аб падрыхтоўцы праекта Закона «Аб свабодным развіцці нацыянальных і этнічных груп у БССР» [12, арк. 310–312, 125–127].

Напрыканцы 1980-х гадоў у Беларусі паўстала праблема нацыянальнага вывучэння Палескага рэгіёна. З'явіўся рух за прызнанне існавання заходнепалескай этнічнай

групы (етвязі). На пасяджэнні Камісіі 20.05.1991 г. абмяркоўвалася пытанне «Аб статуце і праграме грамадска-культурнага аб'яднання «Полісьсе». Статут быў прыняты на сходзе 14.04.1990 г. У ім дэкларавалася, што асноўная мэта аб'яднання – садзейнічанне этнакультурнаму адраджэнню Заходняга Палесся – Етвязі. Гэта частка Беларусі разглядалася як асобны край. У Статуце прасочваліся сепаратысцкія настроі. На пасяджэнні Камісіі частка дэпутатаў выказала заклапочанасць тым, што дзейнасць таварыства ініцыіруецца зверху, з боку выканаўчай улады, і гэта стварае нацыянальную напружанасць у рэспубліцы, вядзе да дэстабілізацыі міжнацыянальных адносін. 12.06.1991 г. Камісіяй разглядаўся «Зварот А. Трушко (А. Наварыча) з прапановаю больш актыўна садзейнічаць развіццю культуры Палескага рэгіёна Беларусі». Выступіў М.М. Шэляговіч і расказаў аб працы грамадска-культурнага таварыства «Полісьсе». Ён прапанаваў: а) прыняць Закон аб заходнепалескай этнічнай групе народа, б) прыняць пастанову аб фінансаванні работы ГКТ «Полісьсе», в) стварыць заходнепалескі, культурна-асветны цэнтр. Дэпутаты прынялі рашэнне: «1) падтрымаць і адобрыць імкненне членаў ГКТ «Полісьсе» да вывучэння народнай культуры, фальклору, дыялекту Палескага рэгіёна... 3) лічыць неметазгодным прыняцце заканадаўчых актаў па стварэнню якіх-небудзь аўтаномій, навуковых цэнтраў. Жыхары беларускага Палесся з'яўляюцца самабытнай часткай беларускага народа» [12, арк. 107–136].

2.10.1991 г. прадметам увагі Камісіі стала пытанне «Аб дзейнасці нацыянальных грамадска-культурных аб'яднанняў горада Мінска». На падставе таго, што ў маі 1991 г. пры Мінскім гарадскім аддзяленні Савецкага фонду міру былі зарэгістраваны і дзейнічалі 6 нацыянальных грамадска-культурных аб'яднанняў (татарскае, яўрэйскае, украінскае, рускае, армянскае, азербайджанскае) з агульнай колькасцю сяброў больш за 6 000 чалавек, а таксама рашэння 5-й нечарговай сесіі Мінскага гарадскога савета № 165 ад 5.09.91 г. аб размяшчэнні ў будынку Дома палітычнай асветы Мінскага абкама КПБ–КПСС Цэнтра нацыянальных культур, Камісія прыняла рашэнне: 1) прапанаваць Савету Міністраў разгледзець рашэнне Мінскага гарсавета аб утварэнні ў Доме палітасветы Цэнтра нацыянальных культур; 2) прапанаваць Дзяржкамдруку і Міністэрству культуры забяспечыць бібліятэкі літаратурай на мовах нацменшасцей; 3) прапанаваць Вярхоўнаму Савету ўвесці ў склад Камісіі па нацыянальнай палітыцы і міжнацыянальных адносінах ВС РБ з правам дарадчага голасу прадстаўнікоў нацыянальных грамадска-культурных аб'яднанняў рэспублікі [12, арк. 139–147].

Пасля ўтварэння Рэспублікі Беларусь паўстала неабходнасць у стварэнні ўласнай заканадаўчай базы міжнацыянальных адносін. 16.12.1991 г. Камісіяй разглядаўся праект канцэпцыі Закона «Аб свабодным развіцці нацыянальных і этнічных груп у Рэспубліцы Беларусь». Пры падрыхтоўцы праекта члены Камісіі выкарыстоўвалі: закон СССР «Аб свабодным нацыянальным развіцці грамадзян СССР, якія пражываюць за межамі сваіх нацыянальна-дзяржаўных утварэнняў або не маюць іх на тэрыторыі СССР» (26.04.1990 г.), закон Украіны «Аб нацыянальных меншасцях на Украіне» (праект закона быў абмеркаваны 16.11.1991 г. у Адэсе на Усеўкраінскім з'ездзе нацыянальных меншасцей), закон аб нацыянальна-асабовай аўтаноміі на Украіне ад 24.01.1918 г., закон Літоўскай Рэспублікі «Аб нацыянальных меншасцях» ад 23.11.1989 г. (у рэдакцыі ад 11.03.1991 г.), закон Латвійскай Рэспублікі «Аб свабодным развіцці нацыянальных і этнічных груп Латвіі і іх прэва на культурную аўтаномію» ад 19.03.1991 г., закон «Аб культурнай аўтаноміі нацыянальных меншасцей Эстоніі» ад 12.02.1925 г., парады АБСЕ, савета Еўропы [14, арк. 33–60].

Напрыканцы 1991 г. збіраліся заўвагі і прапановы камісій Вярхоўнага Савета, выканаўчых органаў улады, нацыянальных грамадскіх арганізацый да прапанаванага праекта Закона. Сам праект быў адобраны і прапанаваны 10.03.92 г. на разгляд 9-й сесіі ВС РБ у фармулёўцы «Аб свабодным развіцці нацыянальных груп (меншасцей) у Рэс-

публіцы Беларусь» [12, арк. 174–175]. Гэтая важная дзяржаўная справа не засталася паза ўвагаю грамадскай дзейнасці сяброў нацыянальна-культурных таварыстваў. Яны актыўна імкнуліся паўплываць на працэс падрыхтоўкі і прыняцця Закона з улікам іх нацыянальных інтарэсаў, каштоўнасцей і запатрабаванняў. 8.04.1992 г. адбылася сустрэча кіраўнікоў нацыянальных аб'яднанняў з членамі Камісіі. У выніку на наступны дзень на яе пасяджэнні было вырашана прасіць сесію Вярхоўнага Савета задаволіць просьбу прадстаўнікоў грамадска-культурных аб'яднанняў азербайджанцаў, армян, татар, немцаў, рускіх, яўрэяў, украінцаў прысутнічаць на пасяджэнні сесіі пры абмеркаванні Закона і даць магчымасць выступіць [13, арк. 53].

Абмеркаванні і прыняцце праекта Закона «Аб свабодным развіцці нацыянальных груп у Рэспубліцы Беларусь» адбылося на сесіі ВС 23.04.1992 г. Ад імя каардынацыйнай рады нацыянальных аб'яднанняў Рэспублікі Беларусь на сесіі выступіў з прамогаю А.-Б. А. Шабановіч. Вярхоўны Савет адобрыў праект Закона ў першым чытанні. Распачаўся працэс дапрацоўкі праекта Закона. Паступіла шэраг заўваг і прапаноў ад камісій ВС (некаторыя камісіі наогул выступілі супраць прыняцця такога Закона), асобных дэпутатаў, ад грамадскіх арганізацый. Украінскае грамадска-культурнае аб'яднанне Брэсцкай вобласці патрабавала, каб у Законе быў прызнаны факт існавання і кампактнага пражывання на поўдні беларускага Палесся аўтахтоннага ўкраінскага насельніцтва. СПБ у праект Закона прапаноўваў унесці «права на ўтварэнне ў месцах кампактнага пражывання нацыянальных груп, якія складаюць большасць насельніцтва дадзенай мясцовасці, нацыянальных адміністрацыйна-тэрытарыяльных адзінак», «права на вылучэнне кандыдатаў у дэпутаты па асобных спісах нацыянальных супольнасцей». Падобнае прапаноўвала і аб'яднанне ўкраінцаў «Ватра» [15, арк. 12–14].

3 ліпеня 1992 г. праект Закона ўжо рыхтаваўся пад назвай «Аб нацыянальных меншасцях». У другім чытанні праект Закона «Аб нацыянальных меншасцях у Рэспубліцы Беларусь» разглядаўся на Камісіі 24.08.92 г. і 19.10.92 г., быў адобраны і рэкамендаваны сесіі ВС. 11.11.1992 г. пастановаю Вярхоўнага Савета Рэспублікі Беларусь уведзены ў дзеянне Закон «Аб нацыянальных меншасцях у Рэспубліцы Беларусь» [16, арк. 1, 117]. У яго змест уносіліся змяненні і дапаўненні ў 2004, 2007 гг. [17].

24.08.1992 г. былі прыняты асноўныя напрамкі работы Камісіі па нацыянальнай палітыцы і міжнацыянальных адносін. У прыватнасці, у іх былі зафіксаваны: станаўленне беларускай дзяржавы, беларускае нацыянальнае адраджэнне, адраджэнне нацыянальнай свядомасці нацыянальных супольнасцей і г.д. 7.12.1992 г. на пасяджэнні Камісіі аналізавалася работа мясцовых саветаў народных дэпутатаў Гомельскай вобласці па ўдасканаленні міжнацыянальных адносін. Сярод іншага было зафіксавана існаванне насцярожаных адносін часткі рускага насельніцтва да палітыкі беларускага адраджэння [13, арк. 92–94, 160–165].

Дэпутаты – члены Камісіі 20.01.1993 г. – пазнаёміліся з інфармацыяй Э.К. Дарашэвіча аб выніках сацыялагічнага даследавання міжнацыянальных адносін беларускага памежжа на матэрыялах Заходняга Палесся (Маларыцкі, Іванаўскі, Кобрынскі, Пінскі раёны). Адзначалася, што 81,8% ад агульнай колькасці апытаных не выступалі за якую-небудзь аўтаномію і лічылі сябе беларусамі. 61,7% лічылі немэтазгодным вылучэнне Заходняга Палесся ў самастойны культурна-моўны рэгіён у Рэспубліцы Беларусь, 7,3% падтрымалі ідэю аўтаноміі. Аўтары аналітычнай запіскі зрабілі выснову, што ў Беларусі «праблем асобнага палескага этнасу няма ў народнай этнічнай свядомасці». Было адзначана, што ў Заходнім Палессі насельніцтва гаворыць на рускай мове – 53,6%, беларускай – 12,6%, украінскай – 3,6%, польскай – 0,6%, на мясцовай мове (гаворцы) – 49,72%. На пытанне «Ці магчымы ў рэгіёне міжнацыянальныя канфлікты?» рэспандэнты адказалі: немагчымы – 45,8%, могуць быць нязначныя канфлікты – 33,2%, маецца глеба для сур'ёзных канфліктаў – 8,4%, не далі адказу – 12,6%. Апытванне засведчыла,

што ў Кобрынскім раёне адзначаецца супрацьстаянне праўкраінскіх палешукоў і тых, хто (аб'яднанне «Полісьсе») за самастойнасць Заходняга Палесся як адміністрацыйна-моўнай і гаспадарча-эканамічнай адзінкі [18, арк. 10–12].

Апошняе пасяджэнне Камісіі Вярхоўнага Савета Рэспублікі Беларусь па нацыянальнай палітыцы і міжнацыянальных адносінах прайшло 26.01.1993 г. У першай палове лютага 1993 г. адбылося яе перайменаванне. У сувязі з гэтым ужо Камісія Вярхоўнага Савета Рэспублікі Беларусь па нацыянальнай палітыцы і пытаннях Садружнасці Незалежных Дзяржаў сабралася 24.02.1993 г., каб удакладніць асноўныя кірункі (канцэпцыю) работы [19, арк. 23].

8.12.1993 г. на пасяджэнні Камісіі разглядалася пытанне «Аб выкананні Закона Рэспублікі Беларусь «Аб нацыянальных меншасцях у Рэспубліцы Беларусь». На абмеркаванні вынікаў дзеяння Закона прысутнічалі прадстаўнікі органаў выканаўчай улады і прадстаўнікі нацыянальных грамадскіх аб'яднанняў – рускай культуры «Русь», «Малдова», армян «Айястан», немцаў Беларусі «Адраджэнне», татар-мусульман «Аль-Кітаб», СПБ; асацыяцыі карэйцаў, яўрэйскіх арганізацый Беларусі, украінцаў «Ватра». Неабходнасць гэтай сустрэчы была выклікана тым, што мінуў год, як быў прыняты Закон, і таму было варта абмеркаваць, як працуе Закон на месцах, падзяліцца вопытам, вызначыць праблемы, складанасці. Ад дэпутатаў, членаў камісіі, прадстаўнікоў нацыянальных грамадскіх аб'яднанняў прагучала шэраг заўваг і прапанов: а) адсутнічала фінансавая падтрымка нацыянальных таварыстваў з боку дзяржавы, б) мясцовыя ўлады не дазвалялі нацыянальным грамадскім аб'яднанням займацца прадпрыемальніцкай дзейнасцю, в) артыкул 5 Закона меў дэкларатывы характар, г) у м. Свір Мядзельскага раёна мясцовыя ўлады не далі дазвол на правядзенне сходу СПБ, перашкаджалі адкрыццю польскамоўных класаў у г. Лідзе, д) камісія ВС па адукацыі, культуры і захаванні гістарычнай спадчыны займалася толькі адраджэннем беларускай мовы і культуры і не дапамагала іншым нацыянальным супольнасцям, е) былі патрэбны падатковыя ільготы, ж) пры Савете Міністраў патрэбна стварыць фонд дапамогі нацыянальным супольнасцям, з) стварыць у цэнтры г. Мінска цэнтр нацыянальных культур, і) у раёнах было складана атрымаць памяшканне для дзейнасці аб'яднанняў.

Члены Камісіі адзначылі, што некаторыя грамадскія аб'яднанні сталі займацца палітычнай дзейнасцю, у прыватнасці, па ініцыятыве СПБ у Гродне адбыўся з'езд вэтэранаў Арміі Краёвай, чья дзейнасць у беларускай гісторыі ацэньваецца неадназначна. У адказ з боку прадстаўнікоў украінскага і татарскага аб'яднанняў прагучала: «Калі мы падпісваем нешта са згоды ўладаў – гэта добра, а калі падпісваем нешта іншае – гэта палітыка і парушэнне статута».

У выніку было адзначана, што адбылося плённае абмеркаванне праблем нацыянальных супольнасцей. Ніякіх канкрэтных рашэнняў Камісіяй не было прынята, толькі запланавалі правядзенне ў канцы снежня пасяджэння Камісіі з удзелам прадстаўнікоў выканаўчай улады (Савета Міністраў, міністэрстваў адукацыі, культуры, інфармацыі, савета па справах рэлігіі), на якім збіраліся абмеркаваць практычныя пытанні рэалізацыі Закона «Аб нацыянальных меншасцях» [19, арк. 106–111].

15.03.1994 г. у Рэспубліцы Беларусь была прынята Канстытуцыя. Дэпутаты парламенцкіх камісій, якія адказвалі за сферу міжнацыянальных адносін, спрычыніліся да яе распрацоўкі і ўнясення змен. Пасля рэферэндуму 1996 г. у Канстытуцыі тэрмін нацыянальныя меншасці быў заменены на нацыянальныя супольнасці [20].

17.03.1994 г. на пасяджэнні Камісіі было заслухана пытанне «Аб будаўніцтве Літоўскага культурна-асветніцкага цэнтра ў в. Рымдзюны Астравецкага раёна Гродзенскай вобласці». Будаўніцтва цэнтра было задумана яшчэ ў 1990 г. З 18.09.1990 г. распачалося будаўніцтва. Да пачатку 1994 г. узнік канфлікт паміж мясцовымі ўладамі і Літоўскай Рэспублікай наконт завяршэння будаўніцтва (крыніц фінансавання) і таго,

хто будзе гаспадаром цэнтра. Гродзенскі аблвыканкам нават прыняў рашэнне аб спыненні будаўнічых прац. Камісія, заслухаўшы экспертаў і абмеркаваўшы дакументы, вырашыла, што неабходна правесці перамовы з літоўскім бокам, завяршыць будаўніцтва і пасля гэтага вызначыць уладальнікаў цэнтра. Яго ўрачыстае адкрыццё адбылося 18.03.2001 г. [21, арк. 17–18].

Пасля правядзення ў Рэспубліцы Беларусь выбараў Прэзідэнта сталі адбывацца змены ў грамадска-палітычным жыцці краіны. Закранулі яны і дзейнасць вышэйшага заканадаўчага органа ўлады.

Пастановаю ВС Рэспублікі Беларусь XIII склікання ад 16.01.1996 г. была ўтворана Камісія па правах чалавека, нацыянальных пытаннях, СМІ, сувязях з грамадскімі аб'яднаннямі і рэлігійнымі арганізацыямі. За ўвесь час свайго існавання і дзейнасці (23.01.1996 г.–12.10.1996 г.) яна толькі аднойчы, 30.05.1996 г., звярнула сваю ўвагу на нацыянальнае пытанне ў Беларусі. Дэпутатаў пазнаёмілі з прапановамі інстытута «Белінфармпрагноз» правесці для ВС сацыялагічныя даследаванні на тэму «Заканадаўчыя асновы рэгулявання міжнацыянальных і рэлігійных адносін у Рэспубліцы Беларусь». Было вырашана правесці гэтыя даследаванні [22, арк. 49].

Пасля правядзення ў 1996 г. рэферэндуму адбылося змяненне назвы, паўнамоцтваў і структуры вышэйшага заканадаўчага органа краіны. У Палаце прадстаўнікоў Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь была створана Пастаянная камісія па правах чалавека, нацыянальных адносінах і сродках масавай інфармацыі. У Савеце Рэспублікі міжнацыянальныя адносіны ўваходзяць у круг пытанняў Пастаяннай камісіі па адукацыі, навуцы, культуры і сацыяльным развіццям.

Парламенцкія камісіі Рэспублікі Беларусь, якія адказвалі за нацыянальнае пытанне, у розны час свайго дзейнасці прымалі ўдзел у падрыхтоўцы і распрацоўцы праектаў законаў «Аб грамадзянстве Рэспублікі Беларусь» (прыняты ў 1991 г.), «Аб мовах» (1990 г., змяненні і дапаўненні 1998 г.), «Аб культуры» (1991 г., 2001 г.), «Аб адукацыі» (1991 г.), «Аб ахове гісторыка-культурнай спадчыны» (1992 г., 2006 г.), «Аб прававым становішчы замежных грамадзян і асоб без грамадзянства ў Рэспубліцы Беларусь» (1993 г., 2005 г.), «Аб грамадскіх аб'яднаннях» (1994 г., 2004 г.), «Аб бежанцах» (1995 г., 1999 г.), «Аб дзяржаўнай службе» (2003 г.), «Аб супрацьдзеянні экстрэмізму» (2007 г.), у якіх адлюстраваны пэўныя аспекты рэгулявання міжнацыянальных адносін [5, с. 189–190; 6, с. 71–76; 7, с. 10–21].

Заклучэнне

Такім чынам, вышэйшы заканадаўчы орган Рэспублікі Беларусь з першых дзён свайго стварэння забяспечыў падтрымку ініцыятыў і працэсу супрацоўніцтва з нацыянальнымі грамадскімі аб'яднаннямі для захавання ў беларускім грамадстве стабільнасці і дыялогу паміж прадстаўнікамі розных нацыянальных супольнасцей і ўладамі. Да моманту стварэння ў сярэдзіне 1990-х гг. органаў выканаўчай улады, адказных за правядзенне нацыянальна-канфесійнай палітыкі, парламенцкія структуры выконвалі асноўную ролю па рэгуляванні міжнацыянальных адносін.

З чэрвеня 1990 г. у структуры заканадаўчай улады Беларусі былі ўтвораны пастаянныя камісіі, сярод якіх – Камісія па нацыянальнай палітыцы і міжнацыянальных адносінах, з лютага 1993 г. – Камісія па нацыянальнай палітыцы і пытаннях СНД, са студзеня 1996 г. – Камісія па правах чалавека, нацыянальных пытаннях, СМІ, сувязях з грамадскімі аб'яднаннямі і рэлігійнымі арганізацыямі. Сёння профільнай структурай у Палаце прадстаўнікоў Нацыянальнага сходу Рэспублікі Беларусь з'яўляецца Пастаянная камісія па правах чалавека, нацыянальных адносінах і сродках масавай інфармацыі, у Савеце Рэспублікі міжнацыянальныя адносіны з'яўляюцца прадметам разгляду Пастаяннай камісіі па адукацыі, навуцы, культуры і сацыяльным развіццям.

Аналіз крыніц дазваляе сцвярджаць, што дэпутаты імкнуліся ўважліва і ўсебакова разглядаць прапановы і ініцыятывы грамадзян і нацыянальных арганізацый, праекты законаў. Яны прымалі рашэнні ўзважана, з улікам дзяржаўных інтарэсаў, а таксама грамадска-палітычнай і эканамічнай сітуацыі ў рэспубліцы. У пэўныя перыяды сваёй дзейнасці парламенцкія камісіі недастаткова займаліся праблемамі нацыянальных супольнасцей. Тым не менш у выніку іх дзейнасці ў Рэспубліцы Беларусь створана неабходная заканадаўчая база для развіцця нацыянальных супольнасцей і забеспячэння іх належнага статусу. У выніку правядзення дзяржаўнай нацыянальнай палітыкі, якая забяспечвала задавальненне культурна-асветных і грамадскіх запатрабаванняў нацыянальных супольнасцей з улікам агульнанацыянальных інтарэсаў краіны, у беларускім грамадстве склаліся стабільныя міжнацыянальныя адносіны.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1. Бурая, Н.В. Уплыў дзяржаўнай палітыкі на развіццё нацыянальны і канфесіянальных адносін у Беларусі (1992–2004 гг.) / Н.В. Бурая // *Весці БДПУ. Сер. 2.* – 2007. – № 1. – С. 46–49.
2. Иоффе, Э.Г. Проблемы реализации прав национальных общностей и законодательство Республики Беларусь / Э.Г. Иоффе // *Чалавек. Грамадства. Свет.* – 2005. – № 1. – С. 58–62.
3. Лившиц, А. Развитие белорусского законодательства против антисемитизма, расовой и национальной вражды или дискриминации / А. Лившиц // *Беларусь у XX стагоддзі. Вып. 1.* – Мінск : Водoley, 2002. – Вып. 1. – С. 110–114.
4. Макрушич, Е.Н. Этнокультурная политика в отношении национальных меньшинств в Республике Беларусь (1995–1998 гг.) / Е.Н. Макрушич // *Весн. Гродзен. дзярж. ун-та імя Я. Купалы. Сер. 1. Гісторыя. Філасофія. Паліталогія.* – 2008. – № 1. – С. 49–55.
5. Осипов, А. Этнокультурная политика в Беларуси: сопоставление с международным контекстом / А. Осипов // *Вопросы меньшинств в Республике Беларусь, Европе и мире / сост., авт. предисл. А. Осипов, А. Василевич.* – Минск : Медисонт, 2012. – С. 171–198.
6. Пушкін, І.А. Заканадаўчыя асновы міжнацыянальных адносін у Рэспубліцы Беларусь (1991–2010 гг.) / І.А. Пушкін // *Весн. Брэсц. ун-та. Сер. 1. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія.* – 2012. – № 1. – С. 70–79.
7. Пушкін, І.А. Нацыянальныя супольнасці Беларусі: грамадска-палітычная і культурна-асветніцкая дзейнасць (1990–2005 гг.) : манаграфія / І.А. Пушкін. – Магілёў : МДУ імя А. Куляшова, 2007. – 206 с.
8. Дакументы аб супрацоўніцтве Міністэрства культуры Рэспублікі Беларусь з культурнымі аб'яднаннямі нацыянальных меншасцей // *Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ).* – Фонд 974. – Воп. 4. – Спр. 33.
9. Звесткі аб творчай дзейнасці нацыянальных культурна-асветных аб'яднанняў у Рэспубліцы Беларусь. 2004 г. // *НАРБ.* – Фонд 974. – Воп. 4. – Спр. 474.
10. Сесіі Вярхоўнага Савета Беларускай ССР : стэнаграфічныя справаздачы. – Мінск : Беларусь, 1972–1989.
11. Пратакол пасяджэння камісіі // *НАРБ.* – Фонд 968. – Воп. 1. – Спр. 4089.
12. Пратакол пасяджэння камісіі // *НАРБ.* – Фонд 968. – Воп. 1. – Спр. 4090.
13. Пратакол пасяджэння камісіі // *НАРБ.* – Фонд 968. – Воп. 1. – Спр. 4091.
14. Матэрыялы да пасяджэння камісіі // *НАРБ.* – Фонд 968. – Воп. 1. – Спр. 4094.
15. Матэрыялы да пасяджэння камісіі // *НАРБ.* – Фонд 968. – Воп. 1. – Спр. 4095.
16. Пастанова Вярхоўнага Савета // *НАРБ.* – Фонд 968. – Воп. 1. – Спр. 4095.
17. О национальных меньшинствах в Республике Беларусь : Закон Респ. Бела-

русь, 11 нояб. 1992 г., № 1926–ХІІ : изм. и доп : Закон от 5 янв. 2004 г. № 261–3 // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 2004. – № 4. – 2/1010.

18. Аналітычная запіска аб выніках сацыялагічнага даследавання // НАРБ. – Фонд 968. – Воп. 1. – Спр. 4092.

19. Пратакол пасяджэння камісіі // НАРБ. – Фонд 968. – Воп. 1. – Спр. 4092.

20. Конституция Республики Беларусь 1994 г. : с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г. – 3-е изд. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2008. – 64 с.

21. Праграма адкрыцця літоўскага культурнага цэнтра ў Рымдзюнах // Літоўскі дзяржаўны новы архіў у г. Вільнюсе. – Фонд 78. – Воп. 1. – Спр. 163.

22. Пратакол пасяджэння камісіі // НАРБ. – Фонд 968. – Воп. 1. – Спр. 4669.

Pushkin I.A. Parliamentary Activities on Settlement of Interethnic Relations in the Republic of Belarus

For the first time in Belarusian historiography establishment and activities of supreme legislative body organizations on settlement of interethnic relations in the Republic of Belarus is analyzed. Procedure for legislative security of national minorities' rights is studied and analyzed. A conclusion has been drawn about parliamentary structures making decisions after comprehensive discussion with due regards for nationwide interests, existing political and economic circumstances in the country.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 24.01.2013

УДК 324 (575.2)

*А.Т. Осмоналиева***РОЛЬ ПРОПОРЦИОНАЛЬНОЙ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ
В РАСПРЕДЕЛЕНИИ МАНДАТОВ ЖОГОРКУ КЕНЕША**

В статье рассматриваются достоинства и недостатки избирательных систем в распределении мандатов Жогорку Кенеша. Речь идет о преимуществах пропорциональной избирательной системы перед мажоритарной, раскрываются понятия «избирательные системы», «избирательное право», «выборы» в контексте развития демократических процедур в политической системе Кыргызской Республики.

Введение

Политический кризис 2010 г. привел к тому, что, согласно новой Конституции, Кыргызстан стал республикой с преимущественно парламентским правлением, в которой президент имеет только представительские функции, а многое зависит от политических партий.

Мы рассмотрим избирательную кампанию в представительный орган Жогорку Кенеш (Парламент) Кыргызской Республики на примере прошедших выборов 10 ноября 2010 г. Положение о выборах изменило систему правового регулирования порядка проведения выборов в высший орган государственной власти Кыргызской Республики. Выборы принесли практически непредсказуемые результаты, так как люди голосовали не за конкретную личность, а за политическую партию. Таким образом, результаты парламентских выборов во многом зависели от избирательной системы.

Термин избирательная система используют в двух смыслах: широком и узком. В широком смысле избирательная система – это урегулированный правовыми и иными нормами весь порядок выборов. В узком – это способ распределения депутатских мандатов между кандидатами в зависимости от результатов на выборах [4, с. 450].

Общеизвестно, что мире существуют мажоритарная, пропорциональная и смешанная избирательные системы. В основе мажоритарной избирательной системы лежит принцип большинства. Избранными считаются те кандидаты, которые получили установленное большинство голосов избирателей; в зависимости от того, какое это большинство (относительное, абсолютное, квалифицированное), данная система имеет свои разновидности.

Идея пропорциональной избирательной системы в том, что каждая политическая партия должна получить в Парламенте или в ином представительном органе число мандатов, пропорциональное числу отданных за нее голосов избирателей. Данная избирательная система гарантирует представительство даже для относительно мелких партий. Она применяется только в государствах с развитой партийной системой и в многомандатных избирательных округах, и чем больше избирательный округ, тем большая степень пропорциональности может быть достигнута. При данной системе в избирательных бюллетенях печатается не весь список кандидатов, а лишь название политической партии и несколько фамилий ее лидеров. Надо отметить, что такая система на территории Кыргызстана впервые применялась в 2007 г., когда проводились досрочные выборы в Жогорку Кенеш Кыргызской Республики.

Многообразие сложившихся в мире избирательных систем обусловлено, в первую очередь, тем, что абсолютно одинаковых государств не существует, как не существ-

---

Научный руководитель – Л.Е. Криштапович, доктор философских наук, профессор, заместитель директора Информационно-аналитического Центра при Администрации Президента Республики Беларусь

вует абсолютно одинаковых политико-правовых, исторических, культурных, экономических условий в разных странах. Так и модель избирательной системы, заимствованная у других государств, приобретает на новой почве и в новых условиях совершенно иное значение и форму, нежели в других государствах. Кроме того, законодатель каждой страны стремится максимально отразить сложившуюся политико-правовую ситуацию в государстве, национальные особенности в избирательной системе. Тем не менее в теории выработаны общие правила использования избирательных систем, основанные на изучении последствий их применения в отдельных странах.

В качестве достоинства мажоритарной избирательной системы многие политики выделяют то, что она позволяет персонифицировать выборы. Избиратели обращают внимание на личные качества кандидата: его имидж, социальное положение, его ораторские способности, предвыборную кампанию. Еще один плюс этой избирательной системы: подсчитывать голоса избирателей согласно формуле большинства достаточно просто. Простота данной формулы способствует осуществлению всем понятного и результативного контроля за ходом проведения выборов, что позволяет укрепить доверие избирателей.

Недостатками же считается то, что при мажоритарной избирательной формуле большая часть избирателей остается непредставленной в органах власти. Например, применяя мажоритарную систему относительного большинства, может сложиться такая ситуация, что в одномандатном избирательном округе, насчитывающем 150 000 избирателей, 5 кандидатов получают следующее число голосов: X – 50 000, Q – 28 000, Y – 35 000, Z – 15 000, R – 22 000. Депутатский мандат получит кандидат X, который набрал наибольшее число голосов избирателей по сравнению с другими кандидатами. Однако реально большинство проголосовало не за него, и голоса, поданные не за победившего кандидата, «пропали» [13, с. 30–37].

Н.М. Коркунов считал, что при мажоритарной системе возникает опасность подчинения большинства меньшинству, и показал это на конкретном примере: «Если 500 членов парламента избраны большинством 6 миллионов избирателей из общего их числа 10 миллионов, а решение поставлено большинством 300 депутатов, получивших 3/5 общего числа голосов, решение это выражает собой мнение не всех 6 миллионов граждан, избравших 500 представителей, а только 3/5 избирателей, составивших на выборах большинство», – т.е. 3 600 000 избирателей, или другими словами, меньшинства. Вообще, если представители избраны большинством 2/3, то только их решение, принятое большинством не менее 4/5, будет выражать мнение большинства (8/15) избирателей. Решение же, принятое даже большинством 2/3, будет выражать мнение только меньшинства (4/9) избирателей» [8, с. 12].

Позитивные стороны мажоритарной системы в значительной степени нивелируются негативными. Мажоритарная система не дает адекватного представления о расстановке политических сил в стране. Многие политические партии оказываются вытесненными за пределы парламентской деятельности. Тем самым создаются возможности для подмены политического консенсуса как важнейшего фактора стабильности в обществе парламентским диктатом по отношению к значительной части населения. Ослабляя систему обратной связи, такая подмена негативно сказывается на функционировании политической системы в целом [2, с. 17].

Е.И. Колюшин отмечает, что пропорциональные избирательные системы основаны на установлении прямой пропорции между числом голосов избирателей, поданных за список кандидатов, и числом депутатских мандатов, которое получает соответствующий список кандидатов. Он считает, что эти системы более демократичны по сравнению с мажоритарными [6, с. 170].

По мнению А.А. Машина, главное отличие пропорциональных избирательных систем от мажоритарных состоит в том, что они строятся не на принципе большинства, а на принципе пропорциональности между полученными голосами и завоеванными мандатами. Применение пропорциональных систем позволяет добиться относительного соответствия между количеством голосов и количеством мандатов. Пропорциональная система, если она не искажена различного рода дополнениями и поправками, дает относительное верное отражение в представительном органе действительного соотношения политических сил. При пропорциональной системе создаются большие округа, от каждого из которых избирается несколько депутатов: чем больше округа, тем отчетливее проявляются преимущества пропорционализма. В идеальном случае вся страна превращается в единый избирательный округ [14, с. 197].

Мы считаем, что при мажоритарной избирательной системе избирательная кампания имеет сходство с продвижением нового товара на рынок в ходе массивной рекламной кампании одного кандидата. Кроме того, цель кампании не просто обеспечить выбор избирателей в пользу кандидата, а добиться этого в конкретный день и на конкретном избирательном участке. При пропорциональной избирательной системе с этим проще: там «товаром» являются не конкретные личности, а преимущественно партии. Выбор товара иногда происходит на всю жизнь, и для избирателей часто совершенно все равно, кого именно они реально выбирают под своим любимым «торговым знаком».

На выборах по мажоритарной избирательной системе побеждает не конкретный человек, а миф об этом человеке, мощное отражение раскручиваемого образа в общественном сознании. В результате специалистами создается политический положительный имидж кандидата. Имидж, или образ, кандидата включает внешность, должность, профессию и предвыборную программу, биографию, свершения, хобби, манеру вести беседу, комплекс убеждений, намерений и многое другое, а также «легенду» реальные или мифологизированные события из жизни кандидата, которые делают его в общественном сознании более достойным высокой должности, чем остальные претенденты. Другими словами, образ кандидата – это публичная сторона его личности, обращенная непосредственно к избирателям [12, с. 51].

Для эффективного проведения выборной кампании по мажоритарным округам в представительные органы власти потребуются помещения для размещения главного (в административном центре) и региональных (в крупных городах) штабов групп поддержки кандидата. Для привлечения на свою сторону избирателей кандидату понадобятся команда, разветвленная структура и специалисты в разных направлениях.

Например, «теневой кабинет». Как правило, каждый кандидат, решивший добиться поста в органах власти через участие в выборах, приходит к этому решению не по наитию и капризу, а в результате каких-то консультаций с лидерами общественных организаций, предпринимательских структур, институтов власти, руководителями СМИ. Именно эти люди, напрямую не участвующие в избирательной кампании и часто даже предпочитающие «не светиться» рядом с кандидатом, образуют его «теневой кабинет». От него зависят финансирование избирательной кампании, программные установки кандидата, многие его действия в случае избрания. Руководитель кампании и его специалисты обычно привлекаются по найму [12, с. 106]. В результате в представительный орган кандидат проходит вместе с «теневым кабинетом», а нанятые специалисты и их руководители, которые эффективно провели выборную кампанию, продолжают заниматься тем, чем они и занимались до выборов. Ведь они были привлечены временно и за определенное денежное вознаграждение. Заметим, что зачастую, после того как кандидат становится парламентарием, значительная часть его энергии расходуется на решение личных задач и вопросов, интересующих членов «теневого кабинета».

В связи с этим мы считаем, что так называемый «кот в мешке» – это кандидат, избранный в представительные органы по мажоритарной избирательной системе.

Международные избирательные стандарты признают демократичной модель пропорциональной избирательной системы, при которой достигается максимальная представительность парламента, рассчитываемая на основе точных математических индексов, позволяющих сравнить представительность парламентов, избранных по различным видам пропорциональной системы. К началу XX в. насчитывалось 152 разновидностей пропорциональной системы [11, с. 512].

Конкретную разновидность пропорциональной избирательной системы в государстве определяет сочетание различных методов распределения мандатов как между списками (методы наибольшего остатка – квоты): квота Хэра, квота Друпа, квота Импералли, квота Гогенбаха-Бишофа; метод наибольшего среднего (правило д'Ондта); методы делителей (метод наибольшего делителя – метод Джефферсона; метод наименьшего делителя – метод Адамса; метод среднего арифметического – метод Уэбстера; метод среднего геометрического – метод Дина); датская система; система Сент-Лаге; модифицированная система Сент-Лаге, так и внутри списков (жесткие списки с или без региональных групп и гибкие списки с преференциальным голосованием или панашированием) [9, с. 24].

Для того, чтобы не допустить чрезмерного дробления депутатского корпуса в парламенте на большое число мелких партийных фракций, при пропорциональных избирательных системах используется правило заградительного пункта, согласно которому партии, получившие на выборах менее определенного процента голосов избирателей, не участвуют в распределении депутатских мест, а сами голоса, поданные избирателями за эти партии, не учитываются. Например, заградительный порог в Дании равен 2%; в Венгрии, Болгарии, Украине и Молдове – 4%; в Германии и Италии – 5%. В Казахстане и Грузии был введен заградительный порог 7%, а в Турции установлен один из самых высоких избирательных порогов, который равен 10% [3, с. 276].

В Кыргызстане депутатские мандаты получают лишь те, кто сумеет получить поддержку не менее 5% (приблизительно 136 тыс. чел.) от общего числа избирателей страны, а также не менее 0,5% (приблизительно 14 тыс. чел.) от числа избирателей в каждом из 9 регионов (7 областей, города Бишкек и Ош) [1, с. 1–2].

Мы считаем, что положительной стороной пропорциональной системы является возможность всем политическим организациям, пользующимся поддержкой избирателей, провести своих депутатов в представительные органы власти, обеспечивая тем самым при принятии решений учет мнений различных слоев населения. Следовательно, лидер партии, определяя партийный список, будет стремиться, чтобы в нем были представлены все основные профессиональные, политические, человеческие и другие качества кандидата.

Многое было сделано для того, чтобы партии в Кыргызстане начали осознавать и формировать свою партийную политику. Люди, порой не зная о политической платформе той или иной партии, голосуют за конкретную личность. Партия – это единственно признанный сегодня двигатель в обществе, отмечает экс-президент Кыргызской Республики Р. Отунбаева [10, с. 3].

Согласно Конституционному Закону Кыргызской Республики «О выборах в Жогорку Кенеш Кыргызской Республики», при определении списка кандидатов политическая партия обязана учесть представительство: 1) не более 70 процентов лиц одного пола, при этом разница очередности в списках кандидатов женщин и мужчин, выдвинутых от политических партий, не должна превышать трех позиций; 2) не менее 15 процентов лиц не старше 35 лет; 3) не менее 15 процентов граждан, имеющих различную национальную принадлежность; 4) не менее 2 кандидатов – лица с ограниченными воз-

возможностями здоровья, при этом один из них должен быть включен в список первых 50 кандидатов. Общее число кандидатов, выдвигаемых политической партией по списку, не может быть менее 120 и более 200 [7, Ст. 60, п. 3].

Стоит заметить, что лидеры партий стараются получить в союзники бизнесменов, руководителей крупных, средних и мелких предприятий. У этой весьма активной группы людей имеются полезные контакты, у них большие финансовые возможности, в ее руках все, что понадобится для работы полноценной партии. Членами партии также привлекаются уважаемые и популярные люди районов или городов. Это могут быть писатели, музыканты, журналисты, спортсмены, директора предприятий – лица, которые не нуждаются в дополнительной рекламе, создании имиджа.

Вариантов пропорциональных систем несколько, но суть их одинакова: при использовании пропорциональной избирательной системы мандаты распределяются между политическими партиями пропорционально числу полученных голосов избирателей в масштабах всей страны. Ведущие политические партии становятся равнозначными в борьбе за голоса и вынуждены считаться с общественным мнением. Теперь граждане будут голосовать не за «хорошего парня», а за политическую идею, политическую программу, представленную политической партией, которая допущена к участию в выборах [15, с. 142].

Так, например, на выборы в Жогорку Кенеш, которые были назначены на 10 октября 2010 г. Указом Президента Кыргызстана «О назначении выборов депутатов Жогорку Кенеша Кыргызской Республики» от 9 августа 2010 г. изъявили желание участвовать 57 политических партий (из 140). Из них Центральной избирательной комиссией были зарегистрированы 29 политических партий.

В Жогорку Кенеш прошли пять политических партий: «Ата Журт» набрала голосов на 28 мандатов, «СДПК» на втором месте – 26 мандатов, «Ар-Намыс» получила 25 мандатов, «Республика» – 23 и «Ата-Мекен» – 18. Остальные 24 партии не преодолели пятипроцентного барьера и не получили права быть представленными в парламенте. 1 ноября 2010 г. Центральная избирательная комиссия объявила официальные итоги выборов депутатов Жогорку Кенеша Кыргызской Республики 10 октября 2010 г. (таблица).

Таблица – Итоги парламентских выборов 2010 г. [16]

№	Политическая партия	Число голосов, отданных за партийные списки		Число мандатов
		«За»	%	
1	Ата Журт	257 175	8,47	28
2	Социал-демократическая партия Кыргызстана	236 634	7,83	26
3	Ар-Намыс	226 916	7,57	25
4	Республика	210 594	6,93	23
5	Ата-Мекен	166 714	5,49	18
6	Бутун Кыргызстан	145 461	4,48	–

При применении пропорциональной избирательной системы существует возможность сформировать парламент, политический состав которого адекватно отражает политический плюрализм общества. Это позволяет отразить интересы значимых групп населения, в том числе не имеющих ярко выраженной территориальной концентрации. Обе системы имеют свои преимущества и недостатки. В контексте обсуждаемой темы необходимо отметить, пишет Г.А. Василевич, что предпочтительнее совершенствовать ту систему, которая уже прижилась, обеспечивать более строгий контроль за проведе-

нием выборов по той системе, которая уже апробирована, устранив имевшие место недостатки [4, с. 452].

Г.Т. Исакова считает, что на действие избирательной системы влияют идеологическая, национальная, региональная, языковая, социальная структура общества, а также стабильность страны, партийная система; являются ли партии сильными, влиятельными или молодыми, еще не состоявшимися, общенациональными и признанными или региональными. Таким образом, продолжает она, выбор избирательной системы не является чисто техническим решением. От этого может зависеть функционирование политической системы в целом. Пригодная для страны избирательная система может быть подобрана не вслепую, а с учетом опыта и оценки конституционного дизайна других государств, стремящихся к демократическому правлению или достигших его [5, с. 212–213].

Выводы

Следует отметить, что парламентские выборы в Кыргызской Республике с использованием пропорциональной системы способствовали институциональному развитию политических партий, укреплению их связей с электоратом.

В условиях пропорциональной избирательной системы все политические партии, заручившись поддержкой избирателей, имеют возможность участвовать в выборах и провести своих представителей в органы власти. Однако, на наш взгляд, применение неоправданно большого «заградительного» барьера априори может обеспечить победу более крупным партиям, что, в свою очередь, может привести к нарушению принципа равенства политических партий, как в случае с мажоритарной избирательной системой.

Последние выборы в Жогорку Кенеш проводились согласно Декрету Временного Правительства Кыргызской Республики «О внесении дополнений и изменений в Кодекс о выборах в Кыргызской Республике» от 1 июля 2010 г. № 94. Где заградительный барьер не превышал 5% по республике и 0,5% по областям городам Ош и Бишкек. По нашему мнению, не стоит поднимать «заградительный» барьер более 5% по республике и 0,5% по городам Ош и Бишкек.

Анализируя и оценивая, таким образом, характерные особенности мажоритарной и пропорциональной избирательных систем, мы отмечаем, что мажоритарная избирательная система менее всего способствует появлению, развитию и функционированию политических партий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Атамбаев, А. Плечом к плечу / А. Атамбаев // Кыргызстан-2010. – Бишкек, 2010.
2. Борзова, Е.П. Политические и избирательные системы государств мирового сообщества : учеб. пособие / Е.П. Борзова. – СПб. : СПбГУКИ, 2004. – 483 с.
3. Основы идеологии белорусского государства : учеб. пособие / под общ. ред. Г.А. Василевича, Я.С. Яскевич. – Минск : РИВШ, 2004. – 477 с.
4. Василевич, Г.А. Конституционное право Республики Беларусь / Г.А. Василевич. – Минск : «Книжный Дом»; «Интерпрессервис», 2003. – 832 с.
5. Исакова, Г.Т. Выборы и демократия в Кыргызстане. Конституционный дизайн президенско-парламентских отношений. – Бишкек : Бийиктик, 2003. – 616 с.
6. Колюшин, Е.И. Конституционное право России : курс лекций / Е.И. Колюшин. – М. : Городец, 1999. – 416 с.
7. Конституционный Закон Кыргызской Республики «О выборах Президента Кыргызской Республики и Жогорку Кенеша Кыргызской Республики» // [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.shailoo.gov.kg/index.php?module=content&page=Konstitutionnyu_Zakon_Kyrgyzskoy_Resp... – Дата доступа : 15.12.2010.

8. Коркунов, Н.М. Пропорциональные выборы / Н.М. Коркунов. – СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1896. – 95 с.
9. Котегова, М.А. Пропорциональная избирательная система: российский и зарубежный опыт : автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12. 00. 02 / М.А. Котегова. – М., 2007. – 24 с.
10. Лунева, Г. Роза Отунбаева: «Общество должно выдвигать политикам высокую нравственную планку» / Г. Лунева // Слово Кыргызстана. – 2011. – № 134. – С. 3.
11. Маклаков, В.В. Избирательное право и избирательные системы буржуазных и развивающихся стран / В.В. Маклаков. – М., 1987.
12. Максимов, А.А. «Чистые» и «грязные» технологии выборов: российский опыт / А.А. Максимов. – М. : Дело, 1999. – 444 с.
13. Малишевский, Н.Н. Выборы: избирательные технологии : монография / Н.Н. Малишевский [и др.]; под. ред. Н.Н. Малишевского. – Минск : Академия управления при Президенте Респуб. Беларусь, 2010. – 161 с.
14. Мишин, А.А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран : учебник для вузов / А.А. Мишин. – М. : Юстицинформ, 2009. – 560 с.
15. Осмоналиева, А.Т. Роль и значение лидера в политической власти, в преддверии парламентских выборов Кыргызстана / А.Т. Осмоналиева // Социальные и гуманитарные науки. – Бишкек : МОиН КР. – 2011. – № 1–2. – С. 140–142.
16. Шепеленко, А. Момент истины от Центризбиркома / А. Шепеленко // Слово Кыргызстана. – 2010. – № 97. – С. 1.

Osmonaliev A.T. The Role of the Proportional Election System in the Distribution of Mandates Parliament

The article discusses the advantages and disadvantages of electoral systems in the distribution of seats of Parliament. Where it comes to the advantages of the proportional election system, before the majority. This article discusses the concept of «electoral system», «electoral right», «elections» in the framework of the development of democratic processes in the political system of the Kyrgyz society.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 03.01.2013

УДК 31:001+316.28

Н.А. Пипченко

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОГО НЕРАВЕНСТВА

В статье проанализировано влияние «цифрового неравенства» на осуществление эффективной политической коммуникации, а также раскрыта суть термина «цифровое неравенство». Обоснована необходимость разработки стратегии развития электронного управления для расширения отношений между государством и гражданами, оказания государственных услуг в режиме он-лайн, а также определены некоторые методы преодоления цифрового неравенства.

Информационно-коммуникационные технологии (далее – ИКТ) стали мощным инструментом глобальных общественных изменений, влияющих на деятельность демократических институтов. Поэтому важно обратить внимание на неоднозначный характер политических последствий для развития сферы социальных связей индивида. Рост цифрового неравенства, который связывают исключительно с технологическим отставанием одних слоев общества (государств) от других, влияет на «включение» граждан в политический процесс, который осуществляется с помощью современных информационно-коммуникационных средств. Дальнейшее увеличение информационного разрыва может привести к «исключению» определенных слоев общества из процесса политических коммуникаций и автоматически ставит под сомнение возможность практического и эффективного воплощения принципов «народного суверенитета». Однако государство заинтересовано в максимальном включении ее граждан в формализованные процессы политических коммуникаций, потому что «исключения граждан» может привести к усилению недовольства в обществе и социальной напряженности.

Цифровое неравенство, или информационное неравенство (от англ. digital divide), означает ограничение возможностей социальной группы или страны из-за отсутствия доступа к современным средствам коммуникации. В русском языке не сложилось единого эквивалента устойчивому понятию «digital divide», поэтому используются словосочетания «цифровой барьер», «цифровое неравенство», «цифровой разделение», «цифровой разрыв», «цифровая пропасть», «информационная пропасть». Сейчас «digital divide» является термином, который имеет оттенок социально-политического характера, потому что из-за ограничения доступа к телевидению, Интернету, телефонной связи (мобильной и стационарной) или радио социальная группа или индивид теряют возможности поиска работы, налаживания социальных связей, что отрицательно влияет на экономическую эффективность государства, развитие и сохранение культуры, общий уровень образования [1; 2]. По мнению М. Кастельса, современная глобальная тенденция развития мира заключается в том, что к сети информационной экономики привлечены социумы, которые представляют для нее ценность (тем самым они обладают дополнительной стоимостью) и находятся за ее пределами, и те социумы, которые не обладают такой ценностью (тем самым еще больше уменьшаются их шансы получить какую-нибудь стоимость) [1].

Авторами, которые разработали методологическую основу исследований информационного общества, являются Д. Белл, П. Дракер, Н. Луман, М. Маклюэн, М. Кастельс, Ю. Хаяши, Э. Тоффлер, А. Турен. Теорией информационного общества также занимались такие известные ученые, как Р. Катц, Й. Масуда, М. Порат, Т. Стоуньер. Проблемы функционирования Интернета как политического института исследуют западные ученые А. Абрамсон, Ф. Артертон, К. Орден, П. Джарвис, украинские исследователи С. Кашавцева, В. Королько, Т. Рудницкая, Е. Макаренко, А. Силенко, Д. Дубов. Вли-

янию Интернета на политический процесс посвящены работы Е. Коррадо, Х. Рейнгольда, Ч. Фаерстона. Интернет как фактор общественных трансформаций анализируется российскими учеными Г. Вайнштейном, А. Чугуновым. Политически активную роль информационных технологий в децентрализации и демократизации жизни современного поколения раскрывают Дж. Гэлбрейт, Ф. Фукуяма, Л. Лейдесдорф [1–12].

В научной литературе политическое развитие определяется как «нарастание способности политической системы приспособиться к социальным условиям, которые изменяются, при сохранении и увеличении возможностей для элит и рядовых граждан выполнять свои специфические функции в деле управления обществом и государством» [13]. В связи с этим выделяют такие политические изменения: нарушение соотношения элементов, обеспечивающих равновесие системы, не затрагивает основные структуры общества и власти, т.е. при изменении лидеров, правительства, отдельных институтов не происходит изменения базовых ценностей, норм и способов организации власти; трансформация основных элементов системы, базовых институтов, норм и коммуникаций содействует качественному изменению системы [13]. Таким образом, политическая система должна быть способной удовлетворять интересы социальных групп, положение которых может изменяться в связи с территориальным перемещением, ростом уровня образования, улучшением профессиональной подготовки и т.д. При этом эффективность власти напрямую зависит от средств информационного обмена, установления и поддержания постоянных связей между ее субъектами, поскольку власть невозможно представить без опосредованных форм общения и специальных средств связи между различными носителями власти, а также между государством и обществом [14].

Проблемы политического развития стран в переходных условиях нашли отражение в теории модернизации, что является, согласно В. Пугачеву и А. Соловьеву [13; 15], совокупностью различных схем и моделей анализа, раскрывающих динамику преодоления отсталости традиционных государств. Отмечая множество подходов к описанию переходных процессов, следует заметить, что у них есть и общее: все они признают неравномерность общественного развития, а также необходимость преобразования (модернизации) по примеру индустриальных (постиндустриальных) стран. Учитывая факторы, осложняющие проблему цифрового неравенства, а именно: низкий материальный уровень жизни в развивающихся странах; отставание этих стран от современной коммуникационной инфраструктуры; низкий уровень образования населения и, как следствие, нехватка необходимых для развития и использования ИКТ квалифицированных специалистов; языковой барьер, – можно сделать вывод, что в ближайшие годы информационное общество для одних стран станет реальностью, а для других – только ориентиром развития [2]. Таким образом, проблема цифрового неравенства приведет к углублению других видов неравенства – экономического, социального и культурного.

По мнению западных исследователей, которые прогнозируют социальные изменения, вызванные развитием сетевых средств связи, ожидается ускорение темпов политических, экономических, религиозных и культурных перемен в государстве или регионе за счет скорости распространения информации; снижение достоверности в связи с тем, что быстрота и легкость передачи и воспроизведения всех видов информации приводит к соблазну ее исказить. Сюда же можно добавить проблему соблюдения авторского права; расширение возможностей компьютерной преступности; уменьшение аудитории телевидения и увеличение популярности радиостанций; снижение воздействия газет: увеличение прибыли от рекламы; рост количества баз данных о рядовых гражданах, что приводит к потере личной свободы, но способствует росту стоимости таких баз данных. Вместе с тем нельзя не учитывать, что благодаря этим цифровым «отпечаткам пальцев» можно быстро собирать огромное количество данных медицинского, демографического, политического и социального характера, отыскивать и задержи-

вать преступников, осуществлять контроль над эпидемиями и т.д. Углубление разрыва между лицами, которые владеют коммуникационными навыками и являются конкурентоспособными на рынке труда, и лицами, которые подобных навыков не имеют, может способствовать появлению новой формы изоляции индивидов, которые сформируют в обществе отдельную социальную группу; рост числа людей, которые работают дома с помощью персональных компьютеров, приводит как к уменьшению транспортных расходов, повышению общественной стабильности, так и к обострению проблем социальной защиты (медицинское страхование и пенсионное обеспечение) и психологической нагрузке на индивида и его семью за счет сокращения общения [10].

Анализируя особенности влияния информационной революции на политическую сферу, можно отметить, что политически значимые проблемы, возникающие в результате информационно-коммуникативной революции, очень разные и внутренне противоречивые. Так, быстрое развитие электронной коммерции и возникновение в связи с этим миллионов новых рабочих мест входит в противоречие с традиционными инструментами государственного регулирования экономикой. Следствием свободы выбора и самореализации в виртуальном пространстве стал упадок моральных устоев общества. Эти и другие проблемы характеризуют политическое измерение глобальных коммуникаций в той мере, в которой они требуют новых подходов в сфере политического регулирования, сложных публичных решений, совместных усилий общественных и государственных институтов на национальном и межгосударственном уровнях.

Политические последствия электронной экспансии не могут оцениваться однозначно. С одной стороны, широко распространяются идеи и образы «цифровой политики», «цифровой демократии», «цифрового политического пространства», которые реализуются через развитие электронной коммерции, становление массового и сетевого общества и т.д.. С другой стороны, прогнозируются неизбежность сверхцентрализации власти, монополизация информационного пространства, контроль над индивидуальным сознанием, тотальное использование манипулятивных методов, усиление культурного империализма и укоренения медиакратии (уничтожение в ближайшем будущем всех исторических завоеваний демократии) [15].

Проблема «цифрового неравенства» начала рассматриваться после публикации в июле 1999 г. в США результатов исследования об использовании телекоммуникационных технологий в государстве. Доклад, подготовленный Министерством торговли США, назывался «Провал в сети: установка цифрового неравенства» и содержал статистические данные о существовании неравенства среди граждан США в сфере использования информационных и телекоммуникационных технологий (ИКТ) на основе экономических, расовых и других демографических различий [16]. Развитие сети Интернет и ИКТ содействовали смещению акцента на технологическое неравенство между странами, что способствовало дальнейшему углублению экономического и социального неравенства, результатом чего стал рост нестабильности в мире. Для преодоления этих проблем на международном уровне в июле 2000 г. в Окинаве на саммите стран Большой восьмерки была принята «Хартия глобального информационного общества» [17], в которой понятие «цифровое неравенство» впервые было введено в мировой научный контекст, а доступность информационных технологий для людей во всем мире провозглашалась основополагающим принципом. Для решения проблемы преодоления цифрового неравенства на международном уровне была создана комиссия «Digital Opportunity Task Force», задачей которой стал поиск возможностей преодоления разрыва разных стран в доступе к информации и знаниям.

Кроме того, в США была разработана программа по преодолению глобального информационного разрыва, в которой приняли участие ведущие американские компании, работающие в сфере информационных технологий, чтобы оказывать технологиче-

скую помощь странам и регионам, в которых остро ощущаются проблемы цифрового неравенства, в частности, Индия, КНДР, Филиппины, Колумбия и Южная Африка. По мнению экспертов, основными препятствиями на пути широкого использования информационных технологий в любом государстве являются низкая активность правительственных структур в сфере развития сети Интернет на государственном уровне, неупорядоченное законодательное поле, неадекватная и непомерно дорогая телекоммуникационная инфраструктура, высокая стоимость услуг интернет-провайдеров, низкий уровень жизни граждан. На Всемирном саммите ООН по информационному обществу (WSIS) в декабре 2003 г. по инициативе большинства стран-участниц была принята декларация, которая призывала западные страны сделать все, чтобы преодолеть «цифровое неравенство» до 2012 г. [18]. Однако ведущие европейские страны и Япония даже не делегировали на этот саммит своих официальных представителей.

В декларации утверждалось, что цифровое неравенство проявляется не только в форме ограничения доступа к ИКТ из-за низкого уровня экономического развития страны, но и через ограничение доступа населения к сети Интернет в отдельных странах мира. Например, контроль над доступом к сети Интернет и жесткая цензура контента информационных сообщений осуществляется в таких странах как Китай, Куба, Саудовская Аравия, Вьетнам, Сирия, Тунис. Сеть Интернет рассматривается как угроза национальной безопасности, поэтому в Северной Корее, Лаосе и Бирме запрещено использовать всемирную сеть, к которой в этих странах имеют доступ только элитные круги, связанные с правительственными структурами. И в государствах с демократическими режимами также происходит усиление контроля за данными, размещенными в сети Интернет и установление правил управления ИТ-сектором, что связано с необходимостью предотвращения совершения террористических атак в мире [2; 3].

Таким образом, мировому сообществу необходимо разработать и реализовать стратегию развития электронного управления для расширения отношений между государством и гражданами, оказанию государственных услуг в режиме онлайн с обязательным соблюдением всех прав и свобод человека. В основе этих процессов должно находиться медиаобразование как один из главных методов преодоления цифрового неравенства. Выполнению указанных выше мер может способствовать деятельность Форума по вопросам управления Интернетом (IGF) и организации «Европейский диалог по вопросам управления Интернетом» (EuroDIG). Для преодоления цифрового неравенства необходимо, чтобы государство привлекало коммерческие структуры к единой программе использования ИКТ для получения социальных благ, в частности, нужно широко внедрять сетевую инфраструктуру, модернизировать телекоммуникационный сектор; поддерживать развитие экономики с помощью мобильных технологий [10; 16].

На современном этапе государственными органами разных стран мира предпринимаются шаги по преодолению имеющихся кризисных явлений в данной сфере: расширение возможностей для всех граждан получить базовое информационное образование, принятие комплексных государственных программ в сфере информатизации, внедрение информационных технологий в органах государственной власти и модернизация коммуникативного канала «государство – граждане». Однако часто эти меры либо внедряются непоследовательно, либо не получают достаточного бюджетного финансирования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Новая постиндустриальная волна на Западе : антология. – М. : Academia, 1999. – С. 28.
2. Сіленко, А. Соціально-політичні наслідки інформаційної революції / А. Сіленко // Політичний менеджмент. – 2005. – № 5 (14). – С. 61–74.

3. Вайнштейн, Г. Интернет как фактор общественных трансформаций / Г. Вайнштейн // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2002. – № 7. – С. 22.
4. Toffler, A. *The Third Wave* / A. Toffler. – N.Y., 1980. – P. 46 – 58.
5. Thurow, L. *Creating Wealth. The New Rules for Individuals, Companies and Countries in a Knowledge-Based Economy* / L. Thurow. – N.Y., 1999. – P. XV.
6. Белл, Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл. – М., Academia, 1999. – С. 288.
7. Гор, А. Земля на чаше весов. В поисках новой общей цели / А. Гор // *Новая постиндустриальная волна на Западе : антология*. – М. : Academia, 1999. – С. 567.
8. Мельянцева, В. Информационная революция – феномен «новой экономики» / В. Мельянцева // *МЭ и МО*. – 2001. – № 2. – С. 3.
9. Фукуяма, Ф. Доверие. Социальные добродетели и созидание благосостояния / Ф. Фукуяма // *Новая постиндустриальная волна на Западе : антология*. – М. : Academia, 1999. – С. 132.
10. Каннингэм, С. Сетевые средства связи: двенадцать способов изменить нашу жизнь / С. Каннингэм, А. Портер // *Впереди XXI век. Антология современной классической прогностики*. – М. : Academia, 2000. – С. 96.
11. Jarvis, P. *Globalization, Lifelong, Learning and the Learning Society* Routledge, 2006. – 256 p.
12. Leydesdorff, L. *A Sociological Theory of Communication: The Self-Organization of the Knowledge-Based Society*. – Universal Publishers, 2001. – 359 p.
13. Пугачев, В.П. Введение в политологию / В.П. Пугачев, А.И. Соловьев. – М. : Аспект Пресс, 1998. – С. 425.
14. Пильцер, П. Безграничное богатство. Теория и практика экономической алхимии / П. Пильцер // *Новая постиндустриальная волна на Западе : антология*. – М. : Academia, 1999. – С. 417.
15. Пугачев, В.П. Информационно-финансовый тоталитаризм: российский эксперимент по американскому сценарию / В.П. Пугачев. – Вест. МГУ. Сер. 12. Политические науки. – 1999. – № 4. – С. 25–30.
16. Коротков А.В. Преодоление цифрового неравенства как информационная стратегия современного общества : дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10 / А.В. Коротков. – Москва, 2003. – 203 с.
17. Окинавская Хартия глобального информационного общества, 2000 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iis.ru/library/okinawa/charter.ru.html>.
18. Declaration «Filling the «Democratic digital divide» // Document WSIS/PC-2/CONTR/51-E, 6 January 2003. – 5 p.

Pipchenko N.A. Implementation of Political Communication in a Global Digital Divide

In the article the impact of the «digital divide» in the implementation of an effective political communication analyzed and the concept of «digital divide» disclosed. Described the need to develop a strategy to enhance e-government relationship between the state and the citizens, provision of public services on-line and the definition of methods to overcome the digital divide.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 11.02.2013

УДК 324

А.В. Колос**СТАНОВЛЕНИЕ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ**

В статье исследуются проблемы формирования предпосылок и начального этапа осуществления внешнеэкономической политики Республики Беларусь. Показано, что изначально Правительство Беларуси рассматривало новые полномочия, предоставленные в ходе децентрализации, в качестве второстепенных. Однако затем последовал резкий поворот, выразившийся в учреждении республиканских институтов в рамках плановой системы, которые оказались недостаточно эффективными после обретения суверенитета.

Введение

Проблеме становления внешнеэкономических связей (далее – ВЭС) Республики Беларусь, иных республик, преемственности и новаций её внешнеэкономической политики (далее – ВЭП) с выходом на международную арену в роли суверенного государства уделяли внимание Ю.Н. Кудрявец, В.М. Шагалов, С.А. Ситорян и др. Ключевой тезис, подлежащий обсуждению в настоящей статье, заключается в том, что в случае Республики Беларусь внешнеэкономические полномочия национального правительства не следствие суверенитета, когда, приступая к охране границ, оно вырабатывает собственные подходы к выстраиванию ВЭС с зарубежными странами. Напротив, полномочия такого рода, являющиеся неотъемлемой частью независимости, были делегированы централизованно до её обретения.

Отправной точкой, исходя из такого понимания, служит режим государственной монополии на внешнюю торговлю, выступивший объектом трансформации. В подобных условиях Правительство Беларуси, что вполне логично, не обладало компетенцией во внешнеэкономической политике. Таковая принадлежала Министерству внешней торговли СССР, а Правительству республики была отведена роль, которая сводилась к исполнению поручений по поставкам на экспорт (суть которого была в расчёте поставками продукции за поставки из-за рубежа) и направлению запросов для приобретения импортных товаров, необходимых республике (особенно характерны заказы на поставку комплектов оборудования). Договорённости о поставках на международном уровне составляли исключительную функцию, прерогативу союзного Министерства внешней торговли. Внешнеторговая деятельность осуществлялась, преимущественно в форме товарообменных (бартерных) операций через внешнеторговые объединения (далее – В/О) – посреднические организации, которые находились в подчинении союзных органов управления. Именно В/О заключали контракты на экспортные и импортные поставки, исходя из договорённостей, достигнутых вышеназванным министерством. Таким образом, орган государственной власти и подчинённые ему организации определяли, что нужно сторонам, что, в свою очередь, может быть предложено ими для обмена, находили совпадения интересов и организовывали встречные потоки товаров.

С 1987 г. происходит демонополизация ВЭД, вследствие чего субъекты экономической деятельности (далее – СЭД) стали постепенно заниматься самостоятельно. Лейтмотивом новой политики, среди прочего, была интенсификация поступления валютной выручки для импорта товаров широкого потребления. В соответствии с постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 19.08.1986 № 991 «О мерах

Научный руководитель – И.Н. Кузнецов, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры дипломатической и консульской службы Белорусского государственного университета

по совершенствованию управления внешнеэкономическими связями» право непосредственно осуществлять экспортные или импортные операции (включая рынки, вне СЭВ) было предоставлено ряду объединений и организаций наравне с министерствами и ведомствами. А постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 17.09.1987 № 1074 «О дополнительных мерах по совершенствованию внешнеэкономической деятельности в новых условиях хозяйствования» предприятиям было разрешено направлять на экспорт машиностроительную и другую продукцию, изготовленную сверх заказа и обязательств по договорам [1]. Внешнеторговый оборот, вопреки ожиданиям, стал истощать потенциал обеспечения внутреннего потребления. Поэтому, в соответствии с постановлением Совета Министров СССР от 07.03.1989 г. «О мерах государственного регулирования внешнеэкономической деятельности», обязательными стали:

- 1) регистрация участника ВЭС;
- 2) декларирование изделий, сырья и иного имущества, экспортируемого из СССР;
- 3) квотирование и лицензирование.

Однако на планы поставок через В/О данные меры не распространялись. Учитывая то, что импорт представляет собой компонент потребления, его увеличение содействовало повышению уровня жизни граждан. Однако его покрытие поставками на экспорт отталкивалось от достигнутого уровня производства, большей частью, сырья. Некоторым участникам ВЭД ВЭС представлялись перспективной возможностью приобретения товаров производственно-технического назначения, исходя из презумпции, что они обладали передовыми характеристиками, что даже при импорте из стран Запада соответствовало действительности отчасти. Ещё одной чертой ВЭС того периода являлось специальное изготовление, отвечающее требованиям внешнего рынка. Качество изготовления в экспортном исполнении было более высоким, но сущность ВЭС заключается в том, чтобы предоставлять за рубеж товары, которые обладают конкурентными преимуществами, в первую очередь, в стране их выпуска. Такой подход в последующем придавал деформированный характер ВЭП Республики Беларусь, для которой ВЭС имеют несоизмеримо большую важность. Это объясняется той причиной, что необходимый доступ возможен на базе равных уступок суверенных политических образований, что требует, как минимум, чтобы экспортные товары были конкурентоспособными внутри республики. Не обладая возможностями протекционизма тарифными методами, национальное правительство прибегает к дотациям и субсидиям, против которых высока вероятность применения как ответных мер, ввиду дискриминации импортёров в пределах республики, так и антидемпинговых мер сдерживания за рубежом. Такие имплицитные тенденции могут, периодически актуализируясь, препятствовать гармоничному развитию ВЭС Беларуси.

Что касается национального механизма государственного управления, то он соответствовал тем задачам, которые стояли в ВЭС перед республиканскими органами власти. В качестве совещательного межведомственного органа при Совете Министров Беларуси работала Комиссия по вопросам экономических связей с зарубежными странами. В Аппарате Совета Министров существовал Отдел внешнеэкономических связей и выставок, имевший такое название до 1-й половины 1989 г. После переименования данный отдел стал называться Управление внешнеэкономической и внешнеполитической деятельностью, однако сущность его административно-вспомогательных функций осталась прежней. Для трансляции поручений, контроля их исполнения, а также для взаимодействия между органами власти республики был учрежден институт Уполномоченного Министерства внешней торговли при Совете Министров Беларуси. Кроме того, следует упомянуть об Отделе экспорта и импорта товаров в Государственном плановом комитете. На него, в частности, возлагались задачи своевременного формирования плана экспорта и валютной выручки В/О «Белорусинторг».

В соответствии с принятыми решениями наряду с либерализацией ВЭД была инициирована и децентрализация компетенции в сфере ВЭС. В сущности, Правительство Беларуси было наделено полномочиями самостоятельно посредством выстраивания отношений с правительствами зарубежных стран и осуществлять ВЭС, однако, исходя из союзных задач, наиболее важная из которых заключалась в наращивании экспорта. При Правительстве республики было образовано В/О «Белорусинторг», выступавшее агентом при взаимодействии Правительства как с иностранными СЭД, так и с СЭД, находившимися на территории республики. Расширение сферы деятельности белорусского объединения по внешней торговле, однако, также стало следствием передачи номенклатуры от различных В/О союзного подчинения [2, с. 200]. На ряде производственных объединений стали учреждаться внешнеторговые фирмы, которым вменялась в обязанность продажа продукции объединений на экспорт. Кроме того, формировался валютный фонд Совета Министров в сумме около 40% от экспортной выручки, что, с одной стороны, позволяло самостоятельно финансировать свой импорт, а с другой – лишало права обращаться в союзные В/О для закупок за рубежом. В Беларуси с 1 января 1988 г. был открыт республиканский филиал Внешэкономбанка, образованного вместо Внешторгбанка. Он обладал исключительным правом на ведение валютных операций. По состоянию на 01.01.1990 г. в нём были открыты валютные счета 650 предприятиями [3, с. 75]. С обретением суверенитета валютные расчёты также были де-монополизированы.

Кратко следует остановиться и на практике реализации предоставленных внешнеэкономических полномочий белорусским Правительством. Принцип валютной самокупаемости постепенно внедрялся в ВЭД в качестве её руководящего начала, что вело бы к автономизации республиканских органов власти, однако последними он расценивался как обременительное переложение ответственности, а на уровне СЭД его реализация в определённой степени саботировалась. В Протоколе заседания Комиссии по вопросам экономических связей с зарубежными странами Совета Министров от 18.11.1987, в частности, отмечается: «Переход к самостоятельной внешнеторговой деятельности... осуществляется медленными темпами» [4, с. 101]. Подобное положение объясняется тем, что для СЭД к поставкам на экспорт предъявлялись более высокие требования, что влекло дополнительные затраты на повышение качества продукции. Но за свою продукцию он получал внутреннюю оптовую цену (с т.н. экспортной надбавкой), которая не была связана с валютной ценой. «Отраслевые министерства и ведомства, производственные организации, получившие право выхода на внешние рынки, не добились должной эффективности ВЭС для решения народнохозяйственных задач, не уделяют должного внимания выполнению плановых заданий по экспорту и его дальнейшему развитию, проявляя стремление к импорту» [5, с. 118]. Недопоставки носили хронический характер. Основная причина просрочек, допущенных в поставках, – производственные трудности у поставщиков, связанные с обеспечением сырьём, материалами и комплектующими изделиями как по внутренней кооперации, так и закупаемых за свободно конвертируемую валюту. В этом проявляется искажённая логика планового экономического взаимодействия, переносившаяся на ВЭС: импорт – причина, а экспорт – следствие. Тогда как в действительности импорт может иметь место при условии валютных поступлений от экспорта. Дальнейшее развитие ВЭД виделось в создании совместных предприятий, что способствовало бы удовлетворению потребностей республики в товарах, привлечению техники, расширению экспортного потенциала. Тем не менее на 1 января 1990 г. лишь 3 совместных предприятия осуществляли производственную деятельность. Ввиду этого вложения иностранного капитала не стали фактором интеграции Беларуси в международную производственную кооперацию, что закономерно укрепило ориентацию республики на воссоединение связей СЭД на простран-

ве СНГ, позволившее продолжить поступательное развитие и укрепить потенциал промышленности. Новые условия, предоставленные централизованно, не внесли изменений в динамику и структуру ВЭС: не ускорились темпы, не изменились пропорции. В частности, Беларусь не могла интенсивно наращивать экспорт, т.к. не обладала большими природными запасами сырья, импорт которого представлял наибольший интерес для зарубежных СЭД.

Хотя процесс интенсификации ВЭС шёл медленными темпами, тенденции децентрализации набирали обороты, и вопрос об автономном регулировании ВЭС приобрёл особую актуальность. Принятие в 1990 г. Закона «Об основах внешнеэкономической деятельности Республики Беларусь» говорит о начале формирования самостоятельной ВЭП Беларуси, но «на основе единой валютно-денежной системы, а также сохранения единства таможенной территории» [6]. За данным событием, зафиксировавшим проявление инициативы в сфере ВЭС на уровне республики, последовало образование самостоятельного органа управления – Государственного комитета БССР по внешним экономическим связям (Госвнешэкономсвязи БССР). Комитету вменялось в обязанность осуществлять в пределах своей компетенции «координацию внешнеэкономической деятельности министерств, государственных комитетов и ведомств БССР и участников внешних экономических связей, расположенных на территории Белорусской ССР, независимо от их подчиненности и форм собственности, обеспечивающих проведение единой республиканской внешнеэкономической политики» [7]. Охарактеризовать управленческую деятельность Комитета можно на примере информации о его работе в 1 квартале 1993 г., направленной им в Правительство. В ней речь идёт о следующих итогах его работы:

- 1) разработка Концепции ВЭД;
- 2) подготовка рекомендаций по использованию средств Государственного валютного фонда на финансирование отдельных проектов и первоочередные закупки социально значимых товаров (специфическая функция Комитета, в рыночных условиях оказавшаяся излишней);
- 3) проведён анализ экспортных и импортных операций за 1993 г.;
- 4) проведён анализ использования средств в 1992 г. юридическими лицами – нерезидентами со счетов типа «Н»;
- 5) проведены переговоры по проекту Соглашения «О содействии осуществлению и взаимной защите инвестиций»;
- 6) подготовлено и проведено заседание Валютно-кредитного комитета, организовано исполнение поручений;
- 7) подготовлено заседание Совета экономического сотрудничества с участием представителей деловых кругов;
- 8) зарегистрировано ... совместных, иностранных предприятий;
- 9) зарегистрировано ... участников ВЭД;
- 10) выдано ... лицензий [8, с. 51–52].

В 1994 г. Госвнешэкономсвязи был преобразован в Министерство внешних экономических связей, к которому перешла основная часть функций Комитета [9]. Функции Министерства (что было особенностью Положения о нём в сравнении с Положением о Комитете, не проводившем различий в функциях) группировались следующим образом в ряде областей:

- 1) внешней торговли и экспортного контроля;
- 2) привлечения иностранных инвестиций и средств внешнего финансирования;
- 3) международных экономических отношений, развития и обеспечения ВЭД;
- 4) инфраструктуры туризма;
- 5) создания и функционирования свободных экономических зон.

Архивные документы свидетельствуют о том, несмотря на широкий спектр решаемых задач, управленческая деятельность Министерства концентрировалась на информационно-аналитическом направлении, взаимодействии с другими государственными органами, работавшими в области регулирования ВЭС, т.е. носила межотраслевой характер. Это говорит об отсутствии весомых властных самостоятельных полномочий в определённой области государственного управления, что негативно сказывалось на способности Министерства комплексно управлять процессами во внешнеэкономической сфере. Также эффективность его работы снижалась ввиду общей нестабильности, поэтому многие функции управления ВЭС Правительство осуществляло самостоятельно.

Стратегия, при которой работа Министерства стала бы эффективной в выработке и реализации политических решений в области ВЭС, им самим так и не была предложена. Следует отметить, что тот уровень открытости, которым характеризуются ВЭС Республики Беларусь с момента обретения суверенитета, объясняется прежде всего собственно фактом его объявления, потому что внешним оборотом стали и торговые отношения с СНГ. В том виде Комитет-Министерство в 90-х гг. XX в. не соответствовали требованиям, т.к. собственно с обретением суверенитета произошли изменения функций и объекта управления – ВЭС:

1. Взаимодействие с СЭД, находящимися во внешней среде политической системы, стало обязательным. Но оно стало носить не плановый, а договорной характер как на уровне правительств, так и СЭД. Такие условия, несомненно, должны были повысить роль Госвнешэкономсвязи.

2. ВЭП не замыкается на обеспечении ВЭС, ставших таковыми после 1991 г., но имеет интенцию к дальнейшей оптимизации и повышению уровня национального развития, для чего Комитет и был создан ещё в условиях централизованного планирования. Переход к суверенитету ещё больше обязывал к самостоятельному поиску и использованию факторов ВЭС для развития Беларуси в новом международно-политическом статусе.

С укреплением позиций Национального банка, обусловленным передачей и расширением полномочий по валютному регулированию и контролю, которые являются неотъемлемой частью управления денежным обращением, Министерство внешних экономических связей со специфической функцией в распределении валютных средств утратило свою роль. В 1998 г. в соответствии с Указом Президента Министерство было упразднено, а его функции переданы в ведение МИД [10]. Причины принятия такого решения связаны также с тем, что проблемы внешнеэкономического равновесия на том этапе были урегулированы на более высоком, политическом уровне. Посему самостоятельный орган власти, в ведение которого входило бы управление и взаимодействие с субъектами ВЭД, оказался невостребованным. Тем самым нашёл своё закрепление механизм управления ВЭС с рассредоточением компетенции между республиканскими органами государственного управления с её реализацией, координируемой Правительством на базе государственных программ.

Заключение

Исходя из изложенного, можно сделать следующие выводы. Развитие самостоятельных ВЭС Республики Беларусь началось до обретения ею суверенитета. Центральные органы власти на начальном этапе оставили функции нормативного регулирования, контроля и осуществления контактов на международно-политическом уровне за собой, впоследствии также перешедшие к Беларуси. ВЭС стали одним из основных каналов становления суверенитета Республики Беларусь, механизмом его фактического наполнения, которого, однако, было недостаточно для его юридического оформления. С 1991 г. ВЭС перестали иметь факультативный характер; они являются обязательным условием сохранения суверенитета. В свою очередь, ВЭС обеспечиваются активизацией участия

в международных объединениях, закономерным проявлением чего выступает очередной виток интеграции, набирающий темпы в рамках Единого экономического пространства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кудрявец, Ю.Н. Внешнеэкономическая деятельность: история развития в праве // КонсультантПлюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», НЦПИ Респ. Беларусь. – Минск, 2012.
2. Документы о работе Комиссии Президиума Совета Министров БССР по вопросам экономических связей с зарубежными странами (повестки, протоколы, сведения) / Отдел внешнеэкономических связей и выставок Аппарата Совета Министров БССР // Нац. архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 7. – Оп. 10. – Д. 1044.
3. Материалы о деятельности Белорусского республиканского банка Внешэкономбанка СССР / Отдел внешнеэкономических связей и выставок Аппарата Совета Министров БССР // НАРБ. – Фонд 7. – Оп. 10. – Д. 2340.
4. Документы о работе Комиссии Президиума Совета Министров БССР по вопросам экономических связей с зарубежными странами (повестки, протоколы, сведения) / Отдел внешнеэкономических связей и выставок Аппарата Совета Министров БССР // НАРБ. – Фонд 7. – Оп. 10. – Д. 1044.
5. Документы о проверке формирования, распределения и использования валютных ресурсов предприятий и их внешнеэкономической и организационно-хозяйственной деятельности / Отдел внешнеэкономических связей и выставок Аппарата Совета Министров Респ. Беларусь // НАРБ. – Фонд 7. – Оп. 12. – 762.
6. Об основах внешнеэкономической деятельности Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь от 25 окт. 1990 г. № 354-ХІІ // Консультант плюс: Беларусь. Технология 3 000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», НЦПИ Респ. Беларусь. – Минск, 2011.
7. Об утверждении положения о Государственном комитете БССР по внешним экономическим связям (Госвнешэкономсвязи БССР) : постановление Совета Министров БССР от 13 мар. 1991 г. № 82 // Правовой интернет-портал [Электронный ресурс]. – М., 2011. – Режим доступа: <http://pravo.kulichki.com/zak2007/bz62/dcm62748.htm>. – Дата доступа: 22.07.2011.
8. Документы о проверке формирования, распределения и использования валютных ресурсов предприятий и их внешнеэкономической и организационно-хозяйственной деятельности / Отдел внешнеэкономических связей и выставок Аппарата Совета Министров Респ. Беларусь // НАРБ. – Фонд 7. – Оп. 12. – 762.
9. Вопросы Министерства внешних экономических связей Республики Беларусь : постановление Кабинета министров Респ. Беларусь от 28.04.1995 № 231 // Консультант плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», НЦПИ Респ. Беларусь. – Минск, 2011.
10. О некоторых мерах по совершенствованию системы органов государственного управления в сфере внешней политики : Указ Президента Респ. Беларусь от 04.12.1998 № 586 // Консультант плюс: Беларусь. Технология 3 000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», НЦПИ Респ. Беларусь. – Минск, 2011.

Kolos A.V. The Origin of Foreign Economic Links of Republic of Belarus: the Political Aspect of the Research

The article explores the issues of prerequisites emerge and initial stage of Belarusian foreign economic policy realization. It is shown that at the beginning the Belarusian government regarded new powers conceded during decentralization as accessory. However, after that turnaround in policy expressed in setting up republican institutions within planning system which appeared not enough effective after transition to sovereignty.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 21.01.2013

УДК 355.433.61:341.231.14.(476)

Э.Н. Северин**ПРАВА ЧЕЛОВЕКА КАК ПРЕДМЕТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ**

Права человека – это многоаспектное явление, находящееся в поле исследования различных социогуманитарных наук, рассматриваемое как на теоретическом, так и практическом уровнях, связанных с изучением системы стандартов и механизмов их реализации в целом. Основной вклад в концептуальное осмысление прав человека внесли, как известно, философия и юриспруденция, которые и сегодня находятся на лидирующих позициях в научном дискурсе по данной проблематике. Но ни один из концептуальных подходов не может быть признан единственно верным в силу многогранности и сложности исследуемой проблемы.

В статье рассматриваются актуальные вопросы исследования прав человека с точки зрения политической науки, акцентируется внимание на тесной связи данного феномена с такими ключевыми категориями политологии, как «политика» и «политическая власть», и производными от них понятиями, делается попытка осмысления прав человека, как значимой составляющей политической теории.

Введение

Одним из факторов создания и развития правового социального государства, стабилизации политической и социально-экономической жизни как на государственном, так и международном уровнях являются права человека. Длительное время права человека находились вне поля систематических исследований, проводимых в рамках политологии, оставаясь предметом исследования юридической науки и смежных с нею дисциплин. Права человека, за редким исключением, рассматриваются политологами в рамках различных концепций и в качестве одного из многих факторов. Данная проблематика является скорее побочным продуктом заимствований преимущественно из философии и юриспруденции, которые, наряду с политической историей (и историей политических идей) являются основными теоретико-методологическими и понятийными предшественниками политической науки [1, с. 107]. Тем не менее именно появление и укоренение прав человека способствовало превращению граждан в «живых субъектов политики», защищённых от государственного и общественного произвола. Как отмечает английский политолог профессор Эссекского университета Тод Ландман, политическая наука преодолела свою историческую амбивалентность о правах человека и активно развивает собственные субдисциплины по правам человека, которые проводят исследования на всех уровнях анализа и по всем видам теоретических подходов [2, с. 7].

Российский учёный, доктор политических наук А.Ю. Сунгуров выделяет следующие точки соприкосновения политической науки и прав человека: политическая философия и нормативная политическая теория, миграционная политика и толерантность, международные отношения, права человека как механизм ограничения власти, институализация прав человека, соотношение безопасности и прав человека. Прежде всего предметом анализа здесь являются процессы появления, развития и эволюции концепции прав человека как значимой, а возможно, и определяющей части идеологии либерализма, включая и либеральную школу в теории международных отношений. Таким образом, в этом направлении права человека обсуждаются в контексте подходов политической философии и нормативной политической теории [1, с. 92]. Опираясь на исследования и накопленный опыт в данной области, попытаемся раскрыть собственное видение данной проблемы.

Научный руководитель – Л.Е. Земляков, доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политологии Белорусского государственного университета

Права человека, политика, власть

Для того, чтобы предметно показать тесную связь феномена прав человека и политической науки, необходимо детально рассмотреть связь данного феномена с ключевыми категориями политологии: «политика» и «политическая власть» – и производными от них понятиями.

Категория «политика» имеет множество определений в рамках различных научных подходов и традиций. Она рассматривается как сфера общественной жизни, включающая отношения между её субъектами, властно-управленческую и организаторскую деятельность и поведение людей, их социально-политические интересы, потребности, мотивы и интересы [3, с. 156]; сфера деятельности, связанная с реализацией потребностей и интересов индивидов, социальных групп, классов, наций, общества в целом, ядром которой является борьба за завоевание, удержание и использование средств государственного подчинения [4, с. 301]. Известный немецкий политолог Макс Вебер подчёркивал, что политика «означает стремление к участию во власти или оказанию влияния на распределение власти, будь то между государствами, будь то внутри государства между группами людей, которых оно в себя включает... Кто занимается политикой, тот стремится к власти» [5, с. 646]. На наш взгляд, рассматривать права человека в качестве так или иначе метаполитических, враждебных к власти и находящихся вне властных отношений было бы ошибкой. Это можно легко показать путём нескольких различий. С точки зрения их обоснованности права человека, действительно, имеют сильные моральные устои, так или иначе ограничивающие мощь власти. Права человека – это соотношение человек – власть [6, с. 23]. Нельзя не сказать и о том, что права человека устанавливают моральные стандарты легитимности государственной политики, поскольку понятие «права», по мнению известного американского политолога Джека Донелли, имеет два основных значения: моральное и политическое [7, с. 33]. Кроме того, с точки зрения политической ориентации права человека равно расположены как за пределами левого, так и правого спектров, так как они совместимы с любой политической доктриной, которая не связана с их нарушением. Тем не менее необходимо признать, что права человека взаимодействуют с властью на определенных уровнях, и для того, чтобы их освободительные цели были реализованы, они должны работать в политической сфере. Таким образом, утверждает канадский политолог, профессор университета Торонто Майкл Игнатъев, как деятельность права человека являются одной из форм политики [8, с. 67].

Одним из центральных вопросов политики была проблема нахождения правильного баланса между правами человека и интересами государства. В то время как сильная власть и суверенитет государства имеют важное значение для поддержания порядка и стабильности в стране, права человека создают условия для всестороннего развития личности. Таким образом, «права» и «власть» не противостоят друг другу – они имеют тесную диалектическую связь. Иными словами, права человека дополняют полномочия и возможности государства, данные политические феномены формируют характер, значимость и содержание друг друга. С такой позицией в некоторой степени перекликается и точка зрения украинских учёных В.В. Копейчикова и С.И. Сущука, которые утверждают, что понятие «права» следует связывать с властными полномочиями лица, поскольку они позволяют решить вопрос о взаимной ответственности государства и личности [9, с. 75].

Таким образом, права человека могут найти лучшую защиту в упорядоченной и стабильной политической системе. Кроме того, тип политической системы определяет наличие и степень защиты прав человека в государстве. Большинство современных политических систем и политических режимов, в зависимости от степени и видов прав человека, гарантированных гражданам, помечены как демократические или авторитар-

ные. Исторический опыт показывает, что приоритет прав человека по отношению к политике существует только в условиях демократических режимов – функциональных характеристик политических систем. Как отмечает белорусский учёный доктор социологических наук, профессор Н.Н. Белякович, «цель политической деятельности всех демократических сил – обеспечить максимально возможное в данных исторических, социально-экономических и духовных условиях осуществление прав и свобод каждого человека» [10, с. 7]. Именно права и свободы, их четкая формулировка и реальное наполнение обуславливают формирование и реализацию политики государства и такой ее неотъемлемой составляющей, как политика в области прав человека. По мнению американского политолога Ханны Арендт, «там, где политика занята властью, одной лишь властью, она может обернуться чем угодно, но только не свободой, законностью и демократией» [11, с. 175]. Исходя из вышесказанного, всё, что связано с правами и свободами на уровне государства происходит в плоскости взаимоотношений человек – власть; они выступают как средство достижения власти, удержания власти, легитимности власти, ограничения, контроля и неповиновения власти.

Права человека и трансформации политического конфликта рассматриваются неразрывно и дополняют друг друга. Права человека были восприняты как краеугольный камень развития стабильной обстановки в постконфликтных обществах, преобразования разрушенного войной государства, и большинство мирных соглашений включают права человека [12, с. 49]. Тем не менее права человека не стоит рассматривать в качестве панацеи при решении проблем возникновения, развития и преодоления политического конфликта. Современная концепция прав человека подтверждает факт того, что права человека, установленные международными соглашениями, являются результатом политического процесса. Государства, которые придерживаются международных норм в области прав человека, неоспоримо выделяются с международной точки зрения как государства реальной демократии, а законность способствует стабильной и успешной деятельности власти. Права человека, таким образом, являются очень весомой частью мировой политики [13, с. 107].

Важнейшей задачей внешней и внутренней политики каждого государства, политики таких межгосударственных структур, как ООН, ОБСЕ, ПАСЕ и др., на наш взгляд, является реализация принципа объективности оценки степени соблюдения прав человека в любой стране, выработка на международном и внутригосударственном уровнях политической линии «единого стандарта». В последние годы исследователи и политики анализируют проблему прав человека в связи с процессами глобализации и распространением таких явлений, как «гуманитарная интервенция», «гуманитарное вмешательство», «гуманитарная бомбардировка». Страны, находящиеся на различных этапах развития, имеющие разные исторические традиции, по-разному понимают и претворяют в жизнь права человека. Таким образом, не стоит полагать, что стандарты и модели прав человека некоторых стран являются единственно приемлемыми, и требовать от других стран действовать в соответствии с ними [14, с. 162]. Неопределенность принципов прав человека, а потому их декларативность, т.е. невключенность в механизм реализации прав человека, ведёт к расширению политики «двойных стандартов» в том числе и в отношении Республики Беларусь. Двойные стандарты – это официально отрицаемый, но молчаливо признаваемый нормой дискриминационный подход к оценке поведения, прав и обязанностей разных стран, представителей разных категорий населения, рас и т.п. Таким образом, центральным элементом такого явления, как двойные стандарты, является несоблюдение принципа равенства, что выражается в избирательной критике, более строгих требованиях по отношению к отдельным лицам, группам лиц, странам, что можно охарактеризовать как двуличие, лицемерие [15, с. 112]. Эта проблема ведёт к кризису легитимности международных стандартов прав человека.

Философия прав человека

В рамках философии политики особое внимание правам человека уделяет философия прав человека, которая рассматривает вопросы содержания, характера, обоснования существования прав человека, вопросы генезиса и эволюции данной концепции. В истории мировой политико-правовой мысли идеи прав человека развивались от теорий о личных (индивидуальных правах) к теориям о групповых (правах различных социальных групп и классов) и коллективных правах (правах наций, народов, всего человечества). И логика такой последовательности развития идей о правах человека вполне закономерна, такова во многом и последовательность форм и представлений о правах человека в мировой истории [16, с. 131]. Права человека требуют надежного обоснования, теоретического и методологического фундамента. Концепция прав человека является проблемной, потому что она логически универсальна, но исторически имеет западные корни. Для того чтобы показать, что эти две черты концепции являются взаимосогласованными, теоретики прав человека иногда говорят, что история концепции не имеет отношения к действительности. Это отчасти верно, потому что история концепции не может определить, полностью ли это разумно применять концепцию сейчас. Поскольку смысл концепции является продуктом её истории [17, с. 123].

Философия прав человека представляет собой систему мировоззренческих позиций, отражающих основанные на различных методологических подходах представления о месте, назначении и роли человека в социуме и тем самым его правах, свободах, интересах в соотношении с правами, свободами и интересами других индивидов, отдельных социальных институтов, общества в целом.

Единой идеальной философией права человека не существует, что обусловлено существованием различных критериев трактовки как самого человека в соотношении с обществом, так и прав и свобод человека. Тем не менее базисной философией прав человека выступает политическая философия, предметом которой выступает «человек политический», т.е. «человек в политике и политика в человеке» [18, с. 240].

Можно выделить три основных подхода к раскрытию сущности и содержательной наполненности философии прав человека. Данные подходы выражают исторически сложившиеся философские (мировоззренческие) направления: консерватизм (элитарная доктрина неравных прав), либерализм (эгалитарная доктрина абсолютной автономии и свободы индивида) и коммунизм (эгалитарная, коллективистская доктрина, базирующаяся на том, что человек – существо коллективное и благополучие индивида зависит от благополучия коллектива или группы).

На современном этапе развития теории прав человека существует множество подходов, основанных на цивилизационных, расовых, религиозных (конфессиональных), национальных критериях, на проблеме взаимоотношения теории и практики прав человека и др.

Философия прав человека проводит системный анализ и даёт критическую оценку содержания и обоснования основных подходов в области прав человека, отвечая на вопрос их соответствия современным политико-правовым реалиям и моральным принципам. Ключевыми категориями данного направления политической философии являются права человека, свобода, равенство и справедливость.

Права человека и идеология. Права человека как идеология

Основы современной концепции прав человека формировались параллельно и стали системообразующим фактором идеологии либерализма. Как отмечает автор мир-системной теории Иммануил Валлерстайн, в период, последовавший за 1848 г., либерализм как идеология взял верх над своими соперниками, сформировав вокруг себя консенсус, освященный геокulturой современной миросистемы, превратив и консер-

ватизм, и социализм в течения, зависимые от либерализма. Этот консенсус сохранялся вплоть до 1968 г., когда он был вновь подвергнут сомнению, дав консерватизму и радикализму возможность возродиться в качестве самостоятельных идеологий [19, с. 123]. Подчеркнем также, что сегодня представления о правах человека вошли (причем достаточно органично) не только в основу либеральной политической мысли, но и в корпус идей консервативного и социал-демократического направлений. Таким образом, либеральная доктрина прав человека стала критерием современного восприятия прав человека. Тот факт, что права человека нарушаются и в либеральных демократиях, и под эгидой либеральных демократий, указывает, на наш взгляд, скорее не на несовершенство и утопичность идеи прав человека, а скорее на недостатки и противоречия самого либерализма, а также международного правозащитного механизма. При этом необходимо учитывать, что права человека находятся в постоянном развитии. Это проекты, которые являются, по сути, бесконечным открытием и в высшей степени носят экспериментальный характер [20, с. 593]. Белорусский учёный профессор Л.Ф. Евменов утверждает: «Сегодня даже при несложном анализе бросается в глаза внутреннее противоречие в этой сложившейся объективно международной идеологии между идеями и понятиями основных международных актов и инструментов в области прав человека и постоянно усугубляющимися, развивающимися идеями и понятиями резолюций, решений, документов, теоретических публикаций руководящих органов и структур ООН, Юнеско, Совета Европы... Руководящие идеи и концептуальный аппарат подавляющего большинства действующих ныне международных и региональных актов о правах человека застыли где-то на уровне развития западных либерально-демократических идей и понятий 50–70-х годов» [21, с. 4]. Нужно учитывать, что идеология прав человека содержит в себе призыв к действию, практической реализации прав человека; она требует согласованных и оперативных действий мирового сообщества. Только в этом случае она сможет противостоять другим политическим ориентациям, движениям и «истинам», соответствовать постоянно изменяющимся политико-правовым реалиям современного многополярного мира. «Именно идея всеобщности и универсальности прав человека, постепенно овладевая сознанием миллионов людей, коренным образом преобразила мир... Таким образом, идеология прав человека, – отмечает известный белорусский учёный доктор философских наук, профессор А.Д. Гусев, – затрагивает большой круг вопросов, имеющих не только теоретическое, но и большое практическое значение» [22, с. 5, 9].

В настоящее время мировое сообщество пришло к такому состоянию, когда определяющим фактором для успешного развития государства становится наличие передовой прогрессивной идеологии, основанной на приоритете духовных ценностей над материальными. Безусловно, с точки зрения политической науки, с учётом её политико-правового наследия к системе общечеловеческих ценностей в первую очередь должны быть отнесены права и свободы человека.

Миграционная политика и веротерпимость. Права меньшинств и право на самоопределение

В современном мире большинство государств имеет разнообразные группы меньшинств: более одного миллиарда человек принадлежат к общностям (расовым, национальным, конфессиональным и др.), которые страдают от различных форм отверженности, дискриминации. Тем актуальнее встаёт проблема веротерпимости. Веротерпимость основывается на признании существования другого, умении слышать и воспринимать чужое, отличное от собственного мнение. В политическом плане веротерпимость является одной из предпосылок плюралистического демократического общества. Проводить политику веротерпимости не всегда легко, но многие государства двигаются

в данном направлении. Веротерпимость – это признание права на свободу религиозного самоопределения; толерантное уважительное отношение к представителям других верований. В эпоху индустриального общества веротерпимость в ряде стран стала важным государственным принципом. В начале XXI в. веротерпимость проявляется в сфере не только межрелигиозных отношений, но и в светской политике и культуре, что способствует гуманизации отношений между людьми и укреплению безопасности в мире. Однако утверждение веротерпимости в индивидуальном и общественном сознании препятствует религиозная нетерпимость и экстремизм, которые зачастую используются сугубо в политических целях. Стандарты веротерпимости нашли своё отражение в таких международных документах, как Международный Пакт о гражданских и политических правах (ст. 18), Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод (ст. 9), Американская Конвенция о правах человека (ст. 12), Африканская Хартия прав человека и народов (ст. 8) и др.

Вместе с тем противоречивый характер современных международных документов, отсутствие конкретизации, «двойные стандарты» и непоследовательность действий международного сообщества порождают многочисленные проблемы.

Одним из самых больных и трудно решаемых вопросов современного мира стала проблема беженцев. Защита прав беженцев, прав трудящихся-мигрантов становится все более актуальной по мере увеличения во всем мире количества зон конфликтов, экономических кризисов, а также факторов, которые их вызывают: от нетерпимости до неумелого управления и несоблюдения прав человека. Политические конфликты современности в арабском мире (Египет, Йемен, Кот-д’Ивуар, Ливия, Сирия и др.) породили новую волну беженцев, которая на сегодняшний день поставила под угрозу социально-политическую стабильность и добрососедские отношения стран ЕС.

С начала 1990-х гг. беженцы появились и в Беларуси. Кроме того Беларусь в силу своего геополитического расположения часто сталкивается с нелегальной и вынужденной миграцией. Наше государство прикладывает большие усилия для решения вышеназванных проблем. В Беларуси принят Закон Республики Беларусь от 22 февраля 1995 г. № 3605-ХІІ «О беженцах», который определяет основания и порядок признания иностранных граждан и лиц без гражданства беженцами в Республике Беларусь, основания лишения, утраты статуса беженца. Закон также устанавливает правовые, экономические и социальные гарантии защиты прав и законных интересов иностранцев, ходатайствующих о признании беженцами и признанных беженцами в соответствии с Конституцией Республики Беларусь и законодательством Республики Беларусь, общепризнанными принципами и нормами международного права, а также международными договорами Республики Беларусь. Но только совместные действия всего мирового сообщества могут гарантировать успешное разрешение вышеназванных проблем.

Права человека и безопасность

Для анализа и устранения источников опасности необходимо рассмотреть эту проблему, не ограничивая её рамками отдельных индивидов, государств и военными аспектами политики. Понятие глобальной безопасности должно быть расширено так, чтобы его традиционное внимание к военным методам как гарантии безопасности государства включало как безопасность людей, так и безопасность всей планеты [23, с. 23]. В основе данного подхода лежат концепции общей безопасности, всеобщей безопасности и человеческой безопасности. Концепция общей безопасности признаёт, что досрочная безопасность не будет достигнута, пока она не будет поддержана всеми, и что достичь её можно только через сотрудничество, основанное на принципах равенства, справедливости и взаимности. В концепции всеобщей безопасности доминирующее положение занимают сотрудничество, создание атмосферы доверия, открытость, разору-

жение, конверсия и демилитаризация. Концепция человеческой безопасности представляет собой идею, в центре внимания которой люди, забота об их элементарном человеческом достоинстве, правах человека. Она включает в себя защиту от хронической угрозы голода, болезней, репрессий, а также от внезапного и губительного нарушения уклада повседневной жизни.

По-прежнему достаточно сложным остаётся вопрос соотношения безопасности индивида и прав человека и ограничения прав человека государством ради обеспечения безопасности личности. Конечной целью современной политики безопасности должно стать равнозначное положение прав человека, личной безопасности и безопасности государства. В конце концов, они не противоречат друг другу. Государство не может находиться в безопасности, если его гражданам (человеку) угрожает опасность, если само государство систематически нарушает права индивида, так как это ведёт к различного рода конфликтам и потере политической стабильности как на государственном, так и на международном уровнях.

Заключение

Права человека стали значимой (если не основной) частью политического дискурса современного мира. Как это ни парадоксально, в рамках данного дискурса существует много различных групп, игнорирующих взаимосвязь политики и прав человека, отстаивающих исключительно нормативные аспекты прав человека, превращающих их в «моральный абсолют» и др. Подобный подход делает анализ феномена прав человека неполным. Решению данной проблемы в немалой степени будет способствовать комплексное изучение системы прав и свобод человека политической наукой. По существу, уже само превращение прав человека в политико-правовую норму, их законодательное закрепление является политическим актом. Нужно принимать во внимание и то, что современная концепция прав человека возникла и развивалась в определённых политико-правовых условиях в эпоху Нового времени в рамках либеральной политической философии. Она формировалась в рамках требований социально-политического движения как средство борьбы против рабства, диктатуры, авторитаризма, колонизации и расовой дискриминации и др.

Между тем открытость политической науки, ее готовность к творческому восприятию теоретико-методологического инструментария и концептуально-понятийного аппарата других общественных наук позволяют ей стать одной из наиболее перспективных отраслей науки для междисциплинарных и сравнительных исследований проблем прав человека. Политология с ее способностью к формированию интегрированных областей познания открывает новые горизонты для выработки курсов эффективной политики в сфере прав человека, совершенствования правозащитных механизмов и политических технологий по утверждению прав человека [24, с. 3].

На наш взгляд, научный диалог по правам человека доступен для неограниченного круга субъектов. Теория прав человека, государственная политика в области прав человека, организация взаимодействия государственной власти разных уровней, международная политика в данной области, роль и значение политических институтов и политических технологий в реализации и защите прав человека, обширный материал, накопленный политологией прав человека, философией политики на нынешний момент является значимой частью предмета исследования интегративной науки о политике – политической науки.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРЫ

1. Сунгуров, А.Ю. Права человека как предмет политической науки и междисциплинарная концепция / А.Ю. Сунгуров // *Полис*. – 2010. – № 6. – С. 90–105.
2. Landman, T. *Empirical Political Science and Human Rights* / T. Landman // *Essex Human Rights Review*. – Vol. 5. – № 1. – July 2008.
3. Политическая энциклопедия : в 2 т. / Нац. обществ.-науч. фонд; рук. проекта Г.Ю. Семигин. – М. : Мысль, 1999. – Т. 1 – 759 с.
4. Мельник, В.А. Современный словарь по политологии / В.А. Мельник. – Минск : Книжный Дом, 2004. – 640 с.
5. Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер ; сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайденко; коммент. А.Ф. Филиппова. – М. : Прогресс, 1990. – 808 с.
6. Новицкий, М. О правах и свободах человека / М. Новицкий // *Введение в права человека*. – М. : Московская Хельсинская Группа, 2009. – С. 21–51.
7. Донеллі, Д. Права людини у міжнародній політиці / Д. Донеллі // *Львівська лабораторія прав людини і громадянина НДІ державного будівництва та місцевого самоврядування; Акад. правов. наук України / наук.ред. П. Рабінович*. – Львів : Кальварія, 2004. – 280с.
8. Ignatieff, M. *Human Rights as Politics and Idolatry* / M. Ignatieff. – Oxford : Princeton University Press, 2001.
9. Копейчиков, В.В. Реальный социализм: демократия, личность, права человека / В.В. Копейчиков, З.И. Сушук. – Київ : Вища школа, 1983. – 150 с.
10. Белякович, Н.Н. Права человека и политика: философско-правовые основы / Н.Н. Белякович. – Минск : Амалфея, 2009. – 412 с.
11. Лапицкий, М.И. О времени и о труде «VitaActiva» Ханны Арендт / М.И. Лапицкий // *Полис*. – 2001. – № 5. – С. 174–182.
12. Diez, T. *Conflicts and the Politics of Human Rights Invocations* / T. Diez, E. Pia // *Berghof Handbook Dialogue*. – № 9. – P. 47–55.
13. Малевич, Ю.И. Права человека в мировой политике (вторая половина XX века) / Ю.И. Малевич. – Минск : Технопринт, 2001. – 256 с.
14. Саидов, А.Х. Международное право прав человека : учеб. пособие / А.Х. Саидов ; отв. ред. Б.Н. Топорнин ; Ин-т государства и права РАН ; Академический правовой ун-т. – М., 2002. – 197 с.
15. Котляр, И. В зеркале двойных стандартов / И. Котляр, Е. Корогода // *Беларуская думка*. – 2005. – № 12. – С. 110–114.
16. Глушкова, С.И. Индивидуальные, групповые, коллективные и всеобщие права в условиях мультикультурализма / С.И. Глушкова // *Полис*. – 2010. – № 6. – С. 131–140.
17. Freeman, M. *Human Rights: An Interdisciplinary Approach* / M. Freeman // *Polity*. – April 19, 2011. – 224 p.
18. Права человека : энцикл. словарь / отв. ред. С.С. Алексеев. – М. : Норма, 2009. – 656 с.
19. Валлерстайн, И. Конец знакомого мира. Социология XXI века / И. Валлерстайн. – М. : Логос, 2003. – 368 с.
20. Mutua, M. *Human Rights Ideology* / M. Mutua // *University of Virginia International Law Journal*. – 1996.
21. Евменов, Л.Ф. Международная идеология прав человека: проблемы – решения. Опыт философского исследования / Л.Ф. Евменов. – Минск : Хата, 2000. – 450 с.
22. Гусев, А.Д. Идеология прав человека / А.Д. Гусев // *Десятилетие образования в области прав человека Организации Объединённых наций: белорусский и междуна-*

родный опыт : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 17 нояб. 2004 г. / редкол.: А.Д. Гусев [и др.]. – Минск : ГУО РИВШ, 2005. – 128 с.

23. Права человека и культура мира: проблемы обучения и воспитания : По материалам II Европ. Конгр. по воспитанию в духе мира «Обучение правам человека. От идеи к реальности», 26–30 июля 1996 г., Лиллехаммер, Норвегия / под ред. Э. Клевена и др.; ред. рус. изд. Э.С. Соколова. – М. : АИРО-XX, 1999. – 247 с.

24. Исакова, Г.К. Политология прав человека : учеб. пособие / Г.К. Исакова. – 2-е изд. – Астана, 2007. – 407 с.

Severin E.N. Human Rights as a Subject of Political Science

Human rights – is a multidimensional phenomenon that is in the field of research of various social sciences and humanities, regarded as the theoretical and practical levels, related to the study of standards and mechanisms for their implementation in general. The main contribution to the conceptualization of human rights have, as you know, philosophy and law, and which is on the leading positions in the scientific discourse on the subject now. But none of the conceptual approaches can not be considered the only true by virtue of diversity and complexity of the problem under investigation.

The article deals with current issues of human rights research from the point of view of political science, focusing on the close relationship of this phenomenon with such key categories of political science, as «politics» and «political power» and derived concepts. The author tries to understand the human rights, as a significant component of political theory.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 01.03.2013

УДК 316.

Е.М. Бабосов

СИСТЕМНОСТЬ В ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РОССИЙСКИХ И БЕЛОРУССКИХ ФИЛОСОФОВ И СОЦИОЛОГОВ XX–XXI ВЕКОВ

В статье обосновывается необходимость и особая значимость рассмотрения системного подхода к исследованию различных социальных и социокультурных феноменов. Большой вклад в развитие идей системного подхода сделан российскими и белорусскими философами и социологами. Определено, что наиболее глубокою и многостороннюю трактовку проблемы развивающихся социальных систем получила в российской философии и социологии в XX в. В частности, ее разработку можно найти в трудах В.С. Соловьева, П.А. Сорокина, Н.А. Бердяева, Н.О. Лосского, А. Рапопорта, В.Н. Садовского, А.П. Огурцова, Э.Г. Юдина, А.И. Умова, И.В. Блауберга, А.Д. Урсула и др. Исследованиями социальных систем применительно к различным сферам общества занимались также белорусские философы и социологи. Наиболее значимый вклад внесли Е.М. Бабосов, С.А. Шавель, Г.Н. Соколова, Э.М. Сороко, Л.А. Гуцаленко.

В своих глубоких теоретических истоках как российская, так и белорусская философская и социологическая мысль исходят из необходимости и важности системного подхода к исследованию социальных и социокультурных феноменов.

Системный подход к исследованию социальной реальности активно и всесторонне применялся выдающимся русским философом В.С. Соловьевым (1853–1900). Это особенно рельефно проявилось в его «философии всеединства», где речь шла о «совершенном человечестве», понимаемом не как эмпирический индивид и не как человек как родовое понятие, а как своего рода соединение материальной природы с Божеством – Бого-человечество и Бого-материя [1, с. 23].

Наиболее глубокою и многостороннюю трактовку проблема развивающихся социальных систем получила в российской философии и социологии в XX в. В плеяде мыслителей, занимающихся этой проблематикой, по всеохватности масштабов и глубине проникновения в сущность изучаемых социальных систем в первую очередь следует выделить творчество Питирима Александровича Сорокина. Он считал важнейшим предназначением творческой социологии исследование социальной и культурной динамики социальных систем. При этом основное внимание им обращалось на построение логико-смысловой интеграции изучаемых явлений, событий и процессов. Такой методологический подход привел его к основному выводу, что «и причинно-функциональный, и логико-смысловый способы интеграции выступают в качестве средства, с помощью которого бесконечное множество бесконечно сложных явлений социально-культурного мира превращается в рационально постижимые системы» [2, с. 42].

Сущность, значение и эвристическая ценность такого именно теоретико-методологического подхода прекрасно раскрыты в интегралистском понимании особенностей социодинамики культуры. П. Сорокин неизменно подчеркивал, что «всякая великая культура есть не просто конгломерат разнообразных явлений, существующих, но никак друг с другом не связанных, а есть единство, или индивидуальность, все составные части которого пронизаны одним основополагающим принципом и выражают одну, и главную ценность» [2, с. 429]. Стало быть, культура предстает в его понимании как многогранная и многоуровневая, динамично развивающаяся система, в которой существует некая основополагающая первоценность, составляющая ее системообразующее ядро, и именно наличие этой первоценности и составляет ее своеобразие, ее «индивидуальное» отличие от всех других культур. Какую бы из многочисленных и неповторимых граней такой целостной системы культуры мы ни рассматривали: ее изящные искусства

или философию, ее науку или религию, ее этику или право, ее основные формы социальной, экономической или политической организации, ее нравы и обычаи, свойственный ей образ жизни или менталитет (мышление) – все они вместе и каждая в отдельности выражают и воплощают в себе (естественно, по-своему) ее основополагающий принцип, ее ценность. Именно такая ценность служит фундаментом всякой культуры и предопределяет всю ее направленность. По этой причине важнейшие составные части такой интегрированной системы культуры органично взаимосвязаны, и в случае изменения одной из них остальные неизбежно подвергаются схожей трансформации.

В качестве примера такой интегрированной и целостной системы П. Сорокин приводит средневековую культуру Западной Европы, в которой главным принципом, главной истиной и ценностью был Бог. Все компоненты средневековой культуры (разумеется, каждый своим специфическим образом) выражали этот фундаментальный принцип, или ценность. Совсем иной принцип, а следовательно, и иная система ценностей, стали системообразующим началом яркой и красочной культуры Эпохи Возрождения.

Поскольку фундаментальные основания культуры, ее базисные ценности затрагивают и несут в себе свод основных идеалов, норм, стереотипов поведения, которыми люди руководствуются в своей повседневной жизни, переход от одной системы культуры к другой не проходит безболезненно, а совершается через потрясения и конфликты. По утверждению П.А. Сорокина, в развитии культуры, равно как и всех других социальных систем, «нет никакой линейной тенденции, ...они полны неожиданностей и редко предсказуемы [2, с. 110].

Периоды перехода от одной фундаментальной формы культуры и общества к другой, когда рушится здание старой культуры, а новая структура еще не возникла, когда социокультурные ценности становятся почти полностью «атомизированными» и конфликт между ценностями различных людей и групп становится особенно непримиримым, порождают борьбу особой интенсивности, отмеченную широчайшей вариативностью форм. В рамках общества она принимает в дополнение к другим конфликтам форму роста преступности и жестокости наказаний (бунты, восстания и революции). Эта тенденция особенно отчетливо проявилась в XX столетии, которое, по словам П. Сорокина, оказалось «самым кровавым» за последние 25 веков.

Такое своеобразие XX в. предопределило, по мнению П. Сорокина, существенный сдвиг в понимании динамики социокультурных изменений. Социальная мысль XVIII и XIX вв. была занята большей частью созданием разнообразных *линейных тенденций развития*, разворачивающихся во времени и пространстве. В XX же веке в центре внимания исследования социокультурной динамики оказались совершенно иные аспекты протекающих в социокультурном универсуме процессов. Эти аспекты социокультурной динамики, утверждает П. Сорокин, таковы: контакт, изоляция, взаимодействие, культивация, имитация, адаптация, конфликт, отчуждение, дифференциация, интеграция, дезинтеграция, организация, дезорганизация, мобильность и др. А такой сдвиг дал возможность глубоко исследовать устойчивые и повторяющиеся значимые причинно-функциональные связи между различными космосоциальными, биосоциальными и социокультурными переменными, а также то, как они проявляются в постоянно изменяющемся социокультурном мире. Поэтому стало возможным углубленное и всестороннее социологическое исследование повторяющихся ритмов, циклов и периодичностей в развитии социокультурных процессов. Именно такая переориентация дала возможность выдающимся социологам XX в. М. Веберу, О. Шпенглеру, А.Дж. Тойнби, П. Сорокину и др. глубоко изучить ритмику и цикличность социокультурных процессов, их роль в развитии цивилизации, возрастающую значимость социокультурных факторов в жизни общества и его трансформации. Это позволило, считает П. Сорокин, не только создать «систематическую теорию социокультурной причинности», отличную от естественнонаучных

каузальных концепций, но и сформулировать «предсказания, касающиеся... крупномасштабных социокультурных процессов» [2, с. 392].

Итак, в социологической концепции, развиваемой П. Сорокиным, очень важная роль принадлежит учению о социокультурной динамике. Он считал, что при подходе к социологическому анализу культуры необходимо применять два взаимосвязанных метода исследования: каузально-функциональный и логико-смысловой. Их единение дает возможность не только осветить «более широко и полно хаотичный мрак бесконечного множества фрагментов культуры», но и упорядочить их в «систему социокультурного пространства», увидеть за множеством различных феноменов культуры их «подлинное единство». П. Сорокин выделяет четыре основных формы интеграции культурных элементов:

1. Пространственное (механическое) сосуществование – случайное совпадение или совмещение культурных ценностей, идей, предметов в данном социальном и физическом пространстве, а также механическое объединение элементов в одно структурное единство.

2. Соединение, обусловленное внешним фактом, когда элементы культуры не имеют внутренней связи, а объединяются в некий конгломерат по случайным признакам (например, в результате завоевания одного народа другим).

3. Каузальная (функциональная) интеграция, при которой изменение или исчезновение одного из важных элементов приводит к изменению всего культурного комплекса.

4. Логико-смысловая интеграция культуры – наивысшая форма интеграции, при которой ценности, идеи, предметы культуры объединяются на основе единого, интегрирующего их в целостность стиля.

Каждая культурная сверхсистема, согласно П. Сорокину, формируется под воздействием двойственной природы человека: как существа мыслящего и как существа чувствующего. Всякая великая культура, считает он, есть не просто конгломерат разнообразных явлений, сосуществующих, но никак не связанных друг с другом, а представляет собой единство, все составные части которого пронизаны одним основополагающим принципом и выражают одну, и главную, ценность.

В общей ткани социодинамики культуры существуют три основных типа: чувственный, идеациональный и идеальный. Если преобладает чувственный образец культурных ценностей, мы имеем перед собой чувственную культурную сверхсистему. Если основное внимание сконцентрировано на разуме, то перед нами умозрительная, или идеациональная, суперсистема. Если же существует баланс чувственных, эмоциональных и рациональных компонентов, то возникает идеальный тип культурной сверхсистемы. Чувственная и идеациональная культурные суперсистемы, являясь достаточно устойчивыми, могут существовать довольно долго, а идеальная, пытающаяся синтезировать две другие, в силу несовершенства такого синтеза, протекает за более короткий промежуток времени, охватывая период в 100–200 лет.

Чувственный тип культурной суперсистемы базируется на таком принципе: объективная реальность и ее смысл – чувственны. Именно такова культура античности, где в центре всего: и в трагедии, и в изобразительном искусстве, и в скульптуре, и даже в религиозных верованиях – находится чувственно воспринимаемое человеческое тело. Венера Милосская, Апполон, Геракл, Медея – ярчайшие образцы именно такого чувственного типа культуры. Чувственная сверхсистема культуры существовала не только в античной Греции. П. Сорокин отмечал, что, начиная с XVI в. в Западной Европе после нескольких столетий иных типов культуры стала доминировать современная форма чувственной культуры. Суть ее выражена в принципе: объективная действительность и ее смысл сенсорны. Этот принцип становится господствующим и в искусстве, и в науке, и в философии, и в этике, и в праве. Культура этого типа живет и развивается в эм-

пирическом мире чувств. Реальный пейзаж, реальные события и приключения, чувственно воспринимаемые, реальные портреты – таковы ее темы.

Совершенно иные особенности имеет идеациональный тип культуры. В его изображении и объяснении объективная реальность сверхчувственна, главным принципом (ценностью) является Бог. Все ценности культуры такого типа воплощены в христианском *credo* – Символе веры, что проявляется и в художественной литературе, и в изобразительном искусстве, и в архитектуре, и в скульптуре, которые в средние века были не чем иным, как Библией в камне. Литература средневековья также насквозь пронизана религиозными темами, а философия была идентична религии и теологии. Такая унифицированная система культуры, основанная на принципе сверхчувственности, сверхразумности Бога как единственной самодостаточной реальности и ценности в концепции П. Сорокина предстает как идеациональная. Такой тип культуры, его мнению, характерен также для брахманской Индии, буддистской лаоитской культуры соответствующего исторического периода.

Третьим типом суперсистемы культуры в концепции социокультурной динамики П. Сорокина является идеальная культура. Ее основной постулат: объективная реальность частично сверхчувственна и частично чувственна. Такой тип культуры охватывает сверхчувственные и сверхрациональные аспекты человеческого бытия, добавляет к ним рациональные и сенсорные (чувственные) аспекты, образуя единство многообразия. Эта суперсистема культуры возникает на основе синтеза двух прежних подходов при относительном балансе чувственного, интуитивного и рационального стимулов и стилей. В этом типе культуры героями могут быть и люди, и боги, его стиль частично символичен, частично реалистичен. Такой тип суперкультуры достигает расцвета в V в. до н.э. – во времена Фидия, Эсхила, Софокла, Поликлета. Примером такого искусства является знаменитый Парфенон, который наполовину религиозен, наполовину эмпиричен. Из чувственного мира он получил только свои благородные формы и позитивные ценности. Это идеализированное, типологическое искусство. Его портреты – великолепные типажи, реальные изображения данных индивидов. Оно не искажено ничем низким, вульгарным или унижительным, оно светлое, спокойное и величественное. Во всем проявляется стремление художника избежать всего того, что могло бы нарушить идеальный порядок и гармонию идеального образа жизни. Эта система культуры не представляет собой искусства ради искусства, в нем реальное изображение чувственно воспринимаемого органически сопряжено с религиозными, моральными и гражданскими ценностями. В ней великолепно сливаются небесное совершенство с благородной земной красотой, религиозные и другие ценности – с возвышенными чувственными формами. Расцвет такого типа культуры, считает П. Сорокин, наступает в XIX в. Но такие типы культуры недолговечны; чаще всего в социокультурной динамике господствуют либо чувственная, либо идеациональная суперсистема культуры.

В XX в., по мысли П. Сорокина, господствующее значение приобретает чувственная суперсистема культуры, которая переживает глубокий кризис. Порочность современной чувственной культуры состоит в ее главной установке: настоящая реальность и настоящие ценности исключительно посюсторонни, чувственны. «Плодами» этой установки стали беспрецедентное развитие естественных наук и технологических изобретений, массовое распространение преступности, насилия, порнографии, использование человека как средства, обесценение человеческой жизни. Однако в этих оценках П. Сорокин отнюдь не является пессимистом. Он убежден: современный кризис культуры и общества – это не обыкновенный декадансный кризис, а переход от одного из величайших типов культуры к другой, в котором чувственная форма сольется с прекрасным содержанием, возвышающим человека духовно, нравственно, социально.

Своеобразную и многоаспектную трактовку динамика социальных систем получила в творчестве выдающегося российского философа Н.А. Бердяева (1874–1948). Все основные объекты его философско-религиозного мирозерцания: «царство духа», «царство природы», «объективация», воплощающая в себе царство жесткой необходимости, предопределяющей фрагментизм человеческой судьбы, «трансцендирование» – творческий порыв, преодолевающий мир жесткой необходимости, «экзистенциальное время», в потоке которого разворачивает свое многообразие духовный опыт личной и историко-культурной жизни человека, – получают свое философское осмысление и раскрывают свои особенности в уготованных им экзистенциальных рамках свободы и творчества. Именно в них символизируются сущность и особенности столь грандиозной и многоаспектной всемирной социальной системы.

Рассматривая именно в таком методологическом контексте соотношение веры и знания, в своем знаменитом труде «Философия свободы» Н.А. Бердяев отмечал, что «мир знания и веры условно даны как разные порядки, но они могут быть сведены к единству» [3, с. 53]. В случае обретения такого единства, по его убеждению, должен восторжествовать принцип «антроподиции – оправдания человека в творчестве и через творчество, приводящее к пониманию человека как центра бытия. В таком понимании, читаем мы в другой знаменитой работе «Смысл творчества», человек неизбежно превращается в центр всеохватывающей единой всемирной системы – космоса. «Сам человек должен был бы быть солнцем мира, вокруг которого все вращается» [3, с. 311]. Человек, убежден философ и убеждает других мыслящих людей, создан, чтобы творить и создавать заново себя и весь мир по закону свободы.

В философской доктрине Н.О. Лосского (родился в 1870 г. в Динабургском уезде Витебской губернии, умер в 1965 г. в Париже) важнейшее положение гласит, что мир, окружающий нас, является неким органически целым, единой всемирной системой. А в центре этой системы, так же как и у Бердяева, находится человек, представляющий собой сверхвременное и сверхпространственное существо, неразрывно связанное с целым миром. Этот мир предстает перед взыскующим разумом и чувством человека как осуществление красоты. Верховным же предназначением человека является свобода, которая трактуется как сложное системное целое, обладающее различной качественной направленностью. Дихотомически разделенными и вместе с тем органически сопряженными модусами такой разнонаправленности, согласно Н.О. Лосскому, выступают «свобода от» и «свобода для». Первая из них реализуется в качестве свободы от внешнего мира, своего характера, своего прошлого и даже от Бога. Н.О. Лосский утверждает, что «человек оказался свободным от всего, что есть в мире, даже от «Того, Кто выше мира» [4, с. 576]. Но если не ограничиваться такой свободой «от» и приобретает свободу «для», тогда в нем проявляется «бесконечная творческая сила для осуществления бесконечного разнообразия красоты, добра и обретения совершенной истины» [4, с. 583].

Возрождение углубленного подхода к исследованию социальных систем проявляется в российской философии и социологии в 60–70-е гг. XX в. В этот период А. Рапопорт анализирует различные подходы к общей теории систем, в частности, в ежегодные «системные исследования» (1969). Академик Д.М. Гвишиани в широкой теоретической и практически ориентированной панораме рассматривает возможные пути применения системных исследований в организации и управлении (монография «Организация и управление». – М., 1972). В этом фундаментальном труде он отмечает: «Системный подход, системный анализ – эти словосочетания являются сейчас едва ли не самыми распространенными в новейшей литературе по управлению... Системный подход появился на свет, с одной стороны, в результате обобщения опыта специалистов по исследованию операций, а с другой – вследствие развития общей теории систем, теории

автоматического управления и кибернетики, давшим математический аппарат для связи в единое целое разнородных управленческих задач» [5, с. 454–455].

Вскоре после этого В.Н. Садовский публикует фундаментальное исследование «Основания общей теории систем: логико-методологический анализ» (М., 1974). В нем дается общая характеристика современных социальных исследований в их сопряженности с изучением разнообразных, в первую очередь, социальных систем. Здесь же общая теория систем трактуется как методология различного уровня и сфер системных исследований. Характеризуются основные системные принципы: целостности, взаимозависимости системы и среды, иерархичности. Автор подчеркивает, что к наиболее сложным видам систем относятся социальные, целенаправленные системы, поведение которых подчинено достижению определенных целей, и самоорганизующиеся системы, способные в процессе функционирования видоизменять свою структуру.

В этом же году выходит в свет работа А.П. Огурцова «Этапы интерпретации системности знания» (ежегодник «Системные исследования», 1974). Через три года появляется коллективная монография В.Н. Захарова, Д.А. Поспелова и В.Е. Хазицкого «Системы управления». Основной акцент авторы делают на том, как рассчитать эффект от внедрения систем в управление и как правильно осуществлять сравнение затрат с полученным результатом [6, с. 394–404].

Вскоре вышла в свет фундаментальная монография Э.Г. Юдина «Методология науки. Системность. Деятельность» (М., 1977). В ней характеризуются общенаучные предпосылки возникновения системного подхода и его методологические предпосылки, осуществлен теоретический анализ внутреннего строения системных концепций [7, с. 171–180], основных принципов исследования рефлексивных систем [7 с. 205–210].

Годом позднее читатели получают возможность ознакомиться с фундаментальным и широко известным трудом А.И. Умова «Системный подход и общая теория систем» (М., 1978). Наибольший интерес в нем представляют системно-параметрическое описание народнохозяйственных комплексов [8, с. 217–224] и определение параметра «простоты – сложности» применительно к проблеме истинности теоретических систем [8, с. 260–269]. Нельзя обойти вниманием и эвристическую значимость очень серьезного труда И.В. Блауберга «Проблема целостности и системный подход» (М., 1997), в котором подчеркивается, что «понятие целого, целостности играет весьма важную роль в системных исследованиях», поскольку «система представляет собой целостный комплекс элементов» [9, с. 5]. В том же ряду стоит и обобщающий труд А.Д. Урсула «Общенаучный статус и функции системного подхода» (М., 1998). В этой работе подчеркивается огромная методологическая значимость общенаучного статуса системного подхода, который устанавливается и как теоретическая, и как эмпирическая база определенных онтологических и социально-практических оснований. Здесь же обращается внимание на то важное обстоятельство, что «системный подход в значительной степени помогает осуществлению функций систематизации, классификации научных... знаний и содействует осознанию того, что представляет наука как целостная и упорядоченная система» [10, с. 46].

Примерно в те же годы исследованиями социальных систем применительно к различным сферам общества занимаются белорусские философы и социологи. В 1976 г. выходит в свет фундаментальный труд Е.М. Бабосова «Социальные аспекты научно-технической революции». В нем осуществлено системное рассмотрение научно-технической революции как многогранного социального явления, тысячами зависимостей связанного с политикой и экономикой, образованием и культурой – со всеми сторонами современного общественного развития [11, с. 33]. Автор скрупулезно анализирует основные структурные компоненты данного процесса: влияние на изменение социальной структуры общества, возрастание в нем значимости науки и культуры, связь с развити-

ем образования и искусством. Он же исследует системные особенности науки и культуры («Философия науки и культуры», Минск, 2006), стратегического управления социальными конфликтами («Конфликтология», Минск, 2000; «Социология управления», Минск, 2001).

А.Н. Данилов осуществляет комплексное исследование системных социальных изменений современного постсоветского общества, особенностей происходящих в нем трансформационных процессов («Переходное общество. Проблемы системной трансформации», Минск, 1997; «Власть и общество: поиск новой гармонии», Минск, 1998).

С.А. Шавель в системной панораме представил основные направления социальной сферы общества в их сопряженности с формированием и развитием личности («Социальная сфера и личность», Минск, 1989).

Г.Н. Соколова исследует социальные механизмы развития экономической системы общества и регулирования рынка рабочей силы («Экономическая социология», Минск, 1995; «Рынок труда и механизмы его регулирования», Минск, 2001).

Э.М. Сороко изучает гармонию строения естественных и социальных систем как структурно определенных целостностей; особенности их изменчивости и устойчивости. Основная идея автора заключается в том, что приведение множества частей целого и структурных компонентов системы к их среднему значению фигурирует в качестве структурного инварианта. Осуществленный им вывод числовых структурных инвариантов показывает, что пространство структурного развития систем весьма неоднородно, а сфера проявлений закона структурной гармонии, ...срез его активности и потенциальных состояний поистине необычны («Структурная гармония систем» Минск, 1984). По его достаточно обоснованному утверждению, «переход общества от одной из бесконечного рода ступеней к другой знаменуется приобретением им новой социальной функции».

В фундаментальной монографии Л.А. Гуцаленко «Человек – мера добра и зла», вышедшей двумя изданиями (2008; 2011), сформулированная еще в античную эпоху Протагором идея о человеке как мере всех вещей предстает в качестве меропределяющего принципа конструирования социальных систем и одновременно основного источника самодвижения индивидуальной и общественной формы жизни людей. Автор вполне обосновано подчеркивает, что «мерная система человека представляет собой гетерогенную, относительно автономную, саморегулирующуюся систему биологических, психических, социальных, культурологических, ментально-архетипических, индивидуально-уникальных свойств человека, пребывающих в состоянии непрерывных количественно-качественных изменений, их перехода в меры различных уровней и оказывающих сущностнообразующее воздействие и взаимодействие человека с окружающим миром» [12, с. 497]. Из такого определения вытекает сделанный автором вывод, согласно которому осуществляется воздействие человека на развитие социальной системы, желательно в соответствии с благообразующими мерными пропорциями.

Представив обобщенную панорамную характеристику различных методов, составляющих непрестанно развивающуюся методологическую основу социально-философского, политологического, культурологического, социально-психологического исследования сложных социальных систем, автор считает необходимым подчеркнуть один, чрезвычайно важный момент в осуществлении такого исследования: во всех социальных системах различного уровня, сложности и иерархической структурированности важнейшим действующим лицом, начинателем и свершителем всех системных изменений и трансформаций является человек – креативно мыслящий, целеустремленно действующий и активно преобразующий окружающую социальную действительность, а вместе с тем и самого себя.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Соловьев, В.С. Собрание сочинений : в 10 т. / В.С. Соловьев. – СПб, 1913. – Т. 8. – 350 с.
2. Сорокин, П.А. Социальная и культурная динамика / П.А. Сорокин. – М., 2006. – 1176 с.
3. Бердяев, Н.А. Философия свободы. Смысл творчества / Н.А. Бердяев. – М., 1989. – 360 с.
4. Лосский, О.Н. Избранное / О.Н. Лосский. – М., 1991. – 559 с.
5. Гвишиани, Д.М. Организация и управление / Д.М. Гвишиани. – М., 1972. – 113 с.
6. Захаров, В.Н. Системы управления / В.Н. Захаров, Д.А. Поспелов, В.Е. Хазацкий. – М., 1977. – 450 с.
7. Юдин, Э.Г. Методология. Системность. Деятельность / Э.Г. Юдин. – М., 1997. – 246 с.
8. Уемов, А.И. Системный подход и общая теория систем / А.И. Уемов. – М., 1978. – 272 с.
9. Блауберг, И.В. Проблема целостности и системный подход / И.В. Блауберг. – М., 1997. – 450 с.
10. Урсул, А.Д. Общенаучный статус и функции системного подхода / А.Д. Урсул. – М., 1978. – 332 с.
11. Бабосов, Е.М. Социальные аспекты научно-технической революции / Е.М. Бабосов. – Минск, 1976. – 120 с.
12. Гуцаленко, Л.А. Человек – мера добра и зла / А.Л. Гуцаленко. – Минск, 2008. – 546 с.

Babosov E.M. System Approach in Scientific Works of Russian and Belarusian Philosophers and Sociologists of XX–XXI centuries

The necessity and the special importance of addressing systemic approach to the study of various social and cultural phenomena are proved in the article. It is revealed that great contributions to the development of the ideas of system approach were taken by Russian and Belarusian philosophers and sociologists. Also it is determined that the most profound and multifaceted treatment of the problem of developing social systems was emerged in the Russian philosophy and sociology in the twentieth century. In particular, its development can be found in the works of V.S. Soloviev, P.A. Sorokin, N.A. Berdyaev, N.O. Lossky, A. Rapoport, V.N. Sadowski, A.P. Ogurtsova, E.G. Yudin, A.I. Uemov, I.V. Blaumberg, A.D. Ursul and many others. Belarusian philosopher and sociologist also studied social systems applying to various areas of society. The most significant contribution was made by E.M. Babosov, S.A. Shavel, G.N. Sokolova, E.M. Fortieth, L.A. Gutsalenko.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 04.03.2013

УДК 316.422:159.923.2

В.И. Русецкая

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

В статье анализируются проблемы формирования социокультурной идентичности личности в условиях трансформации социокультурной реальности и в контексте таких глобализационных процессов, как ускорение социокультурной динамики, быстрая смена культурных образцов, детрадиционализация, ослабление межпоколенческих связей, мультикультурализм, расширенное воспроизводство массовой культуры.

Современный человек живет в разнообразных связях с окружающей средой, он принимает, или интериоризирует, определенные нормы, ценности, идеалы и представления той или иной социальной группы или культуры. Поэтому идентичность – это динамическое единство, целостность личности, процесс неостанавливающейся интериоризации социального опыта, в ходе которого у человека формируются представления о себе, на основе которых он действует. В этом плане даже социальная идентичность индивидуальна, личностна, интимна, сокровенна. Социокультурная идентичность заключается в осознанном принятии человеком (группой) определенных социокультурных образцов. Достижение социокультурной идентичности происходит в процессе идентификации. Социокультурная идентификация – это процесс усвоения индивидом (группой) различных видов социальной и культурной деятельности, норм, ценностей, идеалов определенного сообщества, процесс отождествления себя с реальными или вымышленными культурными образцами, людьми, являющимися для человека эталоном. Причисление себя к какой-либо социально-культурной общности дает личности возможность усваивать определенные социально-поведенческие стереотипы, посредством чего становится вообще возможным существование ее в данной общности, отождествление себя с определенной группой единомышленников. Сам процесс социокультурной идентификации, как и достижение данной идентичности, тесно связан и в значительной мере обусловлен процессами этнической и национальной идентификации.

Понятие идентичности очень прочно вошло в арсенал многих социогуманитарных наук: психологии, социологии, культурологи, педагогики и т.д., а в широкий оборот было введено американским психологом Эриком Эриксоном. Проблемой исследования идентичности занимались многие зарубежные и отечественные исследователи. Механизм социокультурной идентификации был описан в трудах разных ученых: психологов З. Фрейда, К.Г. Юнга, Л. Адлера, У. Джемса, А. Маслоу, Ж.П. Пиаже, Э. Эриксона, Ж. Лакана, К. Леви-Стросса, С. Хантингтона и социологов Х. Беккера, П. Бергера, З. Баумана, Э. Гидденса, И. Гофмана, Дж. Мида, Ч. Кули, Т. Лукмана, Ж. Бодрийяра, Ж. Липовецки, Г.П. Тульчинского, А. Шарова, Н. Федотовой, В. Ядова, Е. Дробижевой. В отечественной социологии также можно назвать ряд имен, внесших свой вклад в исследование проблем идентичности: Л. Науменко, Н. Беспмятных, У. Розенфельд, Г. Щелбанина, Л. Титаренко, Т. Водолажская.

Проблема социокультурной идентичности тесно связана с проблемой этнической и национальной идентичности как базовыми факторами, формирующими среду, в которой индивид оказывается самым фактом своего рождения. Идентичность связана с эмоциональной сферой человека как единство эмоционального, рационального и оценочного отношения к миру. Это мера отождествления и позитивного принятия субъектом той или иной культуры, той или иной социальной группы, тех или иных ценностей.

Связь индивида с культурой нации, к которой он принадлежит фактом своей биологической связи с ней, никому не гарантирована автоматически, одной только силой

текущей в ней крови. Быть русским по крови и русским по культуре – это разные вещи [1, с. 256]. В таком случае что мы присваиваем: кровь или культуру?

Ответ очевиден: разумеется, культуру, поскольку кровь отторгнуть нельзя – это неотчуждаемо. Нация, утверждает О. Бауэр, – это способ, каким характер предков определяет судьбу потомков. Она «есть не что иное, как общность судьбы, но эта общность... действует в двух направлениях». С одной стороны, это передача определенных культурных ценностей, с другой – наследование физиологических качеств. «Причем, когда мы рассматриваем нацию как культурную общность, ...мы имеем под собой гораздо более твердую почву, чем тогда, когда говорим о нации, как наследовании физических качеств» [2, с. 58]. Следовательно, когда речь идет о присвоении культурных ценностей, присваиваемой не обязательно будет культура биологической нации индивида. На вопрос «можно ли не принадлежать своей нации», есть ответ: биологически – нельзя, культурно – можно. Примеры, образцы и доказательства – А. Пушкин, В. Набоков или наш современник, основатель национального белорусского ансамбля «Песняры» В. Мулявин. Таких примеров можно привести множество, и все они будут свидетельствовать: этнические и национальные корни – только основание, дающее личности поле наследуемой национальной культуры (традиции, обряды), а с ним – нравственные нормы, образцы поведения и т.п. Индивид так или иначе находится под воздействием этнических, национальных, социокультурных и иных факторов, и его жизнь неизбежно становится «биографическим разрешением системных противоречий» [3, с. 11].

Человек, воспитанный в рамках одной культуры, а живущий в условиях другой или воспитанный в контексте нескольких культур одновременно, объективно принадлежит не к одной, а к нескольким культурам. Это не может не сказаться и на чувстве не только национальной, но и социокультурной идентичности, поскольку человек, таким образом, присваивает более чем одну культуру. Современные исследования свидетельствуют о возможности множественной национальной идентификации, поэтому использование опыта различных национальных культур, их освоение личностью и сообществом дает возможность осваивать и вносить свой вклад одновременно в развитие нескольких культур, таким образом расширяя рамки социокультурной идентификации личности и общества. Проблема человека как проблема идентичности есть вопрос об условиях и возможностях обретения и сохранения определенности в неопределенном мире, однозначности – в многозначном, устойчивости – в неустойчивом, где эти определенность, однозначность смыслов и устойчивость нужны как основание идентичности. Если идентичность есть соотнесение себя с иными, отождествление с какой-либо общностью, то социокультурная идентичность есть производное от социокультурной матрицы этого общества, а идентичность личности есть итог освоения человеком социальных норм и ценностей. Почему мы говорим о социокультурной идентичности, и что такое культурная идентичность; тождественны эти понятия, или они различаются? Некоторые исследователи их отождествляют, но мы склонны присоединиться к мнению тех, кто считает, что между ними есть различие.

Культурная идентичность – это, прежде всего, принадлежность индивида к какой-либо культуре, культурной группе, формирующей ценностное отношение человека к самому себе, другим, обществу, миру в целом. Культурная идентичность – это отождествление себя с теми или иными формами культурного бытия, той или иной культурной традицией. Однако в процессе культурной идентификации достижение личностью принадлежности к определенным культурным общностям, усвоение их культурных образцов обусловлено широким социальным контекстом. Поэтому более точно определять предмет исследования следует, учитывая социальный контекст и социокультурную идентичность. «Социокультурная идентичность есть элемент самосознания, проявляющийся в процедурах ощущения, осмысления и реализации субъектом своей опреде-

ленности и непрерывности в процессах принятия, интериоризации и интраиоризации культурных моделей, транслируемых значимыми с его точки зрения социальными институтами, общностями, группами, отдельными субъектами» [4, с. 5].

Социокультурная идентичность личности при широком распространении мультикультурных образцов в современных обществах формируется в широком поле множества различных культур и должна бы только способствовать культурному обогащению общества и личности. Однако не случайно сама проблема идентичности остро встала именно в XX в. при нарастании процессов обретения суверенитета различными странами, политического противостояния Запада и Востока, распространении процесса глобализации, когда происходит ослабление регулирующей функции культуры. Цивилизационное развитие оказывает сильное воздействие на культуру: оно изменяет и подвергает относительной девальвации традиции, устоявшиеся модели поведения и образы жизни. Культурное воздействие глобализации как феномен цивилизации проявляет себя «в распространении универсальных символов, образцов и способов потребления, независимо от специфики локальной культурной основы» [5, с. 11].

Это приводит к ослаблению регулирующей функции культуры: как совокупность значений и смыслов, как система ссылок и образцов культура утрачивает для индивида эту свою регулирующую роль. Ослабление влияния культуры является важнейшей особенностью современной культурной ситуации, которую характеризуют изменчивость, текучесть, бесформенность и в которой одни нормы и ценности исчезают, а другие появляются. Множественность систем ценностей, подходов, типов культурного поведения, расширяя сферу социально и культурно значимого, порождает у человека экзистенциальное напряжение, обусловленное, прежде всего, необходимостью совершения выбора, сознанием неопределенности и даже распадом «существующих форм социальной жизни, их некомплементарностью, а также необходимостью пребывания во все более расширяющемся поле неартикулированной реальности» [6, с. 28].

Феномен глобализации оказывает неоднозначное воздействие на процессы идентификации вообще и на процесс социокультурной идентификации личности и группы. Личность есть носитель некоего базового набора идентичностей по этническому, национальному, гражданственному, профессиональному и др. признакам, которые образуют основание и вектор ее социокультурного самоопределения. Определенный набор ценностей, норм, ориентиров передается из поколения в поколение, и без этой преемственности поколений общество не может существовать. Но в современных реалиях, по образному выражению З. Баумана, «пришли в движение не одни только люди, но также и финишные линии дорожек, по которым они бегут, да и сами беговые дорожки. Утрата четкого места в обществе становится ныне опытом, который может сколько угодно раз повторяться в жизни каждого человека... лишь немногие из возможных статусов оказываются достаточно надежными, чтобы можно было говорить о длительном пребывании в них... Перспектива обретения «стабильного пристанища» в конце дороги отсутствует; быть в пути стало постоянным образом жизни индивидов, не имеющих... устойчивого положения в обществе» [3, с. 129]. Как это сказывается на формировании социокультурной идентичности, социокультурной идентификации? С одной стороны, появившееся культурное многообразие, возможность знакомства с огромным количеством различных культур и культурных образцов, пребывания (даже виртуального) в различных культурных средах, усвоение и появление иных норм, традиций, идей и т.п., несомненно, является благом и неоспоримой ценностью как для личности, так и для общества. В то же время многие исследователи отмечают, что происходит разрушение традиций, или процесс детрадиционализации [7, с. 8]. Особенно негативно действует разрушение ценностно-нормативного аспекта традиций, что приводит к релятивизму или отрицанию вообще каких-либо норм человеческого общежития. Еще одной особенностью

является «быстрая сменяемость социокультурных образцов, сокращение срока их действия и, как следствие, ускорение социокультурной динамики» [7, с. 6].

Происходит также ослабление связей между поколениями, поскольку при существующем ускорении смены социокультурных образцов старшие поколения просто не успевают за глобальными изменениями в информационной культуре. В условиях глобального взаимозависимого мира выбор социокультурной идентичности становится определяемым очень широким спектром факторов. Возникают новые социокультурные образования – от различных сообществ по профессиональным и иным интересам до новых субкультур. Социокультурная идентичность как выражение освоения человеком множества различных культур, традиций и, таким образом, обогащения индивидуальной жизни в многокультурных сообществах, демократично воспринимаемая и приветствуемая, например, в Европе середины XX в., в наши дни подвергается сомнению не только коренными жителями, политиками разного уровня, но и учеными. Появившиеся многочисленные исследования по проблемам мультикультурализма подтверждают тот факт, что в многокультурном европейском обществе появились новые вызовы и угрозы. Лица иной культуры и веры, приехавшие на постоянное место жительства в Европу, селившиеся обособленными диаспорами, с трудом ассимилируются в общество; как правило, они сталкиваются с проблемами безработицы, более низкого уровня жизни, и, как следствие, вместо того, чтобы обогащать ценностями иной культуры стареющее население Европы, они усугубляют криминальную обстановку. Это происходит потому, что, изначально селясь обособленно, вновь прибывшие лица, особенно из стран, исповедующих иные религии, практически не смешиваются с коренными жителями, а живут в анклавах, в которые порой страшно даже зайти. Такие анклавы существуют в Европе, в Америке, в любой стране, где существует огромный разрыв между бедными и богатыми. Мультикультурализм таких стран, как США и СССР, отличался от европейского образца, так как представлял некую новую интеграцию, успешно включающую в себя как культурное разнообразие населяющих народов, так и стоящую над ним политическую и государственную общность. Ученые говорят о том, что мультикультурализм воспринимался как уже реально существующий в практике некоторых стран, и дискурсы вокруг мультикультурности чаще всего охватывали цивилизационные различия, гораздо реже – культурные. Менее всего была исследована специфика миграционных процессов в контексте их социокультурной идентификации [8, с. 14]. Нарастание различий между существованием выделяемых З. Бауманом двух типов сообществ: сообществ жизни и судьбы и сообществ, связанных только идеями или различными принципами, – привело к кризису идентичности не только личности, но и целых сообществ [9, с. 3].

Глобализация, усиливая нивелирование национальных и культурных основ, создает новые причудливые образцы массовой культуры во всех сферах человеческой жизнедеятельности. Воздействие глобализированных СМИ на процесс социокультурной идентификации также неоднозначно. Современные СМИ в силу своей способности мгновенно распространяться на все континенты и охватывать своим воздействием огромные массы людей различных культур и вероисповеданий создают огромные возможности приобщения людей к различным культурам. Распространяя и ставя во главу угла ценности общества потребления, современные СМИ формируют новый тип личности: его успешность определяется количеством денег, культом престижного потребления, культом власти и силы. Впервые СМИ стали не просто средством информации и коммуникации, но, формируя престижное потребление, они стали осуществлять функцию личностной идентификации, создавая и тиражируя на экранах и в прессе определенный стиль жизни «успешного человека». Современные глобализированные СМИ превратились в мощный инструмент манипулирования общественным мнением, создавая и ниспровергая идолов толпы. Специфику новой культурной среды, и определяю-

щей, и отражающей состояние современного человека, ученые определяют как общество постмодернизма. На базисной ценности индивидуальной свободы постмодернизм выражает мировоззренческую позицию современной эпохи: сосуществование всего со всеми, свобода каждого мыслить, чувствовать и действовать так и в тех пределах, которые налагает на «мою» свободу свобода другого человека. Постмодернизм как культурный плюрализм утверждает культурное равноправие всего, что существует, и право каждого на собственную позицию. Постмодернизм утверждает приоритет жизни в настоящем: человек должен жить «здесь» и «сейчас», а не в мире идеологических иллюзий. Такой прагматизм помогает человеку концентрироваться на актуальных проблемах своей жизни и успешно их решать. С другой стороны, сосредоточенность только на сегодняшнем дне, предпочтение жизни «без истин», эталонов и идеалов, отрицательное отношение к «империи рассудка» характеризуют прагматизм постмодернизма как форму деспотизма – деспотизма настоящего, который приходит на смену деспотизма будущего. Такая позиция не дает современному человеку возможности создать концепцию, стратегию собственной жизни, сопрягающую его систему идеалов и ценностей с идеалами и ценностями того общества, государства, страны, гражданином которой он является.

Итак, основными феноменами, изменяющими процесс социокультурной идентификации личности и общества, является трансформация политической, экономической, социальной, социокультурной реальности в контексте развития глобализационных процессов. Неоднозначное воздействие глобализации, расширение социокультурного поля идентификации, появление многообразных субкультурных образований, ускорение социокультурной динамики, быстрая смена культурных образцов, с одной стороны, а с другой – детрадиционализация, разрыв связей между поколениями, мультикультурализм, при котором не происходит реального взаимопроникновения культур, расширенное воспроизводство массовой культуры ставят перед исследователями множество вопросов, требующих безотлагательного решения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Межуев, В. Национальная культура и современная цивилизация / В. Межуев // Освобождение духа. – М., 1991.
2. Бауэр, О. Народ и его судьба / О. Бауэр // Новое время. – 1992. – № 5.
3. Бауман, З. Индивидуализированное общество / З. Бауман. – М., 2002.
4. Шакурова, М.В. Педагогическое сопровождение становления и развития социокультурной идентичности школьников : автореф. дис. ... док. пед. наук / М.В. Шакурова. – М., 2007.
5. Мартинковский, М. Здоровье и здоровый образ жизни в ценностных ориентациях молодежи / М. Мартинковский. – Минск, 2003. – С. 11.
6. Korpowicz, L. Osobowość i komunikacja w społeczeństwie transformacji / L. Korpowicz. – Warszawa, 1996. – С. 28.
7. Гуляев, С.Б. Влияние СМИ на социокультурную динамику в современном российском обществе / автореф. дис. ... канд. соц. наук / С.Б. Гуляев. – М., 2010.
8. Sadowski, A. Od eksplozji do realnych zagrożeń idei i praktyki wielokulturowości / A. Sadowski // Społeczeństwo wielokulturowe – nowe wyzwania i zagrożenia. – Białystok, 2012.
9. Федотова, Н.И. Мультикультурализм и политика развития / Н.И. Федотова. – Режим доступа: <http://ecsocman.hse.ru/data/2010/12/03/1214824583/3aFedotova>.

Rusetskaya V.I. The Formation of Socio-cultural Identity of the Individual in the Contemporary Society

The problem of formation of social and cultural identity of the individual in the conditions of transformation of social and cultural reality in the context of globalization: the acceleration of socio-cultural dynamics, rapid change of cultural patterns, detraditionalization, the weakening of link between generations, multiculturalism, the expanded reproduction of popular culture are analyzed in the article.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 11.03.2013

УДК 338.48:316 (035.3)

Т.И. Яковук

КОНСТРУИРОВАНИЕ НОВЫХ ТУРИСТИЧЕСКИХ ПРОСТРАНСТВ

Креативная деятельность и креативная индустрия традиционно концентрировалась на территории крупных городов, приводя к формированию креативных пространств, т.е. основных зон коммуникации, обмена идеями и оценки творческого воображения. Однако в последние десятилетия конструирование новых креативных пространств происходит также в местах крупных заброшенных производств, а также в сельской местности. Новые креативные пространства становятся популярными местами отдыха не только местных жителей, но и многочисленных туристов. Наиболее известные из них, например, индонезийский остров Бали или испанский город Бильбао, благодаря созданию креативных пространств, стимулировали перенаправление мощных туристических потоков, что, в свою очередь, привело к росту туристической индустрии, появлению новых рабочих мест и, как результат, к росту платежного баланса этих стран за счет доходов, получаемых от въездного международного туризма.

Конструирование туристического пространства является социальным процессом. Он возникает в стадии капитализма и напрямую зависит от массового производства товаров и услуг. Путешествие и туристический опыт для того, чтобы не оказаться уделом элитной прослойки социума, вынуждены были поддаться унификации и стандартизации. Уже к середине XIX в. с внедрением новейших гениальных технических открытий, приведших к появлению к таким принципиально новых транспортных средств, как пароход и паровоз, а также в связи появлением выходных и праздничных дней и оплачиваемых отпусков на рынке услуг формируются туристические бюро, ориентированные исключительно на оказание массовых туристических услуг.

Туризм как феномен современной жизни кардинальным образом изменяет глобальную картину мира. Как оказалось, он поглощает различные культуры, поведение и места, а затем все это перерабатывает в институализированную и коммерциализированную систему, призванную удовлетворить спрос на поиск новых впечатлений. Спрос на культурный опыт в наше время растет и ведет к росту числа объектов такого опыта – туристических достопримечательностей.

Так, Т. Эденсор в известной работе «Туристы в Тадж-Махал» пишет, что во все большей мере места и пространства становятся объектом интенсивного давления со стороны рынка, в результате чего они превращаются в товар, который имеет большие шансы на притяжение международного капитала и туристов. В итоге происходит умножение туристического пространства.

Существенным элементом туристической промышленности является репрезентация. Символы, образы, знаки, рассказы являются инструментом пропаганды туристических мест. Но они являются также «элементом технологии обрамления видов и культур, создающим эпистомологический аппарат, сквозь который туристы видят и интерпретируют культурные различия».

В данном контексте достаточно интересным представляется формирование экзотических туристических пространств. Весьма примечательно формирование, например, экзотической дестинации Папуа-Новая Гвинея. Это одна из последних в мире диких территорий, на которую устремляются истинные любители приключений и естественной, не испорченной цивилизацией местной культуры племен папуасов. Западная Гвинея (Ириан Джая, Западный Ириан), включенная в состав Индонезии, в свое время пережила интенсивные процессы колонизации. Ириан Джая «осваивался» в основном колонистами из Явы, вдохновленными главным лозунгом Индонезии того времени – «Сила в разнородности». До Второй мировой войны Папуа-Гвинея принадлежала Голландии, которая свела свою экономическую экспансию исключительно к побережью. Пос-

ле того, как в 1938 г. была обнаружена долина Балием (Baliem Valley), расположенная на плоскогорье рядом со Снежными горами, географическое открытие было заявлено в «National Geographic». Позже эти территории стали привлекать миссионеров. Буйная тропическая растительность скрывала поселения папуасов, число которых в то время составляло примерно 100 000 человек.

В настоящее время истинным путешественникам предлагается классическая программа пребывания в долине Балием. Попастъ сюда из Джайяпура, столицы Ириана, можно, лишь воспользовавшись небольшим самолетом, поскольку в этом регионе отсутствует авто- и железнодорожная инфраструктура. Перелет в Вамену, единственный анклав цивилизации с населением в 7 000 человек, магазинчиками, улицами, аэропортом и несколькими скромными отелями, занимает около 40 мин. Все товары, строительные материалы, бензин доставляются сюда на самолетах. В самой долине проживают племена дани (дугул-дани), лани и йали, а также племя каннибалов коровай, представляющие древнюю примитивную культуру. Папуасы живут здесь в мазанках из тростника и глины, мужчины ходят вооруженные луками и стрелами, носят котеки (холимы). Женщины прикрывают юбочками из растительных волокон лишь бедра. Все расчеты производятся не в долларах и даже не в рупии, как в Вамене, а в свиньях.

В первый же день пребывания на Балием гид встречает гостей для необычной экскурсионной программы, включающей осмотр деревни Синатма в горах Напуа и обед в местном ресторане, где путешественникам предлагаются блюда локальной кухни (рыба в кляре, курица тушеная с овощами, овощной салат, фрукты), а также тур в деревню Весапуту, где туристов ждет знакомство с местными обычаями и ремеслом, посещение местного рынка. Туристический продукт предполагает также получасовой переезд в южную часть долины Балием – Согокмо, а дальше пятичасовой пеший переход в Весапуту. По пути туристы пересекают плантации батата, идут по подвесному мосту через реку Балием. Любителям экзотических путешествий предлагается получасовой переезд на автомобиле в северную часть Балиема до Дживики для осмотра 250-летней мумии, а также кульминационный пункт программы – пешая прогулка в деревню Анемоги, где аборигены охотно продемонстрируют сражение, которое, по сути, является доисторической войной племен. Завершается программа экскурсионным туром, включающем осмотр памятных мест Джайяпура, обед в городском ресторане (индонезийская еда). Перед вылетом на Балиеме предлагается посещение музея антропологии, рынок Хамади (сувениры и т.д.) и прогулка по Джайяпура.

Как бы ни были изолированы папуасы, но постепенно влияние городской цивилизации отрывает племена долины от их традиций и верований. Однако СМИ по-прежнему много и охотно пишут о папуасах, утверждая, например, что «большая часть папуасов до сих пор живет в буквальном смысле в каменном веке. Между племенами нередко вооруженные конфликты, в которых порой принимают участие сотни и даже тысячи вооруженных луками и копьями воинов, а их старейшины отвергают любые законы, кроме традиционных племенных». А в это время в долине процветает торговля (иногда весьма навязчивая) сувенирами: обнаженные папуасы охотятся на туристов вблизи отелей, предлагая изделия примитивного ручного труда. По сценариям, написанным и хорошо отработанным в бюро организаторов туризма, разыгрываются межплеменные битвы, заканчивающиеся перемирием, танцами и пиршеством с участием туристов. Во всем этом уже так мало аутентичности, что опытные путешественники называют эти туристические дестинации «сувенирными лавками».

Осенью 2010 г. международные новостные агентства сообщали о том, как полиция Индонезии наводила порядок в столице провинции Папуа, где вспыхнули межэтнические беспорядки. Поводом к погрому и поджогам послужил рингтон на сотовом телефоне (!), который представители одного из племен сочли оскорбительным. В данном

случае музыка оказала на островитян такое поистине магическое действие, что папуасы схватились за холодное и стрелковое оружие, после чего атаковали столицу провинции Папуа... И все-таки в Вамене постепенно растет число отелей, и вполне возможно, что после окончания строительства автомобильной магистрали, соединяющей ее со столицей Джайяпурой, туристические потоки в это пространство возрастут, туристический продукт подешевеет и станет вполне доступным массовому туристу. Тогда этап «разведки» изолированного региона сменится этапом «внедрения». Пространство близлежащих джунглей подвергнется цивилизации и превратится в пригородную зону, среди обрабатываемых полей выживут папуасские деревни, но лишь потому, что они станут востребованным туристическим продуктом. Долина Балием окажется растоптанной многочисленными толпами туристов, а разочарованные «разведчики» отправятся вглубь джунглей, потому что там их ждет незабываемая встреча с аборигенами племен каравай, которые живут на деревьях, носят на себе лишь банановые листья, охотятся на диких кабанов и практикуют каннибализм.

Не менее показательным является формирование новой индонезийской туристической дестинации (места туристического пребывания) в горном краю тараев на острове Сулавеси. Племена тараев славятся своими погребальными обрядами и ддящимися до недели поминальными обедами. На погребальном пиру приглашенные роды приносят в жертву богам сотни свиней. Их убийство призвано обеспечить умершему переход в потусторонний мир. Изготовленный из сандалового дерева гроб с покойником устанавливается на платформе перед зернохранилищем. В это время подготавливается чучело умершего, называемое тау-тау, выполненное из хлебного дерева. В конечном итоге гроб вместе с тау-тау размещают в одной из пещер. Погребальные торжества происходят с июля по сентябрь. Для любознательных туристов участие в этих погребениях является невероятным опытом и аутентичной достопримечательностью каждого выезда. Визит в страну тараев предлагается многими организаторами туризма, но при этом оказывается, что от туристов, желающих присутствовать на пиру, требуется материальная помощь семьям – как денежная, так и в виде мыла или сигарет.

Антропологические ландшафты и креативные туристические пространства могут создаваться не только в экзотических странах. Так, Тадеуш Стриякевич, польский исследователь из Института социально-экономической географии и пространственной экономики, осуществил анализ связи антропологического преобразования пространства с интродукцией креативной деятельности и туристическим движением на отдельных примерах относительно трех типов ландшафта: городского, деревенского, а также связанного с деятельностью шахт и металлургических предприятий. Исследователь отмечает, что города на протяжении столетий являются пространствами деятельности, местами особого союза выделяющихся в ландшафте объектов, людей и событий, неоднократно «встроенных» в привлекательное местоположение (например, на берегу моря или реки), и природными условиями (например, полезный климат, наличие минеральных вод). Соединение этих достоинств генерировало и продолжает генерировать туристическое движение в его различных формах. Результаты исследовательских проектов ACRE, CIRES указывают на то, что во второй половине XX в. и в начале XXI в. формирование новых креативных пространств в городах связано часто с процессом ревитализации прежних, на первый взгляд, малопромышленных, портовых или военных пространств. Глубокое преобразование ландшафта и придание ему новых, например, культурных функций становится началом «новой жизни» целых городов или их районов.

Одним из наиболее классических примеров таких ландшафтных и функциональных преобразований является испанская столица басков Бильбао, которая начиная с 1970-х гг. переживала социально-экономический кризис, сопровождавшийся закрытием большого числа металлургических, химических, кораблестроительных предприятий.

Принятая властями басков и поддержанная в Мадриде программа реструктуризации охватывала не только такие стандартные мероприятия, как привлечение внешних инвестиций в «твердую» инфраструктуру (аэропорт, метро), но также инвестирование в культуру и городской туризм. С целью реализации этой программы было налажено сотрудничество с фондом Гуггенхайма, в результате чего появился Музей современного искусства за 100 млн евро, который открылся в 1997 г. и был размещен в промышленной зоне города. Этот музей с необыкновенно оригинальной архитектурой вместе с Дворцом конгрессов и музыки до неузнаваемости изменили облик неприглядного портово-промышленного города и окружающего его региона. За короткое время Бильбао не только превратился в регион оживленного туризма, но и стал также привлекать творческую интеллигенцию («эффект Гуггенхайма»). Музей Гуггенхайма обрел статус новой доминанты городского ландшафта, часто сравниваемой с такими объектами, как здание Оперного театра в Сиднее. Считается, что лишь за первый год деятельности музея в регионе Бильбао прибавилось 3,8 тыс. новых рабочих мест преимущественно в совершенно новых профессиях, связанных прежде всего с креативной деятельностью и туризмом. Уровень безработицы снизился с 28% (начало 1990-х гг.) до 6–7% в настоящее время. Трансформировалась также социальная структура региона (рост участия творческого класса), а также рост его доходов.

Т. Стрыякевич приходит к выводу: это классический пример оживления экономики путем создания креативных пространств и связанным с ними развитием туризма следует использовать в тех городах, регионах и странах, где уровень творческой деятельности низок и в то же время есть многочисленные пространства с разрушенным промышленностью ландшафтом, требующим ревитализации (это относится и к Беларуси).

В соседней Польше наиболее типичным примером изменений городского ландшафта, связанных с ревитализацией промышленных объектов и пространств, является, например, мануфактура в Лодзи, где в настоящее время размещаются музей, художественные галереи. На территории прежних предприятий легкой промышленности происходят интересные культурные события. А в Познани на территории прежнего пивного комбината размещается современный центр торговли, искусства и бизнеса. Подобно испанским центрам, такие объекты стали не только новыми ландшафтными доминантами, но и новыми модными, особенно среди молодежи, туристическими пространствами, особенно туризма выходного дня.

В 1990 г. берлинские свободные художники «оккупировали» большое здание, которое ранее использовалось как торговое помещение, и превратили его в центр альтернативного искусства. Так в Берлине появился известный Тахелес. В Эссене, горнодобывающей столице Германии, располагается «Цехе Цольферайн» – самый большой каменноугольный комплекс страны, который закрылся 15 лет назад, а последние 10 лет является одним из крупнейших арт-центров Германии.

В Австрии Музей прикладного искусства открыл свой филиал прямо в одной из шести башен противовоздушной обороны, которые построили в Вене нацисты во время войны, и место, связанное с негативным историческим прошлым, превратилось в популярный арт-центр. Подобный объект – «Арсенал Венеции» – находится и в Италии. Начиная с XI в. и до начала XX в. Арсенал был судостроительной верфью, а в настоящее время здание широко известно как музей, где проходит Венецианская биеннале.

Нью-Йорк можно по праву назвать столицей мира искусств: там находятся более тысячи художественных галерей и несколько тысяч торговцев живописью. В нью-йоркском районе Сохо в XIX в. работали текстильные фабрики, а с середины XX в. в этих помещениях обосновались многочисленные галереи и студии.

Тенденции антропологического изменения промышленных ландшафтов закрепились и на постсоветском пространстве. В Москве самые значительные выставки со-

временного искусства проходят на «Винзаводе», в центре современного искусства, который находится на территории бывшего пивоваренного завода (впоследствии винного комбината) «Московская Бавария». В арт-центре на территории бывшего винного завода находятся десять самых успешных галерей российской столицы, а также несколько магазинов, кинозал и кафе. В Перми подобным ревитализованным пространством является «Речной вокзал». Открытие в помещении речного вокзала Музея современного искусства превратило его в один из наиболее заметных арт-объектов новой культурной столицы России.

В Украине также пустующие заводские цеха и даже заброшенные индустриальные районы превращаются в арт-центры, а колоритные здания неработающих фабрик и заводов, а также недостроенные павильоны торговых центров Киева и Донецка всё чаще превращаются в выставочные площадки. На очереди другие крупные города. Украинский художник Сергей Радкевич в 2011 г. создал огромную фреску «Евхаристия», расположенную в оживленном общественном месте – внутри исторического здания Бессарабского рынка в Киеве. Эта фреска, по мнению автора, переосмысливает старый контекст рынка как коммерческого пространства посредством размышлений о духовном значении пищи. Художник сумел создать чрезвычайно современный язык из обломков прошлого и наложить религиозную иконографию на язык и формы стрит-арта.

В марте 2012 г. минские художники сняли в аренду третий этаж завода «Горизонт», на котором прежде располагался сборочный конвейер телевизоров. В рамках проекта были представлены работы лучших современных белорусских художников и организована серия семинаров по современному искусству.

Достаточно удачным примером создания креативного пространства является улица Советская в г. Бресте. Можно долго спорить, насколько удачными являются новостройки на центральной улице города, но здания, ранее располагавшиеся на ней, не представляли собой памятников архитектуры. После реконструкции эта пешеходная улица стала визитной карточкой города. Она сразу же полюбилась брестской молодежи и стала местом ее «тусовок». Вновь отстроенные многочисленные магазины, уютные кафе, благоустроенные места для отдыха пешеходов привлекают не только горожан, но и гостей города.

Итак, как мы видим, в современном мире распространение креативных индустрий было напрямую связано с необходимостью перепрофилирования городов и создания новых рабочих мест. Когда в 1970–1980 гг. многие промышленные города и регионы столкнулись с глобальными трудностями: массовой безработицей, деградацией городской среды, оттоком жителей. Выбор креативных индустрий в качестве лекарства от экономической депрессии оказался верным решением.

На первый взгляд кажется, что для создания креативных пространств необходимы масштабные вливания в развитие творческих индустрий и источники мощных инвестиционных потоков. Таких источников может быть несколько: гранты, фаундрайзинг (спонсорство), инвестиции и государственная поддержка. В идеале все они должны быть вовлечены в процесс трансформации экономики и городского пространства. Поиск грантов и фаундрайзинг – зона ответственности самих представителей творческих индустрий, активность которых – своеобразный индикатор зрелости креативного класса. Но не все так однозначно. Доказательством инвестиционной привлекательности креативных проектов может служить история железнодорожного депо Макасинит в Хельсинки, редевелопмент которого обошелся без государственных вливаний. Арендовав железнодорожные пакгаузы у города, инвестор вложил минимальное количество средств в ремонт недвижимости и закупку оборудования и стал сдавать помещения для занятий спортом, корпоративных вечеринок поклонников андеграунда, под торговлю дисками, пленками, культовой одеждой. Через год оборот предприятия достиг

1 млн евро при крайне низких расходах на содержание. Создание таких пространств представляется необходимым в связи туристической политикой Республики Беларусь. С другой стороны, нельзя откладывать эти проекты на далекое будущее, поскольку после приватизации устаревших белорусских предприятий их новые собственники смогут безбедно существовать, сдавая в аренду удобно расположенные промышленные помещения. Такая ситуация станет реальным барьером на пути создания новых креативных пространств и туристической инфраструктуры.

Создание новых креативных пространств изменит также культурный статус нашей страны, ее имидж и популярность среди путешественников, будет способствовать росту ее международных связей и капитализации. При этом следует учитывать: креативные пространства формируются на базе не только кластеров креативной индустрии, но также публичных пространств, если они демократичны, стимулируют свободную коммуникацию людей и способствуют их самовыражению. Формирование креативных пространств возможно на базе лишь тех креативных индустрий, которые предполагают экспонирование творчества и его оценку.

Для чего нам нужны современные креативные пространства? Чтобы обеспечить творческой молодежи среду, настолько же богатую возможностями для обучения, самообучения, обмена навыками, экспериментирования и реализации собственного видения города, мира, насколько богаты этим упоминавшиеся нами крупнейшие креативные центры. А также для того, чтобы транслировать наиболее успешные решения конкретных задач (неважно, в сфере IT, живописи, управления ресурсами или градостроительства), опробованные в «креативных пространствах», в большую по масштабу среду района, города, республики.

Решив эту проблему, Беларусь сможет продвинуться в вопросе расширения действующей туристической инфраструктуры. Новые креативные пространства, несомненно, привлекут к себе туристические потоки, что будет способствовать появлению новых рабочих мест, прежде всего, в индустрии гостеприимства, позитивному изменению платежного баланса за счет роста доходов, получаемых от обслуживания въездного международного туризма.

Yakavuk T.I. Constructing of New Tourist Areas

Creative activity and creative industry was traditionally concentrated within the territory of big cities, causing the formation of creative areas, i.e. basic areas of communication exchange of ideas and evaluation of creative imagination. However in the last decades the constructing of new creative areas takes place also at the places of abandoned production areas and within the rural territories. New creative areas turn into places of popular recreation not only for local inhabitants but also for numerous tourists. The most famous among them, for instance is the Indonesian island of Bali and Spanish city of Bilbao, which owing to the creation of creative areas, stimulated the redirection of huge tourist streams, causing the growth of tourist industry, creating of new job places and, finally, the growth of balance of payments in these countries on account of revenue, obtained from international entry tourism.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 25.02.2013

УДК 316.346

Е.С. Бабосова

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ АКТИВНОСТЬ СОВРЕМЕННОЙ БЕЛОРУССКОЙ МОЛОДЕЖИ

В статье рассматривается роль общественно-политической активности современной белорусской молодежи. Выявлено, что такая активность зависит от особенностей отношения молодых людей к политике, от уровня ее знаний политических процессов и событий, от когнитивных политических ориентаций. На основе обобщения материалов социологических исследований выделены основные формы общественно-политической активности молодежи. Охарактеризовано отношение молодого поколения к различным структурам гражданского общества, к формам общественного и политического участия, к политическим событиям, к способам отстаивания своих интересов, к источникам получения информации и коммуникации, в частности, к сети Интернет. Выявляются факторы, способствующие и препятствующие общественно-политической активности молодежи. Сформулированы выводы и практические рекомендации по активизации деятельности молодежи в общественно-политической сфере.

Введение

Проблема активизации участия молодежи в общественно-политической жизни общества является одной из актуальных и социально значимых. Обусловлено это тем, что молодежь представляет собой особую, обладающую рядом специфических характеристик социальную группу, от которой во многом зависит будущее. Успешное реформирование государства и формирование гражданского общества возможны только при активном участии в этом процессе молодого поколения. Одним из основных факторов формирования и становления гражданского общества является становление личности такого молодого человека, который обладает определенным набором знаний и навыков, имеет определенную систему демократических ценностей, а также активно участвует в общественно-политической жизни страны.

С научной точки зрения молодежь можно представить как важную социально-демографическую группу, отличающуюся от других определенными возрастными характеристиками, находящуюся в процессе развития психофизиологической, социокультурной и гражданской зрелости, приспособления к исполнению социальных статусов и ролей, свойственных взрослым людям. Она представляет собой самый подвижный и динамичный социальный слой. В условиях глобального экономического кризиса, который охватил практически все страны мира, в том числе и Беларусь, такие качества оказываются наиболее востребованными и социально значимыми. Именно молодежь, вступая в дееспособный возраст, оказывает наиболее сильное влияние на демографическую ситуацию в стране. Кроме того, молодежь будет предопределять структуру занятости в ближайшее десятилетие. Молодежь занимает достаточно высокий удельный вес в демографической структуре современного белорусского общества. Согласно Закону Республики Беларусь от 7 декабря 2009 г. «Об основах государственной молодежной политики», к этой группе можно отнести людей в возрасте от 14 до 31 года; таким образом, молодежь составляет почти четверть населения Республики Беларусь (2,345 млн человек) [1, с. 7].

От того, как пройдет социализация, вступление во взрослую жизнь молодых людей, зависит путь дальнейшего развития страны. Именно поэтому одним из важнейших направлений инновационного развития белорусского общества является целенаправленная деятельность по формированию эффективной молодежной политики, а также вовлечению молодых людей в сферу государственно-общественного управления. Это обуславливает необходимость периодического исследования молодежи, сбора и анализа достоверных сведений о ее жизни, о ее потребностях и интересах. Только на основе

данных о положении молодежи и их теоретического обобщения может быть разработана и осуществлена реальная молодежная политика.

Активизация в обществе интереса к проблеме общественно-государственного управления обусловила активизацию поиска форм и методов ее решения, в том числе в молодежной сфере: поддержка талантливой молодежи, привлечение молодых кадров в научно-исследовательскую деятельность. Атрибутами нашего времени становится организация и проведение многочисленных молодежных инновационных форумов, конкурсов, выставок, конференций, бизнес-инкубаторов. Обращая приоритетное внимание на талантливую и перспективную молодежь, общество заботится о своем интеллектуальном богатстве, которое в настоящее время можно рассматривать как единственный неиссякаемый ресурс, который воспроизводится, преумножается и накапливается.

За последнее время было принято большое количество законов и указов Президента, постановлений Правительства Республики Беларусь в сфере научной, научно-технической и инновационной деятельности, значительная часть которых непосредственно направлена на создание и обеспечение благоприятных условий для учебы и стимулирование творческой деятельности молодежи. В частности, на это нацелен Указ Президента Республики Беларусь от 26 апреля 2010 г. № 199 «О некоторых вопросах формирования, ведения и использования банков данных одаренной и талантливой молодежи». Таким образом, белорусское государство старается обеспечить непрерывное инновационное развитие общества, сделав акцент в том числе и на создании нормативно-правовой базы развития инновационного потенциала молодежи. «При этом процесс развития инновационного потенциала молодежи, очевидно, должен носить не спонтанный, а целенаправленный характер согласно приоритетным направлениям научных исследований и инновационной деятельности в Республике Беларусь» [2, с. 75].

Общественно-политическая и инновационная активность молодежи зависит от представлений молодых людей о гражданском обществе в целом, от отношения к его идеалам и ценностям, к различным структурам гражданского общества (политические партии, общественные организации и другие), от существующих ценностных ориентаций и установок на проявление гражданской активности. Для того чтобы получить более конкретное представление о такой активности молодежи, целесообразно обратиться к результатам конкретных социологических исследований. Так, в 2012 г. Институтом социологии НАН Беларуси был проведен республиканский ежегодный мониторинг общественного мнения, одной из задач которого являлось выяснение ценностных ориентаций молодежи. Было опрошено 2 107 человек, в том числе 541 молодой человек в возрасте до 29 лет (25,7% от общего количества опрошенных): 276 юношей и 264 девушки, проживающие в столице и областных центрах, малых городах и сельской местности, что соответствует статистическим данным генеральной совокупности. Это дает основания говорить о некоторых тенденциях, проявившихся во всех молодежных группах респондентов как характерных для белорусской молодежи в целом.

Решающее влияние на общественно-политическую активность молодежи оказывает удовлетворенность различными аспектами жизни. Согласно данным ежегодного мониторинга, 40,3% опрошенных молодых людей «удовлетворены» и «скорее удовлетворены» своей работой. Зато в отношении заработной платы (доходов) картина является совершенно иной: лишь 18,2% респондентов «удовлетворены» своей зарплатой. Степень удовлетворенности работой зависит от множества факторов – как внутренних, так и внешних. Однако при большом разнообразии факторов и различной направленности их влияния на человека можно выделить несколько основных характеристик работы, от которых достаточно устойчиво зависит степень удовлетворенности работой. Что касается остальных аспектов, связанных с работой молодых белорусов, то своей

занимаемой должностью «удовлетворены» 34%, режимом работы – 41,2%, своей профессиональной подготовкой – 44,2%.

Следует отметить в качестве положительного тот факт, что молодые люди в основном удовлетворены уровнем своей подготовки; они понимают, что только наличие качественного образования предоставляет возможность получить в дальнейшем интересную и перспективную работу. Конечно, образование и учеба не гарантирует получения более выгодного положения в профессиональном плане, однако тот молодой человек, у которого вообще нет никакого диплома, не имеет практически никаких шансов в конкурентной борьбе за перспективное рабочее место. Другими словами, чем сильнее разрыв между предложением и спросом на квалифицированную рабочую силу, тем больше молодой человек должен вкладывать в собственное образование.

Общественно-политическая активность молодежи во многом зависит от их отношения к политике, от уровня их знаний о политике, их осведомленности о политических процессах и событиях – другими словами, от когнитивных политических ориентаций. Такие ориентации формируются как пассивно (в процессе политической социализации), так и активно (когда человек сознательно и целенаправленно интересуется политикой). Уровень политической осведомленности молодых граждан может рассматриваться как один из показателей эффективной деятельности государственных органов, а также как предпосылка гражданской активности. «Уровень политической осведомленности молодых граждан может рассматриваться как один из показателей эффективной деятельности государственных органов, а также как предпосылка гражданской активности» [3, с. 37].

Если с таких позиций проанализировать отношение молодежи Беларуси к политике, то можно увидеть следующую картину. Большинство опрошенных молодых людей (53,8%) в той или иной мере интересуются политическими событиями, которые происходят в Беларуси. Совсем не интересуются политикой 12,7% молодых белорусов.

Общественно-политическая активность связана с уровнем социальной напряженности. Она отражает степень адаптации населения, в том числе и молодежи, к происходящим в обществе социально-политическим процессам. Повышение уровня социальной напряженности может проявиться в резком росте недовольства, недоверия правительству, возникновении протестных форм активности, конфликтности в обществе, тревожности. При определенных изменениях ситуации, особенно связанных с ухудшением качества жизни (имеется в виду не только материальное, но и социальное самочувствие молодежи, возможность ее доступа к образовательным услугам, культурным ценностям и благам жизни), политическое брожение в молодежной среде способно резко активизироваться. Красноречивым свидетельством наличия такой возможности является степень готовности молодых людей принимать участие в различных формах протестных выступлений. Полученные в ходе проведения мониторинга данные свидетельствуют о довольно низком уровне протестной активности молодежи. Например, респондентам был задан вопрос: «Какой из способов отстаивания своих интересов Вы считаете наиболее эффективным?». Так, возможность своего участия в митингах и демонстрациях подтвердили 3,6% опрошенных, участие в забастовках – 2,0%. Полученные данные свидетельствуют о том, что в отстаивании своих жизненных интересов молодые люди чаще ориентируются на индивидуальные, а не общественные факторы и мнения. Более четверти опрошенных (28,9%) предпочитают использовать для решения своих жизненных проблем и реализации интересов личные связи и знакомства.

Большое значение имеет выяснение отношения молодежи к политическим партиям страны. Как правило, любая политическая партия заинтересована в том, чтобы граждане видели в ней компетентную политическую силу, способную отстаивать их интересы и разрешать наиболее острые социально-экономические вопросы. Для того, чтобы выиграть и получить преимущество в конкурентной политической борьбе, пар-

тия нуждается в поддержке избирателей, но для этого граждане должны видеть в ней защитника своих интересов и доверять ей. К сожалению, авторитет белорусских политических партий в молодежной среде является невысоким в силу их многочисленности, нечеткости программ, слабости их социальной базы, отсутствия организованной общественной поддержки. В связи с этим политические партии не пользуются поддержкой со стороны молодежи и не вызывают у молодых людей желания присоединиться к их деятельности. Так, на вопрос «Если бы в белорусский парламент выборы проводились по партийным спискам, то за какую политическую партию Вы бы проголосовали?» более двух третей опрошенных молодых людей (65,4%) затруднились ответить, а еще 21,8% респондентов проголосовали бы против всех. Следует отметить, что практически каждая политическая партия в тот или иной момент приходит к значимости молодежной политики: во-первых, молодежь обладает значительным электоральным потенциалом, во-вторых, молодежь является наиболее перспективным ресурсом инновационного развития общества, и именно от ее настроений будет зависеть это развитие. Возможно, росту популярности политических партий может способствовать создание взаимодействующих с ними молодежных организаций, которые способны более активно контактировать с молодыми людьми. Опыт демократических стран показывает, что при определенных условиях такие организации способны создавать резерв для будущей политической деятельности. Кроме того, «сама молодежь должна вызывать, формировать и провоцировать интерес к себе со стороны руководства политических партий... должна сложиться особая социально-политическая ситуация, в которой фактор молодежи может иметь определяющее значение» [4].

Общественно-политическая активность молодежи находит свое отражение в участии молодых людей в общественной и политической жизни своей страны. Что касается Беларуси, то 54,3% опрошенных молодых людей принимают участие в выборах Президента, 39,9% – в выборах в местные Советы депутатов, 35,7% – в выборах в Парламент. Более трети опрошенных молодых белорусов (31,5%) ответили, что они вообще не участвуют в общественно-политической жизни страны. Относительно невысокий интерес молодежи к политике в целом понятен и закономерен: интерес молодежи сфокусирован прежде всего на проблемах социализации и вхождения во взрослую жизнь. Многие молодые люди не понимают, каким образом вопросы, обсуждаемые политиками, соотносятся с их собственной жизнью и решением их проблем.

Несмотря на то, что в Беларуси существуют молодежные политические организации, большинство опрошенных демонстрируют к ним индифферентное отношение. Принимают участие в деятельности политических партий и движений лишь 1,3% опрошенных молодых белорусов: это либо молодежные отделения политических партий, либо политические проекты, созданные старшим поколением для решения каких-то конкретных политических задач. Практически нет таких объединений, создание которых было бы инициировано самой молодежью для реализации своих интересов. Современное молодое поколение скорее склонно принимать участие в деятельности различных общественных и волонтерских организаций: 24,3% принимают участие в деятельности молодежных и детских организаций, 15,0% – спортивных, 10,35% – благотворительных, 2,9% – религиозных, 2,8% – экологических, 1,9% – ветеранских организаций, в деятельности правозащитных и женских организаций – по 1,8%, в деятельности обществ инвалидов – 1,4% респондентов. Участие в волонтерской общественной работе позволяет непосредственно увидеть результаты затраченных усилий и решать насущные проблемы на локальном уровне. Многие молодые люди не видят в политическом процессе таких же результатов в плане их непосредственного влияния на жизнь, что, в свою очередь, приводит их к выводу о том, что политическое участие не является инструментом для положительных перемен.

Значительную роль в формировании общественно-политической активности молодежи играют СМИ. В условиях инновационного развития белорусского общества развитие медиасистемы идет стремительными темпами. Многообразие типов СМИ, появление и распространение новых технологий в области массовых коммуникаций усиливают и расширяют сферу их влияния. Наиболее распространенным источником получения молодежью необходимой и актуальной информации о жизни в Беларуси и за рубежом является Интернет. К нему обращается подавляющее большинство респондентов – 79,2%. Далее по мере убывания важности источников информации для молодежи следует телевидение – 66,1%. Получают политическую информацию по радио и из печатной периодики соответственно 22,5% респондентов. Кроме того, около четверти опрошенных доверяют политической информации, полученной от родственников, друзей и коллег – 27,9%, а 7,8% предпочитают официальное информирование по месту работы или учебы.

Глобальная сеть стала неотъемлемой частью жизни современного общества, а число пользователей постоянно растет, в том числе и в Беларуси. Посредством сети Интернет молодой человек получает возможность включаться в новые потоки информации, в том числе и касающиеся различных политических вопросов. Для большинства молодых людей именно сеть Интернет является основным источником получения информации. Согласно данным проведенного мониторинга общественного мнения большая часть опрошенных показали себя активными пользователями сети Интернет: пользуются Интернетом практически каждый день 76,5% респондентов; обращаются к Интернету не реже 1–2 дней в неделю 12,8% опрошенных, не реже 1–2 раз в месяц – 3,7%, реже 1 раза в месяц – 2,4%.

Интересным представляется узнать, для чего молодежь использует сеть Интернет, какие сайты посещает, какими ресурсами пользуется. Отрадным является тот факт, что основным посетителем новостных ресурсов сети Интернет является молодежь. Согласно данным исследования европейского исследовательского агентства *gemiusAudience*, проведенного в июне 2012 г., именно молодые люди составляют около 38% всей аудитории сети Интернет в Беларуси и именно они осуществляют 41% просмотров *Yuput*. При этом на новостные ресурсы приходится примерно 12% просмотров. В ходе исследования были проанализированы социально-демографические характеристики белорусских пользователей 76 сайтов. Общий охват исследования составил 836 746 человек, которые провели на сайтах-участниках почти 1,5 млн часов сделали (74,5 млн просмотров) – 29% всей аудитории интернета в Беларуси. «По июньским данным исследования *gemiusAudience*, треть посетителей общественно-политических информационных сайтов – молодежь в возрасте 15–24 лет» [5].

Для дальнейшего становления гражданского и информационного общества и включенности молодежи в сферу общественно-политического управления необходимо создавать условия для обеспечения доступа к ресурсам сети Интернет во всех регионах Беларуси. Использование информационных технологий является одним из неотъемлемых условий повышения инновационного потенциала молодежи. Что же касается влияния на формирование политических и других ориентаций, то современные СМИ скорее не формируют, а только лишь закрепляют уже сформировавшиеся ценностные ориентации, поскольку неограниченный выбор каналов получения, формы и содержания информации обусловлен уже сложившимися ценностями. В целом можно сказать, что воздействие СМИ на молодежь является довольно неоднозначным.

Заключение

На основе вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Большинство молодежи успешно адаптируется к трансформационным процессам и проявляет общественно-политическую активность, о чем свидетельствуют стрем-

ление получить хорошее образование, удовлетворенность различными аспектами труда, низкий протестный потенциал, интерес к политическим событиям, участие в деятельности общественных организаций, активное использование современных информационных технологий и другие факторы.

2. Массовой включенности белорусской молодежи в сферу общественно-политического управления в ближайшем будущем не предвидится: исследование выявило не очень высокую общественную и политическую активность молодежи. Но не следует рассматривать этот факт как негативный, поскольку в стране существуют условия для роста доли молодежи, ориентированной на активное участие в общественно-политической жизни и способной реализовать свой творческий и гражданский.

3. Недостаточное участие в общественно-политической жизни общества молодежь не склонна рассматривать в качестве проблемы: молодые люди просто выбирают какие-либо другие сферы самореализации, особенно в том случае, если общественно-политическая активность не приносит очевидных выгод материального или карьерного характера или не позволяет реализоваться.

4. В силу названных причин, как нам представляется, государству целесообразно реализовывать целенаправленную деятельность по формированию эффективной молодежной политики, которая бы способствовала активизации деятельности молодых людей во всех сферах, а в особенности в сфере общественно-политического управления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О положении молодежи в Республике Беларусь в 2010 г. [Электронный ресурс]. – М-во образования Респ. Беларусь. – Минск, 2010. – Режим доступа: <http://www.rogachevoo.gov.by>. – Дата доступа: 23.12.12.

2. Сапелкин, Е.П. Развитие инновационного потенциала молодежи в условиях системной модернизации экономики и общества / Е.П. Сапелкин // Социология. – 2011. – № 1. – С. 74–82.

3. Липская, Л.А. Политические ориентации современной российской молодежи / Л.А. Липская // Социология, политология, философия и история: тенденции развития в современном мире : материалы междунар. заочной науч.-практ. конф., 17 сент. 2012 г. – Новосибирск : Сибирская ассоциация консультантов, 2012. – С. 37–42.

4. Номшиева, М.А. Молодежь и политические партии в современной России / М.А. Номшиева / Профистарт. – Бурятия, 2010. – Режим доступа: <http://www.profi-start.ru/ps/blog/667.html>. – Дата доступа: 24.12.2012.

5. По данным Gemius, за год в Беларуси пользователей интернета стало на 17% больше / Белорусские новости. – Минск, 2012. – Режим доступа: http://naviny.by/rubrics/computer/2012/05/29/ic_news_128_394006/. – Дата доступа: 24.12.2012.

Babosova E.S. Social and Political Activity of Young People in Belarus

The article is devoted to the role of social and political activity of the modern Belarusian youth. It is revealed that this activity depends on the attitude of young people to politics, their level of knowledge of the political processes and events - from their cognitive political orientations. According to the analysis of sociological research data the main forms of social and political activity of young people are identified. The attitude of the young generation to the various structures of the civil society, the forms of social and political participation in political events, processes for advocacy, to the sources of information and communication, especially the Internet, are characterized. Factors that promote and prevent social and political activity of young people are revealed. Conclusions and practical recommendations to enhance youth activities in the political sphere are formulated.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 26.02.2013

УДК 316.772.4

О.Н. Фаблинова

СТУДЕНЧЕСКАЯ МОЛОДЕЖЬ Г. МИНСКА: ПОРТРЕТ ИНТЕРНЕТ-ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ

Статья посвящена изучению интернет-поведения студенческой молодежи г. Минска (по результатам исследования, проведенного автором статьи в декабре 2011 г. – феврале 2012 г.). На основе факторного и кластерного анализа в студенческой среде г. Минска были выделены четыре кластера интернет-пользователей по уровню интернет-активности и ее направленности. Также в статье предпринимается попытка определить факторы, влияющие на поведение индивида в виртуальном пространстве.

Интернет стал неотъемлемой частью жизни современного белорусского общества. Активные темпы прироста числа белорусских интернет-пользователей были отмечены в отчете «Information Economy Report 2011», подготовленном по итогам Конференции ООН по торговле и развитию. В соответствии с этим отчетом (учитывались сведения о росте числа пользователей в 2005–2010 гг.), Республика Беларусь попала в двадцатку стран с наиболее активным ростом количества интернет-пользователей [1]. Более того, по состоянию на март 2012 г. в рейтинге ООН по уровню развитости ИТ-инфраструктуры в сравнении с 2008 г. Республика Беларусь поднялась с 84 на 48 место, а по информации за июнь 2012 г. по скорости Интернета Беларусь в мировом рейтинге занимает 88 место с показателем в 4.64 Mb/s [2; 3].

Наиболее активная социально-демографическая группа интернет-пользователей – это молодежь. Согласно данным проекта «Особенности потребительских знаний, предпочтений и поведения», проведенного в августе–сентябре 2012 г. «Центром системных бизнес-технологий САТИО» при участии автора данной публикации (объем выборки – 1 000 респондентов в возрасте 18–60 лет, из них молодежи (18–31 год) – 384 респондента; метод сбора информации – телефонный опрос; территориальный охват – г. Минск, областные центры, города с численностью населения 100 000 человек и более), 94,5% респондентов из числа городской молодежи пользуются Интернетом, в то время как среди респондентов в возрасте 32–45 лет интернет-пользователи составляют 80,1%, а в возрасте 46–60 лет – 46,9%. Также молодежь чаще других возрастных групп выходит в Интернет: 74,6% опрошенных из числа городской молодежи посещают Интернет практически ежедневно.

Важное место в молодежной среде всегда принадлежало студенчеству. И.В. Швед, например, предлагает следующее определение: «Студенчество – это особая социальная группа, формирующаяся из различных социальных слоев общества и характеризующаяся особыми условиями жизни, труда и быта, особым общественным поведением и психологией, для которой (в основном) приобретение новых знаний и подготовка себя к будущей работе является главным и в большинстве случаев единственным занятием» [4, с. 36].

В декабре 2011 г. – феврале 2012 г. автором статьи было проведено исследование (объем выборки – 630 студентов очных и заочных отделений высших учебных заведений г. Минска; метод сбора информации – раздаточный опрос по месту учебы респондента), направленное на изучение интернет-поведения данной социально-демографической группы населения. При проведении исследования учитывалось то, что, по данным Министерства статистики Республики Беларусь, в столичных высших учебных заведениях в 2010/11 учебном году обучалось 235 876 человек, из них 122 180 человек обучались на дневных отделениях, 590 человек – на вечерних и 113 106 человек – на заочных отделениях [5, с. 180–181].

Если принять во внимание тот факт, что при оценке доли предельная ошибка выборки достигает своего наибольшего значения в случае $\omega=0,5$, то с учетом объема выборочной совокупности, равного 630 респондентам, и объема генеральной совокупности в 235 876 человек, максимальная погрешность составляет 3,9%. Рассчитанная погрешность позволяет с достаточно высокой точностью переносить полученные в ходе проведения исследования результаты на генеральную совокупность.

При моделировании выборочной совокупности учитывалось распределение генеральной совокупности в соответствии с формой обучения (52% – студенты очной и 48% – студенты заочной формы обучения), а также в соответствии с половым распределением студентов (59% – женщины и 41% – мужчины) [5, с. 180–181; 6]. Обработка полученных результатов производилась с использованием программного пакета SPSS, а также табличного процессора Microsoft Excel. В рамках авторского исследования был осуществлен факторный, а затем и кластерный анализ, направленный на выявление групп интернет-пользователей в студенческой среде г. Минска, схожих по уровню интернет-активности и интернет-направленности.

На основе анализа переменных, характеризующих цели использования Интернета студентами г. Минска, были выделены такие факторы, как: направленность на пассивные развлечения (просмотр фильмов и видеороликов; прослушивание музыки; скачивание аудио- видеоматериалов и программ); направленность на активные развлечения (публикация стихотворений собственного сочинения, размещение авторских фотографий; чтение художественной литературы, анекдотов; интернет-игры; интернет-покупки; обмен информацией с другими пользователями); сканерность (поиск полезной информации, информации по учебе, а также чтение новостных материалов); деловая направленность (поиск информации по работе, чтение новостных материалов); направленность на общение (электронная почта, форумы, социальные сети и т.д.).

При факторном анализе переменных вопроса о частоте использования различных интернет-сервисов были получены 4 фактора: деловая коммуникация (электронная почта, Skype, IP-телефония, ICQ, сетевые новости); групповая коммуникация (блоги, форумы, интернет-магазины); интернет-продвинутость (торренты, другие пиринговые системы; игры, файлообменники); индивидуальная коммуникация и знакомства (сайты знакомств, социальные сети). Также в качестве факторов для кластерного анализа был использован фактор продолжительности работы в Интернете в будние и в выходные дни.

Экспериментальным путем было установлено, что оптимальное количество выделенных кластеров – четыре. Такое количество обеспечивает достаточную дифференциацию массива данных и различие кластеров по характеристикам попавши в них респондентов; а также наполняемость кластеров (в самом меньшем оказалось 3,4% респондентов). Выделенные четыре кластера характеризуются рядом показателей.

Кластер 1 – «Интернет-тусовщики» (19,1% респондентов из числа столичных студентов). Для представителей этого кластера свойственна:

- 1) высокая продолжительность нахождения в Интернете;
- 2) ярко выраженная развлекательная направленность как активного, так и пассивного интернет-поведения;
- 3) отсутствие поисковой (сканерной) направленности интернет-поведения;
- 4) развитая деловая направленность;
- 5) высокий уровень коммуникативной направленности интернет-поведения (как индивидуального, так и группового) развлекательного характера и деловой коммуникации;
- 6) интернет-продвинутость.

Кластер 2 – «Сканеры» (43,0% респондентов из числа столичных студентов). Представителям этого кластера присуща:

- 1) низкая продолжительность нахождения в Интернете;

- 2) отсутствие развлекательной направленности интернет-поведения;
- 3) высокая поисковая (сканерная) направленность интернет-поведения;
- 4) отсутствие деловой направленности;
- 5) высокий уровень коммуникативной направленности исключительно индивидуального развлекательного характера;
- 6) отсутствие интернет-продвинутой.

Кластер 3 – «Интернет-активисты» (34,5% респондентов из числа столичных студентов). Представители данного кластера отличаются:

- 1) высокой продолжительностью нахождения в Интернете;
- 2) высоким уровнем пассивной развлекательной направленности интернет-поведения;
- 3) высоким уровнем поисковой направленности интернет-поведения (сканерность поведения);
- 4) отсутствием деловой направленности;
- 5) высоким уровнем учебной направленности интернет-поведения;
- 6) высоким уровнем коммуникативной направленности интернет-поведения (например, хорошо развита коммуникация делового, на среднем уровне – индивидуального развлекательного характера);
- 7) отсутствием интернет-продвинутой.

Кластер 4 – «Нейтралы» (3,4% респондентов из числа столичных студентов). Для респондентов, входящих в состав данного кластера, характерна низкая продолжительность нахождения в Интернете и отсутствие четко выраженной направленности интернет-поведения. Низкая численность этого кластера свидетельствует о высокой интернет-активности студенческой молодежи г. Минска. Для большей наглядности полученных кластеров предлагается обратиться к таблице 1, в которой имеются следующие условные обозначения: «+» – характеристика выражена ярче, чем в других профилях; «+/-» – характеристика носит среднюю степень выраженности; «-» – выраженность характеристики слабее, чем в других профилях.

Таблица 1 – Характеристики кластеров интернет-пользователей – столичных студентов

	Интернет-тусовщики	Сканеры	Интернет-активисты	Нейтралы
Средняя продолжительность использования Интернета по будним дням	+	-	+	-
Средняя продолжительность использования Интернета по выходным дням	+	-	+	-
Направленность на пассивные развлечения	+	-	+	-
Направленность на активные развлечения	+	-	-	-
Сканерность	-	+	+	-
Направленность на дело	+	-	-	-
Направленность на общение	+/-	+	+	-
Деловая коммуникация	+/-	-	+	-
Групповая коммуникация	+	-	-	-
Интернет-продвинутой	+	-	-	-
Индивидуальная коммуникация и знакомства	+	+/-	+/-	-

Существенные различия между выделенными кластерами наблюдаются лишь по одному социально-демографическому признаку – пол респондента. Так, мужчины составляют большинство в кластере «Интернет-тусовщики» (62,3%), в двух других преобладают женщины: «Сканеры» (63,9%) и «Интернет-активисты» (68,1%). При этом в виду незначительного объема кластера «Нейтралы» (3,4%, или 21 респондент) сопоставлять его представителей по половому признаку не рассматривалось целесообразным.

Таким образом, социально-демографические характеристики студенческой молодежи (за исключением пола респондента) не оказывают существенного влияния на сегментацию Интернет-пользователей. В связи с этим представлялось интересным осуществить психографическую сегментацию студенческой молодежи и наложить ее на сегментацию пользователей в зависимости от их поведения в Сети с целью проверки влияния психографического портрета респондента на модель его интернет-поведения.

Как и в случае с выделением кластеров интернет-пользователей в зависимости от их поведения в виртуальном пространстве, для психографической сегментации был использован факторный и кластерный анализы. Факторный анализ позволил выделить 7 факторов: 1) активность и коммуникабельность (переменные «Люблю движение, активный образ жизни», «Люблю новые встречи и знакомства», «Люблю все новое и необычное», «Я стараюсь как можно чаще находиться в кругу веселых людей» содержат положительные значения факторных нагрузок; «Предпочитаю размеренный, спокойный образ жизни» и «Я быстро устаю от шумных компаний, вечеринок» – отрицательные); 2) ориентированность на друзей («Если мне нужна помощь, я чаще всего обращаюсь к своим друзьям», «В трудных ситуациях ображаюсь за помощью к своим друзьям» и «Я часто встречаюсь со своими друзьями» – положительные значения факторных нагрузок); 3) пассивность («Люблю домашний отдых», «Люблю побыть в одиночестве, поразмышлять», «Я быстро устаю от шумных компаний, вечеринок», «Предпочитаю размеренный, спокойный образ жизни» – положительные значения факторных нагрузок и «Я люблю шумные компании, дискотеки и вечеринки» – отрицательные значения факторных нагрузок); 4) ориентированность на модные тенденции («Я слежу за последними событиями в мире моды», «Люблю красиво и модно одеваться», «Мне нравится выделяться из толпы», «Чтобы чего-то добиться в жизни, необходим широкий круг общения, связи» – положительные значения факторных нагрузок); 5) ориентированность на семью («Все свободное время я стараюсь проводить со своей семьей», «Семья – основной источник моих жизненных сил», «Я стараюсь больше свободного времени проводить на природе» – положительные значения факторных нагрузок); 6) ориентированность на карьеру («Чтобы чего-то добиться в жизни, необходимо много работать», «Работа и карьерный рост крайне важны для меня», «У меня мало свободного времени» – положительные значения факторных нагрузок); 7) продвинутость в информационных технологиях («У меня мало свободного времени», «Я внимательно слежу за последними новинками в сфере IT-технологий» – положительные значения факторных нагрузок и «Я много времени провожу за телевизором» – отрицательные).

Выделенные факторы были использованы при проведении кластерного анализа, направленного на выявление психографических профилей (кластеров) столичного студенчества. Всего было выделено три кластера: 1) семейно-ориентированные; 2) карьеристы-экстраверты; 3) карьеристы-интроверты, – различающихся по ряду черт.

Кластер 1 – «Семейно-ориентированные» (28,7% респондентов из числа столичных студентов). Представителям этого кластера присуща:

- 1) высокая оценка роли семьи;
- 2) активность и коммуникабельность;
- 3) низкая оценка роли друзей;
- 4) отсутствие карьеризма;

5) отсутствие интереса к модным тенденциям и IT-новинкам.

Кластер 2 – «Карьеристы-экстраверты» (47,0% респондентов из числа столичных студентов), для которых характерно:

- 1) выраженный карьеризм;
- 2) активность и коммуникабельность;
- 3) высокая оценка роли друзей;
- 4) низкая оценка роли семьи;
- 5) пристрастие к модным тенденциям и IT-новинкам.

Кластер 3 – «Карьеристы-интроверты» (24,3% респондентов из числа столичных студентов). Представители данного кластера отличаются:

- 1) выраженным карьеризмом;
- 2) низким уровнем активности и коммуникабельности;
- 3) средним уровнем выраженности ориентации на друзей, семью, модные тенденции и IT-новинки.

Для облегчения восприятия основных характеристик полученных психографических профилей предлагается воспользоваться таблицей 2, содержащей следующие условные обозначения: «+» – характеристика выражена более ярко по сравнению с другими профилями; «+/-» – характеристика носит среднюю степень выраженности; «-» – выраженность характеристики минимальная относительно других профилей; «0» – отсутствие значимых различий по сравнению с другими профилями.

Таблица 2. – Характеристики психографических профилей столичных студентов

	Семейно-ориентированные	Карьеристы-экстраверты	Карьеристы-интроверты
Активность и коммуникабельность	+	+	-
Ориентированность на друзей	-	+	+/-
Пассивность	0	0	0
Ориентированность на модные тенденции	-	+	+/-
Ориентированность на семью	+	-	+/-
Ориентированность на карьеру	-	+	+
Продвинутость в информационных технологиях	-	+	+/-

Различий между кластерами по социально-демографическим характеристикам их представителей выявлено не было.

Наложение двух полученных сегментаций друг на друга позволило установить:

1. В кластере «Интернет-тусовщики» выше, чем в других кластерах, представленность карьеристов-экстравертов и ниже – карьеристов-интровертов.
2. В кластере «Сканеры» по сравнению с другими кластерами выше процент карьеристов-интровертов;
3. Представленность семейно-ориентированных респондентов в трех кластерах («Интернет-тусовщики», «Сканеры» и «Интернет-активисты») находится на уровне 29% (таблица 3). При этом в виду незначительного объема кластера «Нейтралы» не представлялось целесообразным делать сопоставление его представителей по психографическим профилям.

Таблица 3. – Взаимосвязь кластеров интернет-пользователей и психологических профилей респондентов, %

	Семейно-ориентированные	Карьеристы-экстраверты	Карьеристы-интроверты	Всего
«Интернет-тусовщики»	28,5	55,4	16,1	100,0
«Сканеры»	28,9	41,0	30,1	100,0
«Интернет-активисты»	28,8	46,8	24,4	100,0

Принимая во внимание тот факт, что студенческая молодежь является наиболее амбициозной, профессионально-ориентированной социальной группой, быстро адаптирующейся к изменяющимся условиям и поэтому в большей мере способной к реализации активной жизненной стратегии и достижению успеха, вполне закономерна ситуация, когда приблизительно 71% опрошенных в каждом кластере, выделенном в зависимости от поведения индивида в виртуальном пространстве, принадлежит к ориентированным на карьеру студентам. Однако в зависимости от целого ряда ценностных ориентаций, рассмотренных ранее, стало возможным выделение в их составе двух самостоятельных групп: карьеристов-экстравертов и карьеристов-интровертов. Анализ их поведения в виртуальном пространстве позволил отнести первых к кластеру «Интернет-тусовщики», вторых – к кластеру «Сканеры». Таким образом, можно утверждать, что модель поведения индивида в виртуальном пространстве во многом определяется его системой ценностей.

Подводя итог, можно говорить о том, что проведенные кластерный и факторный анализы позволили выделить в студенчестве белорусской столицы четыре группы пользователей, различающихся по поведению в Интернете: «Интернет-тусовщики», «Интернет-активисты», «Сканеры» и «Нейтралы». Были зафиксированы значимые различия при отнесении к выделенным кластерам в зависимости от половой принадлежности респондентов (по другим признакам социально-демографического блока значимых различий зафиксировано не было).

Наложение психологической сегментации на сегментацию, в основе которой лежало поведение пользователей в Сети, позволило установить взаимосвязь между ценностными ориентациями индивида и его поведением в Интернете: респонденты с высоким уровнем социальной активности и коммуникабельности являются и наиболее активными интернет-пользователями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беларусь попала в ТОП-20 стран с наиболее развивающимся Интернетом // Провайдеры Беларуси [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: <http://providers.by/2011/11/analitika/belarus-popala-v-top-20-stran-s-naibolee-razvivayushhimsya-internetom/>. – Дата доступа: 10.02.2013.
2. Беларусь поднялась в IT-рейтинге с 84-го на 48-е место // Провайдеры Беларуси [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: <http://providers.by/2012/03/news/belarus-podnyalas-v-it-rejtinge-s-84-go-na-48-e-mesto/>. – Дата доступа: 08.02.2013.
3. В мировом рейтинге по скорости интернета Беларусь заняла 88 место // 5min [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: <http://5min.by/news/v-mirovom-rejtinge-po-skorosti-interneta-belarus-zanyala-88-mesto/>. – Дата доступа: 08.02.2013.

4. Швед, И.В. Университет как модель гражданского общества / И.В. Швед // Вест. Ставроп. гос. ун-та. Пед. науки. – 2008. – № 54.– С. 35–38.

5. Регионы Республики Беларусь: статистический сборник / Министерство статистики и анализа Республики Беларусь; [редкол.: В.И. Зиновский (предс.) и др.]. – Минск, 2011. – 810 с.

6. В Беларуси самыми востребованными у студентов остаются специальности экономического профиля // БЕЛТА [Электронный ресурс]. – 2012.– Режим доступа: http://www.belta.by/ru/all_news/society/V-Belarusi-samymi-vostrebovannymi-u-studentov-ostajutsja-spetsialnosti-ekonomicheskogo-profilja_i_587023.html. – Дата доступа: 25.11.2012.

Fablinova O.N. Minsk Students: the Portrait of an Internet User

The article is dedicated to the Internet-behavior of Minsk students (according to the research conducted by the author in December 2011 – February 2012). Based on the of factor and cluster analysis, there were identified four clusters of users among Minsk students on the level of Internet activity and Internet orientation. Also in the article the author attempts to identify the factors that influence on individual behavior in virtual reality.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 28.02.2013

УДК 316.477

О.М. Ненчук

ОСОБЕННОСТИ ПОСТРОЕНИЯ ЖИЗНЕННОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

В статье рассмотрены теоретические и практические основы изучения жизненной перспективы личности. Проанализированы важнейшие особенности жизненной перспективы молодежи в условиях современного общества. Выделены и проанализированы основные характеристики жизненной перспективы личности в современных условиях: риск, индивидуализация, многовариантность, рефлексивность, проективность и краткосрочность жизненных проектов. Отмечено, что в условиях современного общества будущее личности видится как то, что находится в полной зависимости от ее решений, а значение общественного воздействия при этом игнорируется, хотя влияние общественных условий на личностный жизненный путь остается значительным.

Проблема построения жизненной перспективы личности является особенно актуальной на современном этапе развития человечества, поскольку постоянные кризисы, отсутствие надежных социальных ориентиров становятся причиной возникновения чувства растерянности, неуверенности в будущем – как личностном, так и общественном. Возникает потребность в объяснении происходящего: куда направлено общественное развитие, какие возможности предоставляет глобальная социосистема для развития личности, реализации ее потребностей и амбиций. Попыткой осмысления реалий повседневной жизни становится построение жизненной перспективы личности.

Будущее – это то, что непременно случится с каждым. Оно может быть более или менее желательным, приятным; нести осуществления определенных планов, целей или вести к их переосмыслению или замене; находится в зависимости от нашей собственной активности или зависит от нашего ближайшего окружения и уровня развития общества. Оно имеет множество вариаций; такими же многочисленными являются и попытки научно-практического осмысления феномена будущего. В данной статье мы попытаемся рассмотреть, какова специфика отношения личности к собственному будущему, к собственной жизненной перспективе в условиях современного общества. Проанализируем, от чего зависит будущее, выделим основные характеристики жизненной перспективы. Полученные знания позволят нам лучше понять состояние не только личности, возможности создания ею собственного будущего, но и современного общества, основные тенденции его развития и т.п.

Анализируя труды ученых, мы пришли к выводу, что построение жизненной перспективы личности находится в зависимости от совокупности различных факторов: устойчивых индивидуальных свойств человека (микроуровень), характеристики среды, в которую непосредственно вовлечена личность (мезоуровень), а также от уровня развития социальной среды, в условиях которой происходит построение и реализация личностью собственной жизненной перспективы (макроуровень и мегауровень). И факторы всех уровней являются одинаково важными.

Изучая построение жизненной перспективы личности, исследователю необходимо учитывать возможность влияния всех этих факторов. С другой стороны, личность также должна признавать важность их влияния на построение собственных жизненных планов и целей. Но это идеальный конструкт, который значительно дифференцируется в зависимости от исторического и социокультурного контекста: для древних обществ

Научный руководитель – В.М. Пича, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и социальной работы Национального университета «Львовская Политехника»

и Средневековья значение факторов макроуровня – максимальное, а микроуровня – минимальное. Такая же модель построения была присуща украинскому обществу времен СССР. В общем, в тоталитарных обществах человек не личность, обладающая правом выбора собственного жизненного пути, а человеческий материал, инструмент. Например, советский человек должен был строить коммунизм и делать это активно и инициативно, альтернативы этому не было. Лишь с развитием капитализма появилась возможность для личности активно строить и воплощать в жизнь собственную перспективу, выраженную в планах и целях, находить необходимые для этого ресурсы.

По-разному жизненная перспектива личности трактуется и в социологии. Эти различия четко можно проследить на примере таких социологических парадигм, как структурный функционализм, феноменология, синергетика, постмодернизм. В приведенных социологических парадигмах заметно доминирование определенного уровня анализа при изучении жизненной перспективы личности (структурный функционализм – макроанализ, феноменология – микроанализ). Это приводит к тому, что есть два основных подхода к пониманию субъект-объектных отношений: структурный, или объективистский, и деятельностный, или субъективистский. Структурный подход рассматривает социальное действие как простое воспроизводство структурированных контекстов повседневности. Утверждается, что социальный мир наполнен существующими независимо от познания и воли индивидов объективными структурами, которые способны направлять и подавлять их представления и практики; потому и жизненная перспектива также обусловлена существующими контекстами повседневности. Деятельностный подход на первый план ставит субъекта действия и момент воспроизводства социальной реальности, в котором личность обладает правом выбора своего жизненного пути.

Изучая эмпирически факторы построения жизненной перспективы молодежи в условиях современного украинского общества, мы выяснили, что при построении планов и целей определяющими личность считает факторы микроуровня (например, умения, знания, настойчивость, активность и т.д.). Четко прослеживается ориентация молодежи строить планы в соответствии с собственными желаниями и возможностями и рассчитывать при этом в основном на личностные качества. Значительным считается и влияние некоторых факторов мезоуровня (например, обеспеченность семьи, место жительства, родители). Зато влияние факторов макроуровня (например, система образования, экономика, законодательство) признано минимальным. Отметим, что основными жизненными планами молодежи является получение образования (в большинстве случаев – высшего), профессии, создание семьи; важными жизненными целями являются счастливая семейная жизнь, признание и уважение, высокие результаты в профессиональной деятельности, высокое материальное положение, самореализация, интересное времяпрепровождение.

Учитывая вышесказанное, мы считаем, что жизненная перспектива личности – это проект будущего жизненного пути, осознанный и построенный личностью исходя из индивидуальных характеристик, особенностей внешней среды и реалий общественной жизни.

Анализируя построения жизненной перспективы личности и опираясь на результаты проведенного исследования и мнения известных социологов, можно выделить следующие характеристики построения жизненной перспективы личности в условиях современного общества, которые, безусловно, являются взаимосвязанными.

Риск

Основу социологической концепции «общества риска» заложил У. Бек. Позднее вопрос анализа современного общества как общества риска стал в центре внимания других исследователей, например, Н. Лумана и Э. Гидденса. Эта концепция получила

научное распространение, потому что поднимала актуальную для современного социума проблему. На объяснении влияния риска мы остановимся несколько подробнее.

В традиционных культурах концепции риска не было. Ведь в ней не было необходимости. Риск это не то, что опасность или угроза. Понятие риска связано с активным анализом опасности с точки зрения будущих последствий. Оно широко используется только в обществах, ориентированных на будущее [1, с. 39]. В эпоху постмодерна мировая система предстала перед неизбежным риском после кумулятивного накопления последствий техногенных и природных катастроф и ошибок, вызванных человеческим фактором. Риск – это определяющая характеристика жизнедеятельности. Он всеобщий: на планете нет безопасного места ни в экологическом, ни в социальном, ни в технологическом плане. Он касается всех сфер жизни и всех обществ. Везде человек может стать жертвой финансового краха, военной угрозы, терроризма, эпидемии. Возникла угроза существованию человечества. Особенностью глобального риска является то, что человек не может его контролировать, не применяя технику, которая и обусловила возникновение этого риска. Общество риска, согласно У. Беку, не имеет четкой границы между количественно определенным риском и неопределенностью опасности, между «объективным» анализом риска и социальным восприятием риска [2].

Анализ риска предусматривает применение таких его основных элементов, которые необходимо учитывать, изучая построение жизненной перспективы личности:

- 1) возможность отклонения от поставленной цели, той, ради чего выполнялась выбранная альтернатива;
- 2) вероятность достижения желаемого результата, личностных планов и целей;
- 3) возможность возникновения нежелательных последствий (материальные или физические потери, болезни и т.п.) при проведении тех или иных действий в условиях неопределенности для субъекта, который рискует;
- 4) ожидание угрозы, неудачи в результате выбора альтернативы и ее реализации.

В современных «обществах риска» потребности производства меняются значительно быстрее, чем человек способен усвоить те знания и способности, которые ранее считались необходимыми для участия в нем [2, с. 194]. Соответственно, снижается ценность традиционных образовательных учреждений, которые всегда были важными фабриками социальных значений и смыслов, и возникает резкая дифференциация между людьми способными и не способными к быстрому усвоению меняющейся социальной реальности. В Украине традиционно высоко стремление молодежи получить высшее образование, что это находит подтверждение и в нашем исследовании. Однако сам факт получения образования не дает человеку гарантированного места на рынке труда, а это довольно сильно нивелирует его ценность. Сама система образования в Украине не отвечает потребностям рынка, не обеспечивает специалистами отдельные отрасли промышленности, тормозит их развитие. Личность, строя собственный жизненный путь, вынуждена учитывать существующие риски для достижения собственных целей, понимать, что ее жизненная перспектива может быть разрушена в результате событий, которые сложно предусмотреть и проконтролировать. Личностное будущее становится значительно более незащищенным от всяческих невзгод, чем это было в предыдущие эпохи. Понятие риска неотделимо от понятия возможности и неопределенности. Построение жизненной перспективы становится своего рода попыткой преодолеть эту неопределенность. С этим утверждением непосредственно связана следующая характеристика жизненной перспективы.

Индивидуализация

Общество риска – общество неопределенности. Воплощая в жизнь собственную перспективу, личность может быть уверенной только в самой себе. Процесс, когда про-

исходит ослабление традиционных связей и появляется самостоятельная личность, которая сама может выбирать собственный путь в жизни и не зависит от окружающего общества, – это и есть индивидуализация.

Термин «индивидуализация» широко используется известными социологами У. Беком и З. Бауманом в связи с характеристикой общества другого модерна – «общества риска». Только во взаимодействии целого ряда компонентов происходит индивидуализационный сдвиг, который освобождает человека от традиционных классовых привязанностей и превращает в активного творца собственной, обусловленной рынком труда, биографии. Согласно У. Беку, основными компонентами его являются продолжительность жизни, активная трудовая жизнь, заработная плата [2].

Рефлексивная модернизация размывает контуры индустриального общества, в глубине которого рождается другая модель современного мира. Она несет изменения во все сферы человеческого сожития, изменяется положение и самоосознания личности, условия существования социальных общностей и общества в целом. Происходит дальнейшее изменение соотношения сил в браке и семье. Женщины, благодаря самостоятельно заработанным деньгам, смогли ослабить зависимость от семейных и брачных отношений. А это побуждает женщину к получению высшего образования. Хотя это и не гарантирует ей равенства в профессиональной сфере с мужем и не освобождает ее от семейных и домашних обязанностей [2].

В динамике индивидуализации в семье меняются формы совместной жизни. Связь семьи и индивидуальной биографии слабеет. «Пожизненная» единственная семья становится исключительным случаем, а правилом являются специфические для каждой жизненной фазы метания между разными семьями «на время» или формами семейного общежития. Оказавшись перед выбором: семья или не семья, все большее число людей выбирает третий путь: противоречивую, плюралистическую суммарную биографию. Этот биографический плюрализм жизненных форм, т.е. смена семей или одинокая жизнь, становится парадоксальной нормой обобществления и противостояния мужчин и женщин в условиях индивидуализации. Эти тенденции характерны и для Украины периода независимости. Например, в большинстве регионов страны в 2010 г. на каждый развод приходилось в среднем 1,5–2 брака. Распространена практика так называемого гражданского брака. По мере реализации такого индивидуализированного образа жизни растет и опасность, что индивидуализация как раз и станет непреодолимым препятствием для функционирования института семьи, к чему большинство людей все же стремится. При одиноком существовании растет как грусть о другом/другой, так и невозможность вообще каким-то образом включить этого человека в структуру уже действительно собственной жизни: теперь для него/нее зачастую больше нет места. Партнерство ставит под угрозу тщательно созданную зыбкую гармонию совокупности связей, привычек быта, планирования собственного времени. Конструкция самостоятельности становится тюремными цепями одиночества [2, с. 184].

Общественные условия ограничивают человеческий выбор, но они являются внешними по отношению к жизненной игре личности с ее целями и средствами, не зависящими от человеческих предпочтений. Потому значения их влияния людьми игнорируется. К тому же граждане современных государств являются индивидами по воле судьбы. То, что определяет их индивидуальность: ограниченность в собственных ресурсах и личностная ответственность за результаты принятых решений, – это не предметы их собственного выбора. Внутреннее желание личности управлять своей жизнью на собственный лад, подкрепленное невозможностью и нежеланием современного государства контролировать большинство процессов, провоцирует мысли и поступки людей в сторону от коллективно установленных условий, которые определяют цели и перспективы их индивидуальных решений и действий. Все это не повышает значения со-

циальных причин и коллективных действий и приводит к тому, что состояние общества совершенно не учитывается человеком при построении его жизненных планов. Личность считает, что коллективные, согласованные действия не могут принести ей никакой пользы, ведь можно жить по собственному изменчивому желанию, а законы, по которым живет общество, определены раз и навсегда и не подлежат сознательному реформированию. Жизнь каждого человека – это совокупность альтернатив. Но той форме общества, в которой она происходит, альтернативы нет. В результате «личное» и «общественное» позиционируются в двух разных мирах, не связанных друг с другом. В каждом из этих миров действует собственная логика, почти непонятная в другом [3].

Многовариантность жизненной перспективы

Личность в современности частично потеряла индивидуальное своеобразие, точнее, лишилась жесткой определенности, одноголосия благодаря практически безграничной открытости, полифоничности, способности к развитию. Постоянные изменения в соответствии с меняющейся средой являются для такой личности нормой жизни, которой никто не декларирует, даже не замечает. Таким образом, изменяется и видение ею своего будущего, ее жизненная перспектива [4, с. 57]. Новое Я, которое приобретает эта личность, – это нечто подвижное, меняющееся, такое, что чувствует на себе влияние «голосов человечества» и не спешит создавать свой отдельный сугубо индивидуальный текст. Ей важнее быть в контексте, «вписываться», не выпадать [4, с. 57].

Обновленная личность стала более открытой и гибкой системой, некоторые ее подсистемы можно менять, перестраивать, сделав новые тексты, добавляя самобытные детали или интерпретации. На свое прошлое она смотрит именно как на свою собственность, трактуя его по-новому, предлагая себе вспоминать не только определенные трагические обстоятельства, но и их ироническое видение сегодняшними глазами. Люди стали свободнее в своем собственном жизненном мире, больше прислушиваются к своим глубинным стремлениям, которые ранее скрывали и сдерживали [4, с. 58].

Личность – это не консервативное лицо, а более открытое экспериментированию, готовое рискнуть, ошибаться, начать все снова. Когда жизненные ценности вдруг начинают казаться абсурдными, это уже, как ни парадоксально, не означает наличия мучительного кризиса. Их легко можно заменить новыми, но такими же невечными. Возможностей для самодвижения стало намного больше. Прошлое уже не тяготеет обязанностями, привычками и запретами; оно не диктует, куда нужно повернуть, что выбрать, ведь переосмыслению подлежит свой приобретенный опыт с позиции повседневного удобства, затем каждый пишет новый текст, который становится реальностью. Поэтому личность будущего не боится, поскольку у нее всегда есть не один единственный желаемый прогноз, а несколько. Она предполагает наличие различных вариантов развертывания событий после осуществления каждого жизненного выбора, результатом которого может стать изменение жизненной парадигмы, причем далеко не всегда в лучшую сторону. И это понятно почему: невозможность безошибочно спрогнозировать такую сложную деятельность, как самоосуществление своей жизни. То, что сегодня кажется достаточно удачным, через десять лет, возможно, будет восприниматься как ужасная ошибка, и наоборот. Поэтому всегда существуют варианты жизнеосуществления, альтернативы выбора, что, конечно, смягчает кризисные переживания [4, с. 58].

Таким образом, акцент делается на социализированной личности, которая не выведена из социального и исторического контекстов, а является двигателем перемен в социальной повседневной жизни общества. Изменения определенной степени рассматриваются как результат осознанного, целенаправленного действия (для этого нужен образ, или модель общества) или неосознанного следствия человеческих усилий. В об-

щем, они знающие, но не всевидящие, образующие, но не волшебники, свободные, но не беспредельно [5, с. 61].

Рефлексивность

Рефлексией называется процесс осознания целей, анализа прошлого опыта, а уже рефлексивность является непосредственно качеством, присущим определенному лицу, на основе наличия которого мы можем сделать вывод о том, делает ли человек анализ прошлого опыта, умеет ли четко осознавать цели и видеть будущий результат деятельности. Рефлексивная модернизация (индивиды, изолированные от социальных связей, могут размышлять над тем, кто они и кем хотели бы быть, становятся более самостоятельными в осуществлении собственного выбора и в формировании собственной идентичности и биографии) состоит из трех крупных процессов. Во-первых, происходит индивидуализация общества: традиционная идентичность (нация, класс, семейный круг, этнос) распадается, а в центре мира оказывается индивид, вовлеченный во всевозможные социальные сети. Во-вторых, это эпоха непредсказуемых глобальных рисков. И, в-третьих, это время космополитизма, когда места, с которыми мы не хотим иметь ничего общего, становятся частью нашей жизни, наших личных расчетов. Модернизация индустриального общества – это рефлексивная модернизация, в отличие от простой модернизации традиционного общества [2, с. 13].

Проективность. Краткосрочность жизненных проектов

Наличие проекта (под этим термином понимается идеальный результат действия, заданный познанием) предусматривает для индивида, который планирует действие, мысленное перенесение им себя в будущее, то есть в то время, когда действие уже будет совершено. Только в том случае, когда имеется предусмотренный образ завершенного дела (жизненные цели), могут быть выработаны конкретные шаги, этапы достижения этого состояния (жизненные планы) [6].

Действующий индивид воспринимает свое будущее действие не просто в будущем, но в будущем совершенном. Именно временная перспектива действия, которое происходит, имеет важные последствия для ее понимания. Поэтому для действующего индивида движущей силой является представление о будущем. А. Шюц называет это мотивом «для того чтобы» [7, с. 37]. Например, человек хочет получить профессию врача, и для этого он поступает в медицинский университет. Мотиву «для того чтобы» противостоит мотив «потому что» [7, 39–40]. Человек хочет получить профессию врача, поскольку имеет для этого определенные знания, способности или потому, что так хотят родители и т.п. Благодаря этим двум типам мотивов происходит соединение прошлого с настоящим и будущим, прослеживается их неделимая связь.

Современной эпохе характерна специфическая идентичность личности, которая описывается Э. Гидденсом как рефлексивный проект: осуществление целостного и постоянно корригированного биографического рассказа (о прошлом и будущем), тесно связанного с существующими абстрактными системами и творимого в контексте многовариантности выбора. Жизненный путь личности обладает значительной внутренней референтностью, а обусловленность внешним значительно ниже.

Современное общество – это общество людей, которые в условиях нестабильности и неспособности социума к саморегуляции не имеют представления о собственных долгосрочных целях и вообще стараются таковых избегать. Если человек теряет веру в возможность последовательно двигаться к определенной цели, то для него теряет смысл и социальная стабильность. В том числе и стабильность ценностей. Российский социолог В. Кривошеев утверждает, что ускорение темпов изменений, насыщенность социального пространства, быстрая смена информации, социальное беспокойство, стра-

хи, опасения человека за достигнутый уровень благополучия приводят к тому, что индивидуальные планы, видение жизненных перспектив возможны лишь на короткий срок (год-два) [8, с. 57].

Будущее многомерно, но, создавая его, личность выбирает определенный «проект» и тем самым направление развития собственной идентичности. Это является определенным ограничением, потому что, конкретизируя свой жизненный сценарий, личность теряет чувствительность к другим вариантам с их возможными репертуарами и диапазонами развития собственной идентичности.

Итак, современность создает особые условия для построения личностью собственного жизненного пути. Характерными признаками жизненной перспективы личности становятся риск, индивидуализация, многовариантность, рефлексивность, проективность и краткосрочность жизненных проектов. Жизнь личности пронизана неопределенностью. Однако индивид способен сохранить в себе надежду и готовность верить в осуществимость главных своих желаний.

Результаты данного исследования можно использовать для дальнейших теоретических и прикладных исследований построения жизненной перспективы личности, а также социологического анализа родственной тематики (например, социального самочувствия или личностных идентичностей).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гидденс, Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь / Э. Гидденс. – М. : Весь Мир, 2004. – 120 с.
2. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек. – М. : Прогресс – Традиция, 2000. – 384 с.
3. Бауман, З. Индивидуализированное общество / З. Бауман. – М. : Логос, 2002. – 390 с.
4. Титаренко, Т.М. Критерії готовності до здійснення життєво важливого вибору / Т.М. Титаренко // Наукові студії із соціальної та політичної психології. – 2002. – № 5 (8). – С. 53–64.
5. Штомпка, П. Социология социальных изменений / П. Штомпка. – М. : Аспект Пресс, 1996. – 416 с.
6. Шюц, А. Избранное: мир, светящийся смыслом / А. Шюц. – М. : РОССПЭН, 2004. – 1056 с.
7. Бергер, П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М. : Медиум, 1995. – 324 с.
8. Кривошеев, В.В. Короткие жизненные проекты: проявления аномии в современном обществе / В.В. Кривошеев // Социолог. исследования. – 2009. – № 3. – С. 57–67.

Nenchuk O.M. Peculiarities of Development of the Life Outlook of Personality in the Conditions of Modern Society

The article considers the major theoretical and practical principles of studying of vital prospects of personality. Author analyzes basic features of the life prospect of youth in the condition of modern society. Also author identifies and analyzes the main characteristics of life perspective of the individual in modern conditions: risk, individualization, multivariate, reflexivity, projectivity and brevity of life projects.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 14.03.2013

УДК 316:74 (476)

Н.Л. Балич

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАКТОР В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОЙ БЕЛАРУСИ

В статье на основе данных мониторинга, проведенного Институтом социологии НАН Беларуси, отдела социально-политических исследований Левада-Центр (Россия), а также статистики Аппарата уполномоченного по делам религий и национальностей анализируется влияние религиозного фактора на разные стороны общественной жизни, в том числе социальную и политическую. Выявлены сущность, особенности, направленность политических и социокультурных ориентаций верующих и атеистов, дифференцированных в группы лиц с высокой, средней, низкой и отсутствующей религиозной активностью.

Введение

Религиозный фактор влияет на многие стороны общественной жизни, в том числе социальную и политическую. Религиозные мотивы и ценностные ориентации верующих, их социальные, экономические, национальные интересы и нужды не могут сегодня оставаться без внимания исследователей. Они возникают при вовлечении в социальную систему и определяют жизнедеятельность человека как субъекта социальных отношений: политических, экономических, культурных. Ценностные ориентации и жизненные установки выражаются в поведении, целях, интересах и других проявлениях социального субъекта. Целью данной статьи является определение роли и значимости религиозного фактора в социально-политической жизни современной Беларуси.

Теоретико-методологические основания исследования религиозного фактора

Социально-философская и религиоведческая мысли исторически составили основу для формирования современных концепций религиозного фактора. К середине XIX в. сформировался научный подход к анализу религии, рассматривающий ее как общественное явление, формирующее систему взглядов и ценностей. Изучением роли религии и выявлением основных функций религиозного фактора в формировании и развитии общественных отношений занимался французский социолог Э. Дюркгейм. Он рассматривал религию как фактор социальной интеграции общества, подчеркивал ее значение в укреплении социального единства и поддержании традиций. Э. Дюркгейм видел в культовой деятельности конституирующее начало, готовящее индивида к социальной жизни. Религиозное сознание он выводит исходя из разделения мира на священное и профанное (светское). Его сущность он связывает с верой в священное, в качестве которого конституируются вполне реальные объекты.

Основная мысль Э. Дюркгейма о сути религии заключается в том, что представления о существовании священных объектов и вера в это нужны не для поддержания в человеке иллюзии «невозможного бессмертия», а чтобы придать смысл его социальной жизни. По мнению ученого, трансцендентные идеи возникают из отчуждения и обожествления общества в силу того, что высшие формы человеческой деятельности имеют коллективное происхождение и преследуют коллективную цель. «Именно общество, создавая нас по своему образцу, внушило нам те религиозные и политические убеждения, которые управляют нашими поступками» [1, с. 242].

Г. Зиммель, анализируя место религии в контексте индивидуальной жизни, показал возможность превращения религиозной категории в форму социальных отношений. Подобно Э. Дюркгейму, он проводил аналогию между отношением индивида к Богу и его отношением к обществу в целом, где главным является чувство взаимозависимости. Поведение человека в среде его обитания (его целесообразность, практиче-

ское значение с точки зрения жизненных интересов группы) определяется «обычаем», следовать которому обязательно. «Поскольку религия, являясь порождением души, черпает свое содержание из множества других источников, она создает регламентирующие нормы и для многих других сфер жизни» [2, с. 561].

Религия общественных отношений, гражданственности и патриотизма была исследована Ж. Сорелем, который рассматривал религию как средство социальной интеграции, способной сплотить людей [3].

На конструктивную, созидательную и преобразовательную функцию религии в контексте социальных изменений обращал внимание в своих произведениях М. Вебер, обосновавший влияние религиозного фактора на характер отношений индивида к окружающей действительности, которые определяются верой и достижением спасения посредством активной мирской деятельности [4].

Американский социолог Т. Парсонс рассматривал религию как важное условие стабильности и поддержания социального, а также ценностно-нормативного порядка. Значимость обобщенной теоретической системы поддерживается с помощью важного понятия «функция», которое определяет степень значимости динамических факторов и процессов внутри целостной системы. Функция описана Т. Парсонсом как необходимая составляющая исследований структуры социального действия [5].

Взаимодействие религии и политики, связи духовных элементов и социально-политических структур описывали также К. Манхейм, В. Парето, С. Хантингтон и др.

В исследовании вопросов взаимосвязей религии и общества следует отметить труды классиков русской философской мысли В.С. Соловьева, Н. Булгакова, Н.А. Бердяева, Л. Франка, И.А. Ильина, которые, раскрывая особенности российской цивилизации, обращали особое внимание на ее духовные, религиозно-нравственные основы.

Определение роли религиозного фактора в общественно-политической жизни современного общества сегодня особо привлекают внимание исследователей. Взаимосвязь, взаимовлияние и взаимообусловленность политического, экономического, этнонационального компонентов в системе общеполитических процессов и связь с ними религиозного фактора отражены в трудах белорусских и российских ученых: Е.М. Бабосова, Л.Е. Землякова, О.В. Золотарева, И.В. Ильина, М.П. Мчедлова, Ю.Г. Носкова, С.Б. Филатова, Д.Е. Фурмана, В.И. Шведова и др.

Включенность религии в общественно-политическую и социальную сферы обусловлена следующими причинами:

1. Религия – наиболее устойчивый и долговременный компонент в структуре каждой цивилизации. Она не только определяет нормы, культуру и отношения между людьми, индивидом и обществом, но и сакрализует эти отношения, придавая им религиозный характер.
2. Для многих народов типично единство религиозного и национального самощущений (принадлежность к определенному этносу нередко отождествляется с принадлежностью к конкретной религии).

Религиозный фактор в современном белорусском обществе

Определить роль и значение религиозного фактора в жизнедеятельности белорусского общества, выявить, какое мнение превалирует в массовом сознании, помогают ответы на вопрос «Как влияет религиозная вера на повседневную жизнь?».

Данные мониторинга, проведенного в 2012 г. Институтом социологии НАН Беларуси (объем выборки составил 2 107 человек), показали, что вера в Бога помогает справиться с жизненными проблемами во всех ситуациях (22,5% опрошенных), в большинстве ситуаций – 18,0%, помогает только в некоторых ситуациях – 22,6%, не помогает вообще – 11,7%. Затруднились ответить на данный вопрос 18,6% респондентов,

не дали ответа – 6,6%. Подобные результаты наблюдаются в исследованиях, например, британских ученых, которые установили, что верующие лучше справляются с жизненными проблемами, и в целом больше верующих считают себя более счастливыми по сравнению с атеистами или агностиками. (В ходе исследования были опрошены тысячи человек со всех уголков Европы) [6].

В 2012 г. в Республике Беларусь зарегистрировано 25 конфессий и направлений. Общая численность религиозных организаций достигла 3 374. Религиозными организациями в Республике Беларусь признаются религиозные общины, религиозные объединения, монастыри и монашеские общины, религиозные братства и сестричества, религиозные миссии, духовные учебные заведения, которые функционируют в условиях конституционных гарантий свободы совести и вероисповедания.

В соответствии со своими уставами действуют 164 религиозные организации, имеющие общеконфессиональное значение: 45 религиозных объединений, 36 миссий, 43 монастыря, 15 братств, 10 сестричеств, 15 духовных учебных заведений. В 2011 г. были зарегистрированы 2 православных монастыря, 1 православное братство, 2 миссии Римско-католической церкви и 1 духовное учебное заведение БПЦ (семинария) в Витебске. Помимо религиозных организаций в Беларуси функционируют религиозные общины. Традиционно высокий уровень религиозности наблюдается в западных областях республики. Согласно статистике Аппарата уполномоченного по делам религий и национальностей, на 1 января 2012 г. в Беларуси зарегистрировано 3 210 религиозных общин [7].

Структура конфессионального самоопределения белорусов представлена следующим образом. Большинство населения (94,8%) относит себя к одной из конфессий: православию – 83,9%, католичество – 7,6%, протестантизму – 0,5%, христианству в целом – 1,9%, исламу – 0,2%, иудаизму – 0,2%, другие варианты ответов – 0,4%. Не считают себя приверженцами религий 4,8% участников опроса, не дали ответа 0,4%.

Полученные данные заставляют задуматься об особенностях религиозной самоидентификации белорусов, которая нередко не соответствует представлению о религиозном поведении. Как показали результаты мониторинга 2010 г. (объем выборки 1 497 человек), к числу верующих, соблюдающих все ритуалы своей религии относят себя 23,35% опрошенных; скорее к верующим, чем к неверующим, – 40,2%; к числу убежденных атеистов – 3,3%. На вопрос «Как часто Вы принимаете участие в религиозных обрядах?» (данные за 2012 г.) получены ответы, свидетельствующие о пассивной позиции большей части опрошенных. Так, лишь 1,3% респондентов участвуют в религиозных обрядах ежедневно, 4,6% – еженедельно, 6,9% – один-два раза в месяц, 28,7% – несколько раз в год, 27,5% – один-два раза в год. Респондентов, ответивших «Никогда», было 17,0%, а затруднились ответить на данный вопрос 13,2%.

Примечательно, что подобная ситуация характерна не только для Беларуси, России, но и для других стран. По данным отдела социально-политических исследований Левада-Центр, изучающего роль Русской Православной Церкви (РПЦ) в жизни российского общества, по частоте посещения храмов и включенности в жизнь церкви Россия занимает последнее, 15-е место среди исследованных стран. Так, в ФРГ, Словакии, Болгарии не вовлечены в деятельность церкви (помимо участия в службах) 20% верующих, в США и Швеции – 30%, во Франции – 40%, в Великобритании и Польше – 45%. Раз в месяц посещают церковь 35% верующих в США и Словакии, 30% – в ФРГ, каждый четвертый из верующих – в Болгарии и Швеции, а в России – только 3% [8].

Влияние религиозного фактора на политические и социокультурные взгляды верующих

Для выявления влияния религиозного фактора на сущность, особенности и направленность политических и социокультурных взглядов верующих и атеистов, были

выделены группы лиц с высокой религиозной активностью (принимают участие в религиозных обрядах ежедневно), средней религиозной активностью (участвуют в религиозных обрядах каждую неделю, 1-2 раза в месяц), низкой религиозной активностью (участвуют в религиозных обрядах 1-2 раза, несколько раз в год) и отсутствующей религиозной активностью (не принимают участия в религиозных обрядах).

Существует стереотип, согласно которому у практикующих верующих ниже уровень образования, чем у атеистов. Действительно, в группе с высокой религиозной активностью отмечается самый большой процент (35,7%) лиц с неполным средним образованием. В то же время в указанной группе зафиксирован и самый большой процент (21,4%) лиц с высшим и незаконченным высшим образованием. Лиц со средним общим (14,3%) и средним специальным образованием (28,6%) меньше, чем в других группах. Данные об уровне образования исследуемых групп приведены в таблице 1.

Таблица 1. – Распределение лиц с высокой, средней, низкой и отсутствующей религиозной активностью по образовательному урону, %

Уровень образования	Религиозная активность			
	Высокая	Средняя	Низкая	Отсутствующая
Неполное среднее	35,7	19,5	15,8	16,4
Среднее общее	14,3	24,8	23,5	26,9
Среднее специальное	28,6	38,2	40,8	40,7
Высшее/незаконченное высшее	21,4	17,5	19,9	16,0

Интерес к политике у выделенных социальных групп отражают ответы на вопрос «Интересуетесь ли Вы политическими событиями, которые происходят в Беларуси?» (таблица 2).

Таблица 2. – Распределение ответов на вопрос «Интересуетесь ли Вы политическими событиями, которые происходят в Беларуси?», %

Варианты ответов	Религиозная активность			
	Высокая	Средняя	Низкая	Отсутствующая
Интересуюсь	46,4	32,6	31,0	34,0
Скорее интересуюсь	10,7	30,5	31,7	23,9
Скорее не интересуюсь	17,8	19,8	19,0	18,1
Не интересуюсь	17,8	12,0	10,9	15,5
Затрудняюсь ответить	7,3	5,1	7,4	8,5

Во всех группах отмечается интерес к политическим событиям. Причем в группе лиц с высокой религиозной активностью процентное соотношение выше, чем в трех других, в том числе в группе с отсутствующей активностью, где значителен процент тех, кому политика не интересна.

Яркий показатель, отражающий особенности социокультурных ориентаций верующих и атеистов, – их неравнодушное отношение к социальным, экономическим и дру-

гим проблемам в обществе. С этой целью респондентам было предложено отметить проблемы, которые волнуют их больше всего. Примечательно, что для лиц с высокой религиозной активностью социальная и личностная проблематика приобретают второстепенное значение. Чем активней респонденты принимают участие в обрядовой деятельности, тем меньше их волнуют проблемы социальной или личностной направленности. Полученные результаты отражены в таблице 3.

Таблица 3. – Распределение ответов на вопрос «Какие проблемы волнуют Вас больше всего?», %

Варианты ответов	Религиозная активность			
	Высокая	Средняя	Низкая	Отсутствующая
Личная безопасность	3,6	13,2	15,3	14,4
Жилищные проблемы	17,8	29,7	32,3	30,8
Состояние здоровья	39,2	45,9	41,2	38,9
Рост пьянства и алкоголизма	39,2	34,7	35,6	30,6
Расслоение общества на богатых и бедных	17,8	19,8	26,3	21,9
Уровень оплаты труда	21,4	35,5	41,5	40,7
Угроза потери работы	14,3	7,0	9,0	8,9
Цены на продукты и товары первой необходимости	57,1	61,1	61,5	59,5
Экологическая ситуация	7,1	23,5	24,0	16,9

Примечание – Сумма процентов более 100, т.к. респонденты могли выбрать несколько вариантов ответов.

Британские исследователи выяснили, что религиозные люди по-другому относятся к политике и социально-экономическим ситуациям. Так, верующие менее благоклонно по сравнению с атеистами воспринимают выплату пособий по безработице, лучше справляются с такими жизненными неурядицами, как развод или потеря работы. Вера часто воспринимается как своего рода страховой полис, которым можно воспользоваться в критических ситуациях [6]. Это находит свое отражение в оценках верующими своей жизни в целом. Например, отвечая на вопрос «Как бы Вы оценили на сегодняшний момент свою жизненную ситуацию в целом?», представители различных групп разошлись во мнениях. В группах с высокой и средней религиозной активностью отмечается больший процент тех, кто оценивает свою жизнь как «все не так плохо, и можно жить» (42,8–42,5%). Соответственно, меньший процент тех, кто оценивает свое положение как «бедственное, терпеть уже невозможно» (3,5–5,0%). В группе с отсутствующей религиозной активностью отмечается больший процент тех, кто считает, что в его жизни «все более чем нормально» (6,5%), и меньший процент тех, кто считает, что «все не так плохо, и можно жить» (36,7%). Также в данной группе зафиксирован максималь-

ный процент тех, кто оценивает свое положение как «бедственное, терпеть уже невозможно» (5,9%). Данные об оценках респондентов своей жизненной ситуации представлены в таблице 4.

Таблица 4. – Распределение ответов на вопрос «Как бы Вы оценили свою теперешнюю жизненную ситуацию в целом»? , %

Варианты ответов	Религиозная активность			
	Высокая	Средняя	Низкая	Отсутствующая
Все более, чем нормально	3,5	5,7	4,3	6,5
Все не так плохо, и можно жить	42,8	42,5	39,6	36,7
Жить трудно, но можно терпеть	42,8	42,6	44,4	43,0
Положение бедственное, терпеть уже невозможно	3,5	5,0	5,8	5,9
Затрудняюсь ответить	7,4	4,2	5,9	7,9

Интересны и показательны оценки респондентами своего будущего. Оптимистично настроенных респондентов больше в группах с высокой и средней религиозной активностью. Так, в группе с высокой религиозной активностью тех, кто считает, что жизнь изменится к лучшему, 42,8%, а тех, кто уверен, что его жизнь останется без изменений, 28,5%. Вариант ответа «Изменится к худшему» в указанной группе не выбрал никто.

В группах с низкой и отсутствующей религиозной активностью отмечается меньший, чем в других группах, процент тех, кто верит, что жизнь изменится к лучшему: 31,6% (низкая религиозная активность), 25,7% (отсутствующая религиозная активность); что жизнь останется без изменений, – 20,1% (низкая религиозная активность), 20,6% (отсутствующая религиозная активность). В том, что жизнь изменится к худшему, убеждены респонденты с низкой религиозной активностью (11,0%) и отсутствующей религиозной активностью (10,8%). Данные представлены в таблице 5.

Таблица 5. Распределение ответов на вопрос «Как, по Вашему мнению, изменится Ваша жизнь в ближайшем будущем?», %

Варианты ответов	Религиозная активность			
	Высокая	Средняя	Низкая	Отсутствующая
Изменится к лучшему	42,8	30,2	31,6	25,7
Останется без изменений	28,5	21,9	20,1	20,6
Изменится к худшему	0	9,0	11,0	10,8
Затрудняюсь ответить	28,7	38,9	37,3	42,9

Религиозная и этнокультурная структура Беларуси сложилась в результате геополитического положения на стыке восточной и западнославянской культур, что не могло не отразиться на формировании мировоззренческого плюрализма, реальное проявление которого – веротерпимость, религиозная толерантность белорусов. Став частью культуры белорусского народа, религия способствовала развитию письменности, книгопечатания, храмостроительства и т.д. Соответственно, религия исторически вплетена в контекст общественной жизни и находится в тесной связи со всеми областями жизнедеятельности социума (культурой, экономикой, политикой, образованием и т.д.). Это во многом определяет систему ценностных приоритетов, духовно-нравственные, эстетические, политические и иные взгляды граждан.

В белорусском законодательстве закреплены важнейшие права человека и гражданина независимо от национальности, языка общения, отношения к религии, и запрещены любые формы ограничения прав граждан по признакам расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности. В соответствии с Конституцией Республики Беларусь (ст. 16) взаимоотношения государства и религиозных организаций регулируются Законом «О свободе совести и религиозных организациях» [9] с учетом их влияния на формирование духовных, культурных и государственных традиций белорусского народа [10, с. 7].

Деятельность органов государственного управления, местных исполнительных и распорядительных властей координируется Программой развития конфессиональной сферы, национальных отношений и сотрудничества с соотечественниками за рубежом на 2011–2015 гг., разработанной Аппаратом уполномоченного по делам религий и национальностей совместно с заинтересованными лицами и утвержденной на заседании коллегии Аппарата уполномоченного в январе 2011 г. [11].

Атеизм и свобода вероисповедания в Республике Беларусь составляют свободу совести, т.е. право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию либо не исповедовать никакой. Сущность свободного вероисповедания заключается в том, что человек имеет право сделать выбор: отдать предпочтение какой-то религии, исповедовать ее и участвовать в обрядовой деятельности, менять религиозные взгляды либо вообще быть атеистом. В соответствии с действующим законодательством никто, не обязан сообщать о своем отношении к религии и никого нельзя заставить отказаться от исповедания какой-либо религии, от участия в богослужении, других религиозных обрядах и церемониях. Республика Беларусь – светское государство, и никакая религия не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной. Религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом. Однако принцип светскости государства нельзя понимать как радикальное вытеснение религии из всех сфер жизни народа, отстранение религиозных объединений от участия в решении общественно значимых задач. Этот принцип предполагает прежде всего разделение сфер компетенции государственной власти и религиозных объединений, невмешательство их во внутренние дела друг друга.

Заключение

На основе изучения роли и значимости религиозного фактора в социально-политической жизни современной Беларуси можно сделать следующие выводы.

1. Роль и значение религии в жизнедеятельности белорусского общества определяется значимостью веры, что помогает белорусам справиться с жизненными проблемами и неурядицами в повседневной жизни и в целом оказывает благотворное влияние на восприятие действительности.

2. В структуре конфессионального самоопределения белорусов большинство населения (94,8%) относит себя к одной из конфессий. При этом отмечается пассивная

позиция большей части опрошенных относительно реализации своих религиозных убеждений. Подобная ситуация характерна не только для Беларуси, но и для России, а также для других стран.

3. Во всех выделенных группах отмечается интерес к политическим событиям, происходящим в Беларуси. Наибольший интерес наблюдается в группе с высокой религиозной активностью. В то же время в указанной группе отмечается значительное число тех, кому политика неинтересна.

Для лиц с высокой религиозной активностью социальная и личностная проблематика приобретает второстепенное значение. Чем активней респонденты принимают участие в обрядовой деятельности, тем меньше их волнуют социальные и личностные вопросы. В оценках настоящего и будущего отмечается больше оптимистично настроенных респондентов в группах с высокой и средней религиозной активностью. В группах с низкой и отсутствующей религиозной активностью ниже процент тех, кто верит, что жизнь изменится к лучшему и что жизнь останется без изменений.

4. В белорусском законодательстве закреплены важнейшие права человека и гражданина независимо от его отношения к религии и запрещены любые формы ограничения прав граждан по признакам религиозной принадлежности. Свобода совести и вероисповедания – конституционное право каждого человека исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, которое реализует естественное право человека на любые убеждения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дюркгейм, Э. Самоубийство : социологический этюд / Э. Дюркгейм. – СПб. : Союз, 1998. – 492 с.
2. Зиммель, Г. Избранное : в 2 т. / Г. Зиммель – М., 1996. – Т. 1: Философия культуры. – 670 с.
3. Сорель, Ж. Размышления о насилии / Ж. Сорель. – М., 1907. – 225 с.
4. Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер. – Ивано-Франковск : Ист-Вью, 2002. – 350 с.
5. Парсонс, Т. О структуре социального действия / Т. Парсонс; под общ. ред. В.Ф. Чесноковой, С.А. Белановского. – М. : Академ. проект, 2002. – 877 с.
6. Вера в Бога помогает стать счастливее // МОД «Живи» [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: <http://www.wday.ru>. – Дата доступа: 11.01.2013.
7. Религиозная ситуация и государственно-конфессиональные отношения в 2010 году // Аппарат Уполномоченного по делам религий и национальностей [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: http://www.belarus21.by/ru/main_menu/religion/sotr/new_url_1648988856). – Дата доступа: 20.12.2012.
8. Редичкина, О. Отношение к вере аналогично отношению к государству / О. Редичкина // Деловой журнал РБК [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа: <http://magazine.rbc.ru/2012/08/20/trends/562949984506862.shtml>. – Дата доступа: 11.01.2013.
9. О свободе совести и религиозных организациях : Закон Республики Беларусь, 17 дек. 1992 г., № 2054-ХІІ : в ред. Закона Респ. Беларусь от 04.01.2010 г. // Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой инф. Респ. Беларусь. – Минск, 2010.
10. Конституция Республики Беларусь 1994 г. (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г.). – Минск : Амалфея, 2011. – 48 с.

11. Программа развития конфессиональной сферы, национальных отношений и сотрудничества с соотечественниками за рубежом на 2011–2015 гг. // Аппарат Уполномоченного по делам религий и национальностей [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа: http://www.belarus21.by/ru/zakonod/new_url_1750943773. – Дата доступа: 15.12.2012.

Balich N. Religious Factor in Social and Political Life of Modern Belarus

The influence of the religious factor on the various aspects of social life in Belarus, including the social and political, are analyzed in the article on the basis of monitoring data by the Institute of Sociology of National Academy of Sciences, Information-Analytical Center of the Presidential Administration, the Department of Social and Political Studies of Levada Center (Russia), as well as statistics of the Office for Religious and Ethnic analyzes. The essence, especially the direction of political and socio-cultural attitudes of believers and atheists, differentiated into groups with high, medium, low and lack of religious activities, are revealed.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 28.02.2013

ЗВЕСТКІ АБ АЎТАРАХ

Анупрыенка С.П. – доктар філасофскіх навук, дацэнт кафедры тэарэтыка-метадалагічных асноў фізічнай культуры Інстытута павышэння кваліфікацыі і перападрыхтоўкі кіруючых работнікаў і спецыялістаў фізічнай культуры, спорту і турызму Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта фізічнай культуры

Асманаліева А.Т. – аспірант кафедры паліталогіі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Аўраменка В.А. – аспірант кафедры паліталогіі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Бабосава К.С. – кандыдат сацыялагічных навук, старшы навуковы супрацоўнік Інстытута сацыялогіі НАН Беларусі

Бабосаў Я.М. – акадэмік, доктар філасофскіх навук, прафесар, загадчык аддзела палітычнай сацыялогіі і інфармацыйных тэхналогій Інстытута сацыялогіі НАН Беларусі

Баліч Н.Л. – кандыдат сацыялагічных навук, старшы навуковы супрацоўнік адзела палітычнай сацыялогіі і сацыялогіі права Інстытута сацыялогіі НАН Беларусі

Бяляева А.В. – кандыдат філасофскіх навук, дацэнт, дацэнт кафедры філасофіі культуры Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Варыч В.М. – кандыдат філасофскіх навук, дацэнт, загадчык кафедры філасофіі і культуралогіі Брэсцкага дзяржаўнага тэхнічнага ўніверсітэта

Ватыль М.В. – аспірант кафедры паліталогіі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Воліна Л.Г. – аспірант кафедры паліталогіі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Дарэнскі В.Ю. – кандыдат філасофскіх навук, дацэнт, суіскальнік Інстытута філасофіі імя Р.С. Скаварады НАН Украіны

Колас А.В. – аспірант кафедры дыпламатычнай і консульскай службы Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Лысюк А.І. – доктар палітычных навук (Украіна), кандыдат філасофскіх навук, дацэнт, прафесар кафедры паліталогіі і сацыялогіі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Люкевіч У.П. – кандыдат філасофскіх навук, дацэнт кафедры спартыўных дысцыплін Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Налівайка І.М. – кандыдат філасофскіх навук, дацэнт, дацэнт кафедры філасофіі культуры Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Нянчук В.М. – суіскальнік Украінскай акадэміі друкарства (г. Львоў, Украіна)

Макаранка Я.А. – доктар палітычных навук, прафесар, вядучы навуковы супрацоўнік аддзела трансатлантычных даследаванняў Інстытута сусветнай эканомікі і міжнародных адносін НАН Украіны

Піпчанка Н.А. – кандыдат палітычных навук, дацэнт кафедры міжнароднай інфармацыі Інстытута міжнародных адносін Кіеўскага нацыянальнага ўніверсітэта імя Т. Шаўчэнкі

Пушкін І.А. – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, дацэнт кафедры гуманітарных дысцыплін Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта харчавання

Русецкая В.І. – доктар сацыялагічных навук, прафесар, вядучы навуковы супрацоўнік Інстытута сацыялогіі НАН Беларусі

Сакалоўская М.Р. – старшы выкладчык кафедры паліталогіі і сацыялогіі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Севярын Э.М. – аспірант кафедры паліталогіі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта

Фаблінава В.М. – малодшы навуковы супрацоўнік сектара сацыялогіі навукі і навуковых кадраў Інстытута сацыялогіі НАН Беларусі

Якавук Т.І. – кандыдат культуралогіі, доктар сацыялагічных навук, прафесар, прафесар кафедры паліталогіі і сацыялогіі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Да ведама аўтараў

Рэдкалегія часопіса разглядае рукапісы толькі тых артыкулаў, якія адпавядаюць навуковаму профілю выдання, нідзе не апублікаваныя і не перададзеныя ў іншыя рэдакцыі.

Артыкулы прадстаўляюцца на беларускай ці рускай мовах у двух экзэмплярах аб'ёмам ад 0,35 да 0,5 друкарскага аркуша, у электронным варыянце ў фармаце Microsoft Word for Windows (*.doc; *.rtf) і павінны быць аформлены ў адпаведнасці з наступнымі патрабаваннямі:

- папера фармату А4 (21×29,7 см);
- палі: зверху – 2,8 см, справа, знізу, злева – 2,5 см;
- шрыфт – гарнітура Times New Roman;
- кегль – 12 pt.;
- міжрадковы інтэрвал – адзінарны;
- двукоссе парнае «...»;
- абзац: водступ першага радка 1,25 см;
- выраўноўванне тэксту па шырыні.

Максімальныя лінейныя памеры табліц і малюнкаў не павінны перавышаць 15×23 см або 23×15 см. Усе графічныя аб'екты, што ўваходзяць у склад аднаго малюнка, павінны быць згрупаваны паміж сабой. Фатаграфіі ў друк не прымаюцца. Размернасць усіх велічынь, якія выкарыстоўваюцца ў тэксце, павінна адпавядаць Міжнароднай сістэме адзінак вымярэння (СВ). Забараняюцца скарачэнні слоў, акрамя агульнапрынятых.

Спіс цытуемай літаратуры павінен быць аформлены паводле ДАСТА 7.1-2003 і размешчаны ў канцы тэксту. Спасылкі на крыніцы ў артыкуле нумаруюцца адпаведна парадку цытавання. Парадкавыя нумары спасылак падаюцца ў квадратных дужках (напрыклад: [1, с. 32], [2, с. 52–54]). Забараняецца выкарыстанне канцавых зносака.

Артыкул уключае наступныя элементы па парадку:

- УДК;
- ініцыялы і прозвішча аўтара (аўтараў);
- назва друкуемага матэрыялу;
- анатацыя ў аб'ёме ад 100 да 150 слоў на мове артыкула (кегль – 10 pt.);
- асноўны тэкст з табліцамі, графікамі і іншымі ілюстрацыйнымі матэрыяламі, структураваны ў адпаведнасці з патрабаваннямі ВАК да навуковых артыкулаў, якія друкуюцца ў выданнях, уключаных у спіс навуковых выданняў для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў;
- бібліяграфічныя спісы да артыкула ў адпаведнасці з ДАСТАм 7.1-2003;
- рэзюмэ на англійскай мове (кегль – 10 pt.) з перакладам прозвішча і ініцыялаў аўтара (аўтараў) і назвы друкуемага матэрыялу.

Да рукапісу артыкула абавязкова даюцца:

- звесткі пра аўтара на *беларускай* мове (прозвішча, імя, імя па бацьку поўнацю, вучоная ступень і званне, месца працы (вучобы) і пасада, хатні адрас і тэлефон);
- для аспірантаў і суіскальнікаў – звесткі аб навуковых кіраўніках;
- рэкамендацыя калегіяльнага органа ўстановы (падроздзялення), дзе працуе (вучыцца) аўтар;
- рэкамендацыя знешняга рэцэнзента;
- экспертнае заключэнне.

Рэдакцыйная калегія часопіса праводзіць экспертызу атрыманых дакументаў і робіць дадатковае рэцэнзаванне артыкулаў. Рукапісы, аформленыя не ў адпаведнасці з выкладзенымі правіламі, рэдкалегіяй не разглядаюцца.

Карэктары *Л.М. Калілец, Ж.М. Селюжыцкая*
Камп'ютэрнае макетаванне *Г.Ю. Пархац, С.М. Мініч*

Подписано в печать 11.05.2013. Формат 60×84/8. Бумага офсетная.
Гарнітура Таймс. Ризографія. Усл. печ. л. 17,67. Уч.-изд. л. 14,85.
Тираж 100 экз. Заказ № 144.

Издатель и полиграфическое исполнение
УО «Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина».
ЛИ № 02330/277 от 08.04.2009.
224016, Брест, ул. Мицкевича, 28.